

СТОЛИЩА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК

№ 36 (198) 1994 г.

PREUSSISCHER
STAATS-
BIBLIOTHEK
ZU BERLIN
KULTURBESITZ

Дети опилок

Они родились в цирке

М. 76878

ILION

официальный дистрибьютор фирмы
KETTLER

• Степперы

• Велотренажеры

• Беговые дорожки

• Тренажеры для бодибилдинга

Гарантийное обслуживание

• Солярии

• Теннисные столы

• Гребные тренажеры

• Аксессуары для фитнеса

Консультации врачей

Россия, 129301, Москва,
Б. Галушкина, 7, 2-й этаж

Тел.: (095) 956-28-10 Факс: (095) 286-87-62

Розничная торговля:

Торговый дом "ИЛИОН",

ВВЦ (ВДНХ), павильон "Москва", 3-й этаж.

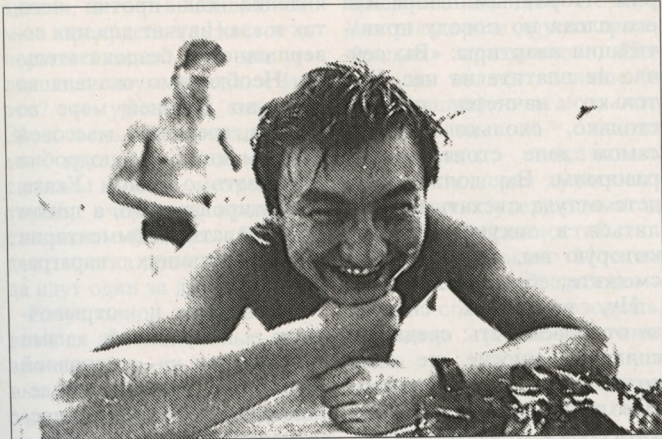
В НОМЕРЕ

4 Предотвращать эпидемию, когда она началась, — всегда поздно. Ее надо предотвращать раньше: когда все еще живы.

11 Леонид КУЧМА:

Я никогда не предлагал, чтобы Украина добровольно вступила в Российскую империю. Напротив, наши отношения с Россией должны развиваться в стратегическом плане — не за счет отношений с другими странами Запада и Востока.

41 Эдуард ДОРОЖКИН:

Бани, быть может, единственные оставшиеся в Москве «точки застоя». Баня — то место, где можно снова почувствовать себя в стаде. Вместе в парилку, вместе под душ. Только там душа наша становится чуть-чуть мягче...

Холера проклятая
Эдуард Дорожкин 4
Свобода второй свежести
Михаил Глобачев 7

Политика

Родовой порок российской социал-демократии
Андрей Новиков 8
Украина: конец сезона вождей
Сергей Шаповал 11
Чей же это конфликт?..
Интервью с Рамазаном Абдулатиповым 15

Жизнь

Рожденные в опилках
Ксения Климова, Юрий Штукин (фото) 17
Явление Юзера
Елена Бердникова 22
Деловые бабки
Антон Буланов 25
Остров невезения
Сергей Серета 26
Опыт невинности
Алла Боссарт 30
Блеф-жизнь
Алексей Ерохин 35
Джаз-клуб/нон-стоп
Алексей Баташев 36
Базар-вокзал
Николай Бахрошин 38
Банный день
Эдуард Дорожкин 41
Твербуль
Алексей Митрофанов 44

Культура

«Жизнь—театр. Я пытаюсь играть в нем разные роли»
Интервью с Арменом Григоряном 47
Имита
Дмитрий Быков 52
Унесенные ретром
Михаил Поздняев 55
Баллада о знамени
Михаил Веллер 58
Дикие животные сказки
Людмила Петрушевская
Собрание сочинений
Игорь Иргеньев 63

Письма 2
Цитатник 16
С миру по нитке 29
Дневник И. 50

На первой странице обложки фото Ю.Штукина, дизайн С.Стыриковича

55 Михаил ПОЗДНЯЕВ:

99,9 процента телезрителей всем прочим кино- и телефильмам предпочитают советские ленты 60—80-х годов. Воевать с этим смешно. Смеяться над этим — воевать с собственной тенью. Тени исчезают вместе с нами, когда солнышко заходит.

64 Пабло ПИКАССО:

Открыв для себя фотографию, я исчерпал потребность познавать что-либо еще.

Общественно-политический иллюстрированный еженедельник

Москва, 101425, ГСП-4, Петровка, 22

Телефоны: 928-23-49, 921-67-45
Телефакс: 921-29-85
Телекс: 413739 autp

Журнал «Столица» выходит еженедельно с августа 1990 г. Зарегистрирован Комитетом Российской Федерации по печати 25 октября 1993 г. (№ 0110344). Учредитель: редакция журнала «Столица».

Главный редактор: Андрей Мальгин

Заместители главного редактора: Консуэло Сегура, Петр Смирнов, Владислав Старчевский

Коммерческий директор: Юрий Бычков

Директор издательства: Борис Рабкин

Ответственный секретарь: Юрий Бугельский

Главный художник: Владимир Васин

Отдел политики: Александр Касатов

Отдел экономики и науки: Елена Эрикссен

Отдел права: Николай Бахрошин

Международный отдел: Андрей Голубов

Отдел искусства: Татьяна Савицкая

Отдел литературы: Дмитрий Быков

Отдел репортажа: Владимир Грибанов

Отдел писем: Наталья Туровская

Над номером работали: П.Смирнов, Н.Ударцева, И.Цыцарева

Номер подписан в печать 31.08.1994 г. Тираж 100 000

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции. При перепечатке ссылка на «Столицу» обязательна. Редакция в переписку не вступает.

С предложениями о размещении рекламы звоните по телефону: 923-19-71

По вопросам распространения обращайтесь по телефону: 928-27-69

© «Столица», 1994

Отпечатано в Финляндии в типографии «UPC Consulting Ltd.» с диапозитивов, изготовленных в фотонаборном центре еженедельника «Столица»

Кто ведет нас к Храму?

Коллаж на обложке «Столицы» № 30 — как будто типичная антиреклама мэра Москвы. У подножия Лобного места Ю.Лужков в роли не то палача, не то мясника-людоеда разделяет топором отсеченную голову министра-приватизатора А.Чубайса. Бр-р... круто, ничего не скажешь!

В номере под этой обложкой находим очерк Л.Радзиховского, где автор для начала с помощью цитат из «ленинианы» проводит параллель между Лужковым и вождем пролетарской революции. И это тоже — «в струю»?

Ничего подобного: дальше Л.Радзиховский уже на полном, как говорится, серьезе уверяет, что Лужков «войдет не в городскую хронику, а в Историю», что он — «символ эпохи», строитель «особого ценностного мира» и ведет нас по дороге к Храму (на этот раз — нового русского капитализма).

Не буду сейчас спорить, хороши или плохи действия нашего мэра: это отдельная тема. Здесь дело в том, что автор очерка вольно или невольно поставил себя, а заодно, похоже, своего героя и руководство редакции в позицию унтер-офицерской вдовы.

Как это? Очень просто: выстроив сей апологетический ряд, Л.Радзиховский вдрызг разбивает свой же имидж аналитика, собственную журналистскую концепцию. Прежде он из номера в номер журнала, из года в год писал статьи, где доказывал, не без скепсиса и иронии, что «боги умерли», надрывный пафос уступает место трезвой приземленности, простые житейские дела лишаются ореола героизма. И что все это правильно и полезно.

Вот бы и к Ю.Лужкову подойти столь же взвешенно. В мире здоровых буржуазных отношений богатство и влияние давно перестали быть синонимом праведности. У

них в достатке и храмов, и мастерских, но как будто никто не путает одно с другим. И персональным символом среди всего тамошнего начальства может служить разве что монарх или действующий президент, а для городских администраторов существуют иные меры.

Все же некая истина в очерке Л.Радзиховского, по-моему, присутствует. Она — в заключительном пассаже: «Перед строящимся зданием этого храма одни приходят в иступленный восторг и бросаются служить по этой новой вере, другие впадают в отчаяние или растерянность».

Подозреваю, что очень многих здравомыслящих людей приводит в замешательство не само «строящееся здание», а как раз чужая неумная восторженность.

Н.МОСПАНОВА

Москва

Тревожно мне, гольтьбе...

В 27-м номере «Столицы» — интервью с генеральным директором Департамента мэра Москвы Кемером Норкиным. Поразили его слова по поводу приватизации квартиры: «Вы сейчас не платите на нее. Как только начнете платить столько, сколько она на самом деле стоит, — вы разорены. Вы должны будете оттуда съехать и поселиться в такую квартиру, которую вы, как гольтьба, сможете себе позволить».

Ну, во-первых, спасибо за откровенность: среди нас слишком многие, не один только корреспондент «Столицы», могут приравнять себя к гольтьбе.

И во-вторых, где подтверждение этих слов? Ведь «МММ» породил много опубликованных ранее во многих газетах (кстати, и в «Центре плюс») данные о повышении цен, конечно, беспокоили, но подобной катастрофы не предвещали. Значит, что-то изменилось? Каким образом? Почему

господин директор не привел никаких цифр, зато легко посеял тревогу в сердцах многотысячной гольтьбы?

Я уже всерьез стал подумывать после этого интервью, сейчас ли продавать свою квартиру или еще немного подождать. Надежд-то никаких. Не может ведь столь ответственный человек меня дезинформировать. Жаль только, что информация неполная. Может быть, редакция найдет возможность ее уточнить?

А.КУЛАГИН

Москва

Массовость информации

В № 30 «Столица» немало строк посвятила новому Указу президента о борьбе с бандитизмом и организованной преступностью, выступая устами своих авторов (Валерия Новодворская и Леонид Шпигель) против Указа.

Возможно, они правы, утверждая, что Указ нарушает права человека и допускает произвол стражей порядка. Но большинство читателей плохо знакомы с Указом, многие и в глаза его не видели, поэтому заявления как против него, так и «за» звучат для них совершенно бездоказательно. Необходимо сначала во всех, по крайней мере во многих, средствах массовой информации подробно рассказать о самом Указе, процитировать его, а потом уже давать комментарии соответствующих параграфов.

Неясность и отрывочность получаемой нами информации — основной недостаток прессы и телевидения, особенно последнего.

Так, скажем, скандал с утверждением этих слов? Ведь «МММ» породил множество толков, слухов, неясностей, которые, возможно, будут до конца исследованы очень не скоро. Но какие-то очевидные вещи должны быть уточнены сегодня же. Например, почему «МММ» продол-

жает действовать, а ее председатель Мавроди арестован? Если ему предъявлено обвинение в неуплате налогов, то разве законно существование самой его фирмы? И если да, то почему?

Но никаких толковых разъяснений нет, есть только обрывочная и противоречивая информация, которой явно недостаточно не только для постижения самой истины, но даже для простого приближения к ней.

А. СИБИРЯКОВ

Кострома

Ценности, которые мы не умеем хранить

В «Столице» № 29 репортаж Кирилла Книжкина и Эдуарда Кудрявицкого «Реконструкция, о которой так много говорили...»

Правильно, говорим много, но толку вот мало. Журнал справедливо решил вернуться к старой теме, ведь ее решения ждут многие.

Хочу добавить кое-что к этой же проблеме. Недавно с сыном побывали в музее личных коллекций на Волхонке. Впечатления и от здания, и от выставок самые прекрасные. Но вот в первом нижнем зале мы услышали... шум поезда. «Что это? — удивился сын. — Здесь ведь нет вокзала». И мы догадались: это так слышны поезда метро, которые, очевидно, проходят слишком близко. Здание даже слегка дрожит, а поезда идут один за другим...

Безусловно, строя метро, возводя эти помпезные подземные чуть ли не дворцовые сооружения, никто не задумывался о том, какой вред они принесут городу и зданиям наверху. Что делать теперь? Не знаю. Знаю только, что изумительное здание музея на Волхонке почти непрерывно вздрагивает в такт поездам. И это страшно.

В. ПОПОВ

Можайск

Очередная высадка десанта

Я живу в непосредственной близости от Парка культуры. В дни, когда там проходят какие-либо праздники бывших военных, мы боимся нос из дома высунуть. Недавно шумно прошел очередной День военно-морского флота, но моряки — это тихони по сравнению с десантом, который устроил очередную высадку в парк 2-го августа.

Уже с утра народ в испуге шарахался в метро от мускулистых парней в тельняшках. Юноши кричали, пели, пили из бутылок, носились по эскалаторам, буквально отшвыривая с пути уборщиц и милиционеров, пытавшихся охладить их пыл. Бурное гулянье, или попросту пьянка, длилось допоздна. Крики доносились до утра, а утром мост и площадь, не говоря уж о самом парке, представляли собой страшное зрелище. Гуляли десантники широко: они преграждали дорогу транспорту, останавливали машины, даже... реанимационную, ломались вечером в закрытую поликлинику...

Спокойно проходят празднования Дня печати, Дня шахтера и других гражданских праздников. Почему же только военные (и то бывшие) считают, что праздновать — значит буйствовать, показывать свою силу через хулиганство, будучи уверенными в своей безнаказанности?

А правительство Москвы считает, что этот дебош — иначе его не назовешь, вспомнив разбитые витрины и тысячи бутылок вокруг, — вполне допустим и его можно и нужно санкционировать? Кому это приносит радость, у кого вызывает ощущение счастья? Ничего, кроме горечи и недоумения.

И. ЛОБАНОВСКАЯ

Москва

Льготная подписка

**Уважаемые
московские
читатели**

«Столицы»!

*Если вы имеете возможность
приезжать за нашим журналом
в редакцию, мы подпишем вас
на второе полугодие 1994 года
по льготной цене:*

**Стоимость подписки
на один месяц
1000 рублей.**

**Подписку можно оформить
в редакции по адресу:
Петровка, 22, вход со двора,
комн. № 610.**

**Справки по телефону:
928-10-34**

Холера проклятая

Десятки умерли, болеют сотни

Дагестан. Селенье Хебда Шамильского района. Здесь самое большое число людей, инфицированных холерой

Начнем с цитаты. «Не позднее чем завтра в охваченную эпидемией республику Дагестан спецрейсом вылетят министр здравоохранения Эдуард Нечаев и специалисты Управления профилактической медицины». Это — из «Вечерней Москвы» от 23 августа. Вам нравится подобная формулировка — «не позднее чем завтра»? Мне — вовсе не нравится. Завтра — это 24 августа. А поздно было уже вчера. Предотвращать эпидемию, когда она уже началась, — всегда поздно. Ее надо предотвращать раньше — когда не семнадцать человек умерло, а один. Или — и это лучше — когда все еще живы. Российский министр Нечаев, да и все правительство, озабоченное проблемами куда более глобальными, особой прыти в борьбе с начавшейся в Дагестане эпидемией не проявили. А она и не стала ждать, пока проявят. Эпидемия — не тварь дрожащая, она — право имеет. Она — страшная. Она — как война. И не я первый это заметил.

«...Большинство заболеваний холерой, если лечение начато до периода судорог, оканчивалось в больницах благополучно...» — писал в газете «Новое время» от 1 (13) ноября 1893 года знаменитый издатель и публицист А.С.Суворин. Речь шла об эпидемии холеры, охватившей в тот несчастный год почти всю территорию громадной Российской Империи и унесшей — в числе многочисленных прочих жертв — гениального Петра Ильича Чайковского. Если помните, композитор выпил всего лишь стакан сырой воды — и лучшие врачи Петербурга ничем не смогли помочь.

В советские времена холере была объявлена решительная борьба. Справедливости ради надо отметить, что информационная блокада — а сведения о распространении холеры нелегко было получить даже людям, по роду своих занятий обязанным знать про нее все, — уравновешивалась наличием блокады территориальной. Одной из самых любимых акций советского правительства было объявление карантина. Впрочем, «объявление» — слишком громко сказано. О том, что на определенной территории объявлялся карантин, знали только местные жители да злосчастные путешественники, попадавшие в многодневную блокаду. Сейчас о холере знают все — только радости от этого мало.

Строгие карантинные меры давно уже не приветствуются Всемирной организацией здравоохранения. Но даже если бы они вдруг были рекомендованы, ввести карантин в том

Специалисты на выезде

же Дагестане, например, в настоящее время практически невозможно. Настоящий карантин — это когда определенную местность оцепляют войсками. В каждом аэропорту, на каждой железнодорожной станции, в каждой деревне и на каждом перекрестке — по отряду автоматчиков. В случае с северокавказскими республиками это прямой путь к войне.

С самого начала холера шла в Россию с Нижней и Средней Волги. Са-

мый опасный в этом смысле район — дельта «великой русской реки». И если раньше инфекция «въезжала» в среднюю полосу России большей частью водными путями, то сейчас к ее услугам — поезда и самолеты. По оценкам специалистов, ежедневно в Москву приезжают от двадцати до двадцати пяти тысяч потенциальных носителей холерного вибриона. Выезд из Дагестана возможен только при предъявлении справки о состоянии здоровья. Но, как всякий до-

Заседание штаба

кумент, медицинская справка имеет цену — и весьма вероятно, что не очень высокую. Прекрасная возможность еще раз вздохнуть по ушедшим временам, когда даже при единичных случаях заболевания отменялись все возможные вылеты и выезды.

Очевидцы тбилисской обсервации 1968 года рассказывают, что о введении карантина никто до последнего момента не знал. И только когда человек приходил на вокзал за биле-

Врач у постели больной

Выздоровливающие

том, выяснялось, что выезд за пределы города запрещен. Страшные вещи творились тогда в Тбилиси: направления на обсервацию выдавались районными исполкомами, очереди были многодневными — а потому продавались и перепродавались. Счастливые обладатели направлений поселялись в гостиницах «Сакартвело» и «Иверия». Кормили их за государственный счет — семьдесят копеек в день на человека. На эти деньги на завтрак выдавалась каша манная без сахара, без соли и без молока, на обед — каша перловая и суп на воде, а на ужин — либо ничего, либо стакан чая с куском хлеба. Мудрые грузины, впрочем, забрасывали продукты своим родственникам прямо в окошко.

По прошествии шести дней, в том случае если холера не обнаруживалась, «узников» помещали в специальный автобус, который доставлял их на абсолютно пустой, со всех сторон оцепленный вокзал. В Москву ежедневно уходил один поезд, но и он заполнялся едва ли на треть. И всю дорогу до Москвы ходила по вагонам врач, интересуясь, не расстроился ли у кого-нибудь желудок.

Самое интересное, что тот, памятный, наверное, многим, карантин объявлен был, видимо, исключительно из «спортивного» интереса.

Два случая холеры было зарегистрировано в пойме Волги — и нигде больше. Однако административным размахом чуть ли не весь Кавказ был объявлен «зоной бедствия».

Другое дело — Каракалпакия 65-го года. Холера тогда действительно свирепствовала. Тем не менее и здесь был некоторый, мягко говоря, «перебор». Из России было прислано неимоверное количество медицинских бригад — и отряд, где работали, положим, терапевты и эпидемиологи, соседствовал с подразделением, где трудились мобилизованные психиатры. Всеобщей неразберихе способствовало и то, что жители Каракалпакии понимали по-русски не просто не очень, а что называется, «очень не».

В России существует инстанция, в обязанность которой входит контроль за эпидемиологической обстановкой, — Государственный комитет санитарно-эпидемиологического надзора, которому, в свою очередь, подчиняются противочумные станции, занимающиеся, кроме чумы, и другими особо опасными инфекциями. Плюс к тому — множество институтов эпидемиологии. Центральным же руководит «главный инфекционист страны» академик Валентин Иванович Покровский. Здоровье наше, кажется, в на-

дежных руках. Вот только по телевизору в очередных «Новостях» сказали: количество заболевших увеличилось еще на одну сотню человек.

Справка:

Наша страна вошла в число 78 государств, охваченных пандемией холеры. Положение на конец августа: заболевших в Дагестане — 644, считая с самого начала эпидемии, вибрионосителей — 645. Умерли 18 человек.

Лекарства, которыми лечится холера, нам хорошо знакомы. Это тетрациклин, фуразолидон, левомицетин, канамицин. Дозы должен назначить врач, так, чтобы они эффективно лечили. В случаях самолечения нередко нерегулярный прием таблеток приводит к долгому течению болезни с появлением форм вибрионов, устойчивых к лекарствам. Лекарств в наших стационарах сейчас достаточно.

Смертность в нынешней эпидемии держится на высоком уровне — 4 процента. Это в два раза выше, чем было в 1970 году в Ростове и Одессе.

Эдуард ДОРОЖКИН

Фото ИТАР—ТАСС

Свобода второй свежести

Не лучше дело обстоит и сейчас. Есть, к примеру, республики Россия, Белоруссия, Узбекистан — по отдельности с ними ясно. А как назвать все это вместе? Либо нагоняющими глухую тоску словосочетаниями «бывший СССР», «постсоветское пространство», либо абсурдным: Содружество Независимых Государств. Ну, допустим, «содружество» — это вполне уместное пожелание на будущее. Но ведь независимость, хотя бы в протокольных рамках, для любого государства подразумевается автоматически. В противном случае его зовут иначе: заморским департаментом, протекторатом или как-нибудь еще.

Именно с понятием независимости так или иначе связаны все нынешние тихие и шумные разборки на нашей загадочной территории — от мертворожденного проекта рублевой зоны Москва—Минск до стрельбы в Грозном. Но вот еще что любопытно — и пока совершенно не изучено аналитиками. Любое из новых государств, как признанных, так и непризнанных, отставив свои суверенные права, неизменно обращается не к «общемировым» представлениям о должном, а к конкретной практике своего ближайшего исторического предшественника, если таковой существовал в обозримом прошлом.

Например, страны Прибалтики стараются с максимальной точностью воспроизвести все то, что у них имелось до 1940 года; правда, дело идет не совсем гладко, поскольку с тех пор к местным «пейзажам» — социальному, экономическому, демографическому — добавилось много посторонних деталей.

На Украине картина еще сложнее. Мало того что возвращается запутанная специфика времен краткой и чисто номинальной независимости после царя — борения «красных» с «белыми», «желто-голубыми» и просто «местными». Тогда страна как будто не сумела сложиться из половинок, теперь же ее пытаются сделать наново из трех частей: полстолетия назад к коренной «переславской» Украине и переселенческим Новороссии с Таврией прилепили галицко-волинский регион, после семи веков удаления от восточнославянского ядра не очень-то прижившийся в новейшем «братстве». Подобные коллективы известны по басням Крылова о нелегком труде возчиков и музыкантов...

Белорусские земли в последний раз обладали удельным суверенитетом в доордынские времена — вот сейчас в этой стране, похоже, и не знают толком, как распорядиться независимостью, буквально свалившейся с неба. Точно так же молдаване долго не могли решить, что им делать с братской Румынией — воссоединиться или жить наособицу. В конечном счете большинство все-таки выбрало второе. И здесь тоже повлияла память последнего (хоть и довольно древнего) суверенитета, когда княжества Молдова и Валахия, расположившаяся вокруг Бухареста,

Михаил
ГЛОБАЧЕВ

Нашей
многонациональной
родине в этом
столетии упорно
не везет
с собственным
именем. Кто только
в последние годы
не высмеивал
искусственность
названия «Союз
Советских
Социалистических»,
не издевался над
словами прежнего
гимна, в котором этот
союз сплотила
почему-то
«великая Русь» —
страна совсем
из другой
исторической
эпохи.

были как минимум равны по «историческому престижу». А такое единство, как было в межвоенное двадцатилетие, сегодня устраивает лишь немногих национально озабоченных интеллигентов в Кишиневе.

Власти Туркмении и Узбекистана тем временем увлеченно восстанавливают у себя весь политический ассортимент, соответственно, Хивинского и Бухарского протекторатов Российской Империи. Закавказье получило стреляющую вольницу образца 1918—1921 годов.

Чечня, вечная «кость в горле» российской державы, — та как будто и вовсе вернулась в эпоху имамов, к клановой структуре общества и набеговой системе хозяйства. Таков закон жизни небольших народов с архаическим родоплеменным устройством: в наднациональных империях, клонящихся к закату, всем им живется неплохо. Когда же соперничающие кланы оказываются предоставлены самим себе, они погрязают в жестокой борьбе за власть; национальный быт при этом хиреет и размывается. Не случайно сейчас Джохар Дудаев, обложенный оппозицией, как волк в логове, пытается делать странные реверансы идее «обновленного Союза» и ведет задушевные беседы с генералом Стерлиговым. Это, пожалуй, во всей ситуации единственная новинка в стиле модерн: чеченский патриот ищет сочувствия у русских «ультра»...

А что же сама наша Российская Федерация, наследующая непонятно какому государству, но за последние полтысячи лет не бывшая ничьим вассалом, кроме метафизического «союзного Центра»? И в ней жизнь до недавних пор напоминала знаменитую разруху и двоевластие первой Российской Республики 1917 года.

Осенью прошлого года у нас снова случилось некое триумфальное шествие. По испытанной схеме, из столицы в провинцию, только с обратным знаком: вместо советской власти по стране распространялась ликвидация всех и всяческих советов. Однако на местных выборах экс-коммунисты, спрятавшие партбилеты, но не убеждения, берут тихий реванш. Маятник «советизации» качнулся из провинции к Центру.

В итоге кризис вроде бы попритих: ветви власти, особенно на местах, стремятся слипнуться «под ковром» до полной неразличимости — как, впрочем, и было здесь при любых режимах. И в воздухе, по мнению многих, все отчетливее попахивает очередным туром державного собирания земель. Пока, так сказать, на внутреннем уровне, — а дальше?

Но в любом случае этому государству суждено надолго остаться центром «здорового» или «болезненного» притяжения для всех, чью общность теперь обозначают уклончивыми именами с бессодержательными эпитетами.

Да ведь так это все и раньше было...

Родовой порок российской социал-демократии

Когда-то социал-демократическое движение
превратилось в большевизм.
Сегодня оно может переродиться в национал-социализм

Андрей НОВИКОВ

Вот уже год социал-демократическое движение в России переживает идейный и организационный кризис. Начался же он еще раньше, с того, что Олег Румянцев, один из основателей Социал-демократической партии России (СДПР), избранный депутатом Верховного Совета, стал дрейфовать к позициям, которые он сам называет центристскими, а его товарищи по партии — номенклатурными и даже национал-социалистическими. Они же обвиняют его в излишних политических амбициях, в том, что с его именем в масс-медиа ассоциируется едва ли не вся российская социал-демократия. Закончилось все тем, что пленум партии вывел Румянцева из руководства. Тогда он основал, параллельно партии, социал-демократический центр, став к тому же и одним из лидеров обновленного Гражданского союза.

Все эти разборки можно было бы отнести к внутренним делам СДПР, если бы не одно обстоятельство: 90 лет тому назад раскололась РСДРП — Российская социал-демократическая рабочая партия. Результатом раскола была стремительная кристаллизация уникального революционного феномена — большевизма, которому в дальнейшем суждено было стать тараном русской истории и одновременно ее новым системообразующим началом. Полных аналогий здесь нет и быть не может. Да и соблазн проводить исторические параллели с 17-м годом нередко кончается конфузами: история действительно повторяется, но иной раз «с точностью до наоборот».

Во всяком случае, октябрь 93-го отличается от октября 17-го тем, что нынче из пушек долбанули не большевики, а вроде как само Временное правительство и вместо «Всей власти Советам!» произошла полная десовветизация. Последовавший вслед за этим созыв Государственной Думы и примерка «нашим Керенским» царской короны и вовсе создают странное впечатление, что

Олег Румянцев, один из основателей СДПР

ЮРИЙ ШТУКИН

история свихнулась и пошла вспять. Впрочем, это так, к слову.

Генетический код

Боюсь, мало кто из самих эсдеков склонен задумываться, что раскол в их рядах — явление историческое. Дело здесь не в их верности своим ортодоксальным ценностям и не в личных амбициях Румянцева. Данный раскол не мог не произойти, он был запрограммирован всей логикой взаимодействия социал-демократических идеалов с российскими реалиями.

Социал-демократия в ее чисто европейском понимании (а другого понимания, строго говоря, не существует) никогда не имела шансов прижиться в России, хотя в конце XIX — начале XX вв. она стремительно начала «русифицироваться», вписываясь в наш культурно-политический контекст, следовательно, и в предреволюционную динамику. В результате социалистическое движение в России расслоилось на несколько направлений, одно из них — большевизм, о котором каждый из нас зна-

ет по своей собственной судьбе.

Впрочем, «большевизация» так или иначе коснулась и всех других социалистических направлений. К 17-му году скатывания с социал-реформистских позиций на революционный путь не избежали ни эсеры, ни народники, ни даже меньшевики. Ленин же оказался лишь наиболее дальновидным историческим прагматиком.

Отец-основатель

Традиционная социал-демократия — это диалог между наемным трудом и работодателем, а государство и его парламентские и другие институционно-демократические механизмы — лишь посредники. Так социал-демократия сформировалась в Европе. У нас же, как и 90 лет назад, социал-демократия обречена на решение вечного «главного вопроса» — вопроса о власти. Именно это в свое время и подвигло Ленина на большевизацию РСДРП.

Однако основная причина фатальной неосуществимости в нашей

стране аутентичной (европейской) социал-демократической традиции заключается в том, что власть и собственность, государство и гражданское общество вообще никогда не были институционально отделены друг от друга. В России само государство выступало и продолжает выступать как монополичный работодатель (феномен «государственного капитализма»), одновременно источник и власти, и собственности. Оно же, наконец, единственное для общества системообразующее начало. Вот почему любая социал-демократия (как, впрочем, и «демократия» вообще) в этих условиях неизбежно оказывается «с государственным душком».

Олег Румянцев — великая историческая личность в новейшей истории российской социал-демократии, ибо он первым осознал необходимость сделки между этим движением и государством. Точнее, с теми новыми национал-номенклатурными корпоративными кругами, которые являются наследниками почившего в бозе коммунистического государства. Не зря, значит, товарищи по партии обвиняют Румянцева в скатывании на номенклатурно-центристские позиции.

Близкая родня

Социал-демократы справедливо полагают, что способ перераспределения власти и собственности, избранный российскими реформаторами, ведет нас к «номенклатурно-государственному капитализму», неизбежным политическим следствием которого является диктатура. Капитализм без социал-демократии, по их мнению, рано или поздно эволюционирует к олигархической, диктаторской разновидности. Латинско-американский образец такой диктатуры и может стать, по мнению эсдеков, следствием сегодняшней приватизации, когда гигантская доля бывшей государственной собственности перекачивается в элитные экономические корпорации явно номенклатурного происхождения.

В этих опасениях есть немало верных наблюдений. Сосредоточение колоссального экономического влияния в руках новой олигархии по своему историческому эффекту действительно соизмеримо с той тотальной властью, которой в недавнем прошлом обладало коммунистическое государство. В некотором смысле такой чисто российский феномен «экономического неототалитаризма» еще хуже, чем какой-нибудь «латинскоамериканский вариант».

Главная причина, почему сегодня не осуществима социал-демократическая (и вообще демократическая) модель российского капитализма, мне видится в неразделенности интересов номенклатуры

и наемного труда. Раньше государство монопольно владело не только средствами производства. Господствовал чисто азиатский, деспотический тип взаимоотношений государства и личности: человек, его рабочая сила, был собственностью государства.

Сегодня ситуация как будто изменилась. Так ли это?

Человек, правда, получил право распоряжаться своей рабочей силой, но смутно представляет себе, как это можно делать. Все это очень похоже на то, что происходило в России после отмены крепостного права. Тогда бывшим крепостным сказали: вы — свободны, куда хотите, туда и идите. В итоге — колоссальная маргинализация населения, подготовившая социальную почву для революционного взрыва.

Так и сейчас. «Освобождаясь» от государственной опеки, наемный работник не получает ничего взамен. Он не располагает никакой собственностью, кроме своей малоквалифицированной рабочей силы. В результате он обречен оставаться на том же предприятии, где работал и раньше. Социальные же гарантии (существующие в условиях посткоммунизма) позволяли бы ему ощущать себя членом общества, не выброшенным из жизни, но корпоративная зависимость от «фирмы», на которой он работает, превращает его, по сути дела, в ее раба.

Так возникает союз интересов наемного труда и номенклатуры — пародия на социал-демократию. Покушение на стабильность промышленных гигантов, структурная перестройка, ломка устойчивых производственных отношений непосредственно ударяет по интересам наемных рабочих. Этим объясняются памятные сцены в Верховном Совете или на Совете Министров, когда директор крупного промышленного предприятия бьет кулаком по столу и требует новых вливаний в ВПК: рабочим, мол, нечем платить зарплату. И он прав: в сохранении военно-промышленных монстров заинтересованы почти в равной степени и директорская номенклатура и рабочие.

Мутанты

Отсюда понятно, почему у социал-демократии в сегодняшней России нет будущего. У нас отсутствует сам предмет социал-демократии — социальное партнерство, которое возможно лишь в условиях гражданского общества. Сей предмет предполагает более или менее равноправный диалог между свободными индивидами. Но именно свободных-то людей у нас сегодня и не существует. У них, вчерашних винтиков государства, нет ни собствен-

ности, ни хотя бы социальных гарантий, которые эту собственность могли бы заменить. Социальные гарантии, строго говоря, есть не что иное, как право на жизнь — важнейшую собственность, которой обладает человек.

Вот почему мы вновь обречены на государственный патернализм, хотя, возможно, в какой-то новой форме. Ну, например, это будет выглядеть как «корпоративно-феодалные» взаимоотношения между рабочими и работодателями. Вот почему в условиях посткоммунизма столь странный характер приобретает и само «социальное партнерство»: оно больше напоминает «социальную сделку». Государство (в руках у которого важнейший рычаг — денежная эмиссия) заключает «сделки» то с одной, то с другой социальной группой, «бросая» им новые и новые финансовые подачки. Такая вот своеобразная «социал-демократия», спародированная посткоммунистическими реалиями.

Всякое государство располагает двумя инструментами влияния на общество: финансами и насилием. Пока относительный порядок в обществе удастся поддерживать с помощью безудержной финансовой эмиссии. Но так долго продолжаться не может. Денежные вливания рано или поздно окончатся срывом в гиперинфляцию, вслед за которой исчезнет вообще какая-либо возможность контролировать социальное брожение.

Значит, остается другой, проверенный инструмент государственного патернализма — социальное насилие. Как именно, в каких формах зареабтает этот механизм, пока не ясно. Но никакого иного решения в русской природе просто не существует, и нас ожидает распад денежной системы, переход к внеэкономическим методам регулирования и диктатура, возможно, региональная, производственная или замкнутая на локальные социальные пространства, со своими «местными» деньгами.

Но ведь и предупреждение гиперинфляции (финансовая стабилизация) — тоже диктатура, только упреждающего характера!

Румянцева под Лениным чиста

Как ни странно, диктатура — это тоже своеобразная «социал-демократия», ибо одним из вариантов решения кризиса может стать диктатура, так сказать, социально ориентированная. Если не заниматься специальным анализом идейной эволюции Олега Румянцева, а судить лишь по его последним политическим комбинациям, он вплотную подошел именно к этой новейшей версии социал-демократии — тому, что условно можно назвать «национал-социал-демократией».

Сегодня мы решаем для себя социальные проблемы, аналогичные тем, которые в 30-х годах решали Америка и Европа. Проблема номер один — это создание общественных фондов потребления, системы социального страхования в широком смысле данного понятия. В свое время Рузвельт создал такие фонды и тем самым отвел от Америки угрозу диктатуры, охватившей к тому времени уже пол-Европы. «Великая социалистическая революция» Рузвельта не была данью моде, она имела не идеологическое обоснование, а глубоко прагматическое. История подтвердила: только гуманистическое общество оказывается самым перспективным. Мы сегодня имеем схожую ситуацию: мы можем пойти либо по пути Рузвельта, либо Гитлера.

Национал-социализм — это дьявольская обезьяна социал-демократии и одновременно — закономерный результат олигархического капитализма. Гитлер тоже был своеобразным «социал-демократом», «социалистом». Он дал немцам бутерброд с маслом. Это было не так много, как то, что сделал Рузвельт, но зато более эффективно. Если общество не вырабатывает механизмов социальной самозащиты (не может, не умеет, не хочет, не дают), оно неизбежно начинает ждать

защиты со стороны государства. Или со стороны фирм, корпораций, мафий, власть которых над человеком соизмерима с властью тоталитарного государства.

Олег Румянцев — великий национал-социалист. Понимает он это или нет, но он эволюционирует к теории «бутерброда с маслом». «Социальное партнерство» подменяет «социальная сделка» между новой номенклатурой и новым люмпеном. Главной опорой для него становится не социал-демократия, а социал-государство, социал-национализм.

Как и Ленин, Румянцев произвел великую ревизию идеалов социал-демократии, переподчинив их иным, внесоциальным и внедемократическим целям — на этот раз, возможно, идее «национальной революции», «национального возрождения».

Большевизм — это, по сути дела, классический пример политического корпоративизма, создания касты профессиональных революционеров, которые использовали социалистическую и демократическую фразеологию для решения главного вопроса — о власти. Это неизбежно вело социал-демократию сначала к социал-революционизму, а затем и к социал-диктатуре. Приобретая тотальный характер, власть становилась самоцелью.

Подобно Ленину, Олег Румянцев

также ориентирован на власть. Подобно Ленину, Румянцев понимает, что, не решив этого вопроса, он не сможет осуществить программу социал-демократии. Но, как и Ленин, признав во власти главную ценность, он обречен на неузнаваемость изуродовать идеалы социал-демократии.

Отличие сегодняшней посткоммунистической ситуации от предреволюционной в том, что теперь не существует ярко выраженной касты профессиональных революционеров. Но есть номенклатурно-корпоративная форма собственности, ставшая результатом разложения государственного капитализма. Такой экономической и политической корпоративизм, по-видимому, и станет тем полем, в котором предстоит действовать национал-коммунизму.

Олег Румянцев вовремя исторически прозрел, осознав необходимость соединения социалистических и номенклатурно-корпоративных интересов, социал-демократии и национал-бюрократии. Результатом такого соединения и должен стать «социал-национализм» отечественного образца.

Но, повторю, ничего другого от посткоммунистического социума нельзя было и ожидать. Каждое общество достойно того прочтения демократии, которое оно имеет... ■

«Супримэкс» шагает в рынок

Многие из структур, соединившихся затем в одно из крупнейших акционерных обществ открытого типа «Супримэкс», были известны и до этого. К примеру, коммерческий банк «Супримэкс» ведет свою историю с 1925 года, когда на базе Кунцевского волостного исполкома была создана финансово-бюджетная секция, преобразованная впоследствии в Кунцевское отделение Мособлбанка. В дальнейшем банк функционировал как Кунцевское отделение Госбанка СССР, Кунцевское отделение Жилсоцбанка СССР, коммерческий банк социального развития «Кунцево-банк». В 1993 году он был переименован в Супримэксбанк по названию своего крупнейшего учредителя — российско-германского совместного предприятия «Супримэкс».

Кроме банка и совместного предприятия «Супримэкс» в акционерное общество входит АО открытого типа «Деревообрабатывающий комбинат «Вологодский», а также несколько других фирм.

Именно широкий спектр деятельности группы компаний с одноименным названием позволяет диверсифицировать риски инвестиций, тем самым сводя их к минимуму.

К сфере интересов группы относятся: рынки финансов и ценных бумаг, строительство, производство строительных материалов, лесозаготовка и деревообработка, экспорт продукции лесопереработки, а также программы в области культуры.

В настоящее время реализуется программа строительства коттеджей высшего класса в черте города Москвы и ближайшем Подмосковье. Работы ведутся при участии известной американской компании «Дессенхоумз», которая осуществляет полную внутреннюю отделку домов: от ковровых покрытий и кухонного оборудования до систем кондиционирования и охранной сигнализации. В рамках этого сотрудничества будет происходить обучение российских специалистов особенностям американской «быстрой технологии», что в дальнейшем позволит воз-

водить коттеджные поселки силами отечественных строителей.

СП «Супримэкс» имеет статус спецэкспортера лесной группы с устойчивой репутацией на мировом рынке. Оно успешно сотрудничает с фирмами из Швеции, Италии, Австрии, Германии, Чехии, Словакии, Египта, Турции, а также с крупнейшим японским Торговым домом «Марубэни».

На деревообрабатывающем комбинате «Вологодский» ведутся работы по переориентации ряда производств с тем, чтобы в ближайшее время предложить российскому рынку продукцию нового поколения, — в частности планируется запустить в эксплуатацию поточную линию по выпуску компонент-блоков, являющихся своего рода «конструктором», из которого собираются коттеджи за 12—15 дней.

В группу компаний «Супримэкс» входит крупнейшая в стране анимационная студия «Пилот». Ее авторы только за прошлый год получили более 50 международных призов.

Также в АО «Супримэкс» начала выходить газета «Российская недвижимость»

— уникальное издание для деловых людей.

Мы назвали далеко не полный перечень видов деятельности более чем 20 фирм, входящих в группу компаний «Супримэкс». Лишь прочно встав на ноги как на российском, так и на международном экономических рынках, «Супримэкс» пришел к решению выпустить свои ценные бумаги — warrants. Их обладатель имеет право покупки по номиналу 50 привилегированных акций «Супримэкса» до 31 июля 1995 г. Акции размещаются среди юридических и физических лиц в период с июля 1994 г. по июль 1995 г. Первые дивиденды будут выплачиваться с 17 декабря текущего года акционерам, внесенным в реестр до 17 ноября. Вarrant дает владельцу возможность предварительно ознакомиться с обращением акций и лишь потом принимать решение по их приобретению.

Об этом и шел разговор на пресс-конференции для российских и иностранных журналистов, проходившей в «Президент-отеле».

Александр ТРУТНЕВ

Украина: конец сезона вождей

Вряд ли Кучме удастся реализовать его экономические программы.
Скорее всего, его втянут в борьбу ветвей власти

Сергей ШАПОВАЛ

Накануне президентских выборов один львовский художник провел в Киеве акцию под названием «Мавзолей для президента». На электрическую плитку была выставлена банка с салом. Оно по мере нагревания таяло, а в банке появлялся портрет президента Кравчука. Затопленный салом образ президента как воплощенного Отца нации должен был символизировать освобождение украинского общества от эдипова комплекса. Ритуальная смерть Отца и помещение его в «украинский мавзолей», по замыслу художника, даст возможность народу повзрослеть и получить настоящую свободу.

Сам того не подозревая, художник оказался пророком: состоялась не только ритуальная, но и политическая смерть первого президента Украины. Теперь на мавзолее новый персонаж.

«Пророссийский» президент Украины?

Исход президентских выборов для многих стал неожиданностью — Украина совершила первый, для нее необычный, решительный шаг. Избиратели, проявившие высокую активность и сплоченность на всех выборах, отдавая голоса тем, кто более легитимен, на этот раз выбрали хоть и побывавшего во власти, но все-таки оппозиционера Леонида Кучму.

Анализируя причины победы Леонида Даниловича над Леонидом Макаровичем, эксперты чаще всего выделяют несколько факторов.

Во-первых: люди голосовали не за Кучму, а против Кравчука. Народу надоело топтание на месте и нерешительность Кравчука, поэтому Кучма, пообещавший экономические реформы, выиграл.

Во-вторых: победу Кучме обе-

Президент первый...

Президент второй...

РИА-НОВОСТИ

спечила его пророссийская направленность. Некоторые аналитики в Москве стали говорить о том, что Украина проголосовала за максимальное сближение с Россией, а может быть, и за восстановление Союза.

В-третьих: такой исход выборов стал результатом оформившегося раскола между Востоком и Западом Украины. В связи с чем обещаны достаточно серьезные катаклизмы.

Что касается «пророссийской направленности» Кучмы, то этот мотив действительно был важным компонентом его предвыборной кампании. Созданные журналистами для простоты описания ситуации мифологемы о «проукраинском президенте» Кравчуке и «пророссийском» Кучме использовались и группами поддержки обоих кандидатов, и аналитиками, следившими за президентским марафоном, но никому не удалось доступно объяснить, в чем суть этих «направленностей». О необходимости сближения, восстановления пресловутых разорванных связей, о пользе контакта с Россией достаточно много говорил не только Кучма, но и Кравчук — это общее место.

После победы, на первой же пресс-конференции новый президент оказался перед необходимостью

развенчания мифа о своей «пророссийскости»: «Я никогда не предлагал, чтобы Украина добровольно вступила в Российскую Империю. Напротив, наши отношения с Россией должны развиваться в стратегическом плане, но они не должны быть за счет отношений с другими странами Запада и Востока. Россия всеми силами делает попытки стать восьмым членом «большой семерки». Это нормально. И Украина хочет этого, и я тоже хочу». И действительно, завоевав власть, делиться ею с кем бы то ни было.

«Хороший человек» — тоже профессия

Борьба шла, в сущности, не между программами, политическими платформами и определенными обещаниями — все это было удивительно похоже, а между двумя личностями или, точнее, — двумя имиджами.

Леонид Кравчук за годы президентства проделал серьезную эволюцию от партработника высокого ранга (с присущими этому племени невыразительным языком, запрограммированностью в поведении, серым аккуратным костюмом на все случаи жизни и пыжиковой шапкой) до государственного деятеля, который не без блеска осуществлял представительские функции. Крав-

чук хорошо, даже утонченно владеет украинским, обладает неплохим чувством юмора и, что называется, за словом в карман не полезет. В последнее время и в одежде, и в манере поведения у него появился почти западный лоск. Уровень «народности» стал резко снижаться. Кроме того, Кравчук, как выразился один режиссер, по своему театральному амплу «волк-одиночка»: всегда принимал решения сам и никогда не удавалось точно предугадать, как он выйдет из того или иного сложного положения, а таких положений было немало. Его хитрость и умение лавировать стали притчей во языцех, появилась поговорка: «Кравчук во время дождя сумеет пройти между каплями».

Имидж Кучмы радикально иной. Он разговаривает на «русско-украинском» языке, близком большей части населения Украины; часто жалуется и не скрывает обид (в чем можно было убедиться в период его пребывания на посту премьер-министра); в основном говорит о наболевшем (страну разворачивают, обижают простого человека и пр.), призывает к привычному и до боли знакомому (нужно навести порядок и честно работать); не боится выступать с заявлениями, более подходящими директору завода, чем государственному деятелю (будучи премьер-министром, он несколько раз обращался к парламенту с просьбой сказать ему, что нужно строить, а он-де будет это делать). К тому же Леонид Данилович постоянно декларирует свою открытость, доступность и умение держать слово. Набор всех этих качеств в массовом сознании составил образ «хорошего человека». Кроме того, отставка с поста премьера и парламентская критика его деятельности создали Кучме репутацию человека, которому не дали сделать дело.

Именно народное желание увидеть в главной роли психологически близкого человека, говорящего понятные вещи, сыграло для исхода выборов роль куда более важную, чем «пророссийская направленность», разница в ментальности Западной и Восточной Украины или расхожая формула «скорее не за, а против», которую использовали и в объяснении победы на парламентских выборах партии Жириновского, и при избрании президентом Белоруссии достаточно одиозного Лукашенко.

«Порядок и порядочность» как двигатель прогресса

В отличие от Кравчука, обещающего сохранение мира и согласия в обществе, Кучма избрал тактику «бури и натиска». Его предвыбор-

ный девиз — «Порядок и порядочность», а одна из главных тем — обещание покончить с коррупцией. Этот вариант доказал свою жизнестойкость, сработав в один день и на Украине, и в Белоруссии. «Три человека из руководства Украины, нищей и разоренной страны, входят в число 50 богатейших людей Европы, что свидетельствует о размахе волны коррупции, поглотившей государство. В конце 1992 года правительство Кучмы передало в прокуратуру 1500 уголовных дел. Все они закрыты людьми президента и Верховного Совета» — гласила одна из предвыборных листовок Кучмы. Кстати, в теледебатах Кравчук заявил, что во время пребывания Кучмы в кресле премьер-министра в прокуратуру было передано всего лишь 8 дел.

Это была не единственная «неточность» в предвыборной кампании нынешнего президента Украины. Не обошлось и без некоторых авантюр. На улицах появились листовки с вероятно лестным высказыванием вице-президента США Гора по адресу Кучмы. Листовка попала в аппарат Гора, после чего последовало официальное заявление: вице-президент США не только не произносил ничего подобного, но и жалеет, что на таком «документе» базировалась предвыборная кампания кандидата в президенты. Кучма же в телевизионном выступлении спокойно заявил, что не следит за своими предвыборными листовками, этим занимается его команда.

Этапы большого пути

Леонид Кучма родился в 1938 году в Черниговской области. В 1960 году окончил Днепропетровский университет, инженер-механик, кандидат технических наук. После окончания университета работал инженером, старшим инженером, ведущим конструктором, помощником главного конструктора КБ «Южное». С 1975 по 1982 год — секретарь парткома КБ «Южное», секретарь парткома производственного объединения «Южный машиностроительный завод». С 1982 по 1986 год — первый заместитель начальника и генерального конструктора КБ «Южное». В декабре 1986 года назначен генеральным директором производственного объединения «Южный машиностроительный завод». Лауреат Ленинской премии в области закрытых космических исследований. С октября 1992-го по сентябрь 1993 года — премьер-министр Украины. После отставки возглавил Украинский союз промышленников и предпринимателей. В декабре 1993 года вместе с бывшим заместителем председателя

ВС Украины Владимиром Гриневым создал Межрегиональный блок реформ.

Появление в октябре 1992 года на посту премьер-министра малоизвестного директора оборонного предприятия (одного из крупнейших в СССР) было неожиданным и вызвало в среде национально ориентированных политиков опасения за судьбу национальной экономики под руководством человека, долгие годы подчинявшегося непосредственно Москве и к тому же не владеющего украинским языком. Однако Кучма довольно быстро доказал свою приверженность Украине: в первые же месяцы его кабинет сделал несколько решительных шагов по реформированию экономики, а премьер стал обращаться к парламенту, хоть и на плохом, но украинском языке.

Новому составу правительства, рекомендовавшемуся как «команда прагматиков», удалось сразу получить кредит доверия: Верховный Совет наделил его чрезвычайными полномочиями сроком на полгода. Воспользовавшись ими, кабинет Кучмы провел ряд преобразований, вызвавших одобрительные отклики западных экспертов. В оборот был введен безналичный купон, установлен его реальный курс к рублю, правительственным декретом была либерализована внешнеэкономическая деятельность, в ноябре-декабре 1992 года инфляция составляла 50 процентов в месяц, в марте 1993 года — уже 22 процента. Правда, наряду с этим Кучма не отказался от регулирования цен, выдачи льготных кредитов собратям-директорам, продажи предприятиям валюты по заниженному курсу и пр.

Но даже эти полусоветские реформы продолжались недолго. Пекущийся о нуждах рядового гражданина Верховный Совет чрезвычайные полномочия правительства не продлил. Последовали тяжбы между правительством, парламентом и президентом, в процессе которых Кучма трижды объявлял о намерении уйти в отставку и сделал это в сентябре 1993 года.

Начался оппозиционный период в деятельности бывшего премьера. Уже в декабре вместе с бывшим заместителем спикера парламента Владимиром Гриневым он создал Межрегиональный блок реформ (МБР), декларировавший экономический либерализм и необходимость более тесной интеграции с Россией. Мизерное количество голосов, полученных МБР на последних парламентских выборах, продемонстрировало его малую популярность. Обозреватели

ТАК ПРОГОЛОСУВАЛА УКРАЇНА

Верхня цифра
в процентном
отношении —
голоса, поданные
за Л.Кравчука,
нижние —
за Л.Кучму

Предвыборный
плакат Л.Кучмы

ЛЕОНИД КУЧМА: ТРУД, ПОРЯДОК, ПОРЯДОЧНОСТЬ

«В стране пора наводить порядок,
народ Украины заслуживает лучшей
участи, чем прозябать под властью
коррумпированных вождей».

Л.Кучма

стали говорить о блоке Кучмы—Гринева как несерьезной политической силе.

Еще во время подготовки к парламентским выборам Кучму неоднократно спрашивали, будет ли он претендовать на пост президента, на что он решительно отвечал — нет. Правда, чуть позже его ответы стали менее категоричными: вообще-то нет, разве если попросит народ. Народ вскоре попросил.

Власть на троих

В ближайшем будущем на уровне верховной власти следует ожидать кри-

зиса той или иной степени тяжести.

Дело в том, что сформированный недавно Верховный Совет по составу напоминает предыдущий, но по сплоченности и эффективности работы отличается довольно существенно. В результате последних выборов на Украине произошла довольно существенная перемена: поражение Кравчука ознаменовало уход с политической арены последнего крупного номенклатурщика. К руководству пришли люди, которые добились власти не с помощью перемещений внутри аппарата. Они использовали демократические механизмы, делали себя и свою карьеру за счет собственной энергии. Нынешний председатель Верховного Совета, социалист Александр Мороз и его парламентская «команда», а они уже продемонстрировали дисциплинированность и высокую результативность, являются серьезным противовесом президенту, обещающему в скором времени рыночные и прочие преобразования. Кроме всего прочего, на Украине до сих пор не принята Конституция, а посему остаются под вопросом и полномочия президента. Если поведение Кучмы будет негодно парламенту, может оказаться, что ему отведут чисто представительские функции.

По всей видимости, Кучме придется столкнуться и с исполнительной властью. Правительство сейчас возглавляет печально известный Виталий Масол, в 1991 году ушедший в отставку с этого же поста в результате студенческой голодовки. Отношения нынешнего президента и главы правительства достаточно напряженные еще со времен премьерства Леонида Даниловича, когда он отрез отказался сотрудничать с Масолом. Несмотря на то, что сейчас оба декларируют взаимопонимание и отсутствие противостояния, это вызывает большие сомнения. Помимо этого, вряд ли президенту удастся добиться единодушия с правительством во взглядах на экономическое реформирование: Масол считает необходимым осуществление государственного регулирования всей экономики, удерживания фиксированного курса валют, в то время как Кучма объявил себя сторонником частной собственности.

Таким образом, возникновение жестко противостоящих сторон — президент, парламент, правительство — неизбежно, и радикальные заявления Кучмы о том, что приоритетом его деятельности будет экономические преобразования, весьма проблематичны.

Народная политика и экономика

В то время как в мире достаточно много примеров сочетания экономической свободы при тотальном политическом контроле, в сегодняшней Украине все наоборот. Это государство, в котором при достаточно широких политических свободах существует жесткий экономический контроль со стороны государства. Вряд ли такой политико-экономический кентавр мог бы существовать достаточно долго, если бы не предприимчивые граждане Украины, сделавшие немало для оживления и поддержания stagnирующего народного хозяйства.

Несмотря на то, что представление о функциях государства остается у большинства людей как о патерналистских — «мне должны дать», «меня должны оградить и обеспечить», — о чем свидетельствуют многочисленные социологические опросы, в реальной жизни они ведут себя иначе. За годы независимости сформирова-

ровалась параллельная государственной «народная экономика». По данным украинских социологов, натуральное хозяйство в значительной степени обеспечивает продуктами три четверти населения, а четверть зарабатывает, и неплохо, торговлей за пределами Украины. Как раз предприимчивость и позволяет людям не оказаться на том уровне обнищания, за которым начинаются социальные протесты и экстремистские акции. «Народная экономика» оказывает достаточно существенную помощь государственной: товарооборот и оборот денег, в частности с Россией, который украинское правительство до сих пор стопорит и регулирует, осуществляют именно «коробейники».

Чем дальше, тем все меньше совпадают интересы двух экономик — «народной» и государственной, а ведь именно экономические интересы лежат в основе политических предпочтений и влияют на принятие судь-

боносных для страны решений. Сегодняшние отношения народа к государству лучше всего описывает следующий анекдот.

Галицийский крестьянин рассуждает о том, что такое нация и независимость. Кум ему объясняет:

— Независимость — это такое дело, на которое нужно давать деньги. Ну вот ты, например, на независимость коня отдал бы?

— Отдал бы.

— А корову?

— И корову.

— А свинью?

— Нет, свинью, прошу пана, не отдам.

— Почему?

— Потому что коня и коровы у меня нет, а свинья есть.

Взять побольше и отойти подальше?..

Депутат Госдумы, член Федерального совета ПРЭС
Сергей СТАНКЕВИЧ отвечает на вопросы
парламентского корреспондента «Столицы»

— Изменилась ли политическая ситуация внутри СНГ в связи с выборами президентов в Белоруссии и на Украине?

— Для меня очевидно, что с этими выборами закончилась одна эпоха и начинается другая. Закончилась эпоха более или менее цивилизованного развода бывших республик СССР, когда последние стремились самоутвердиться путем изоляции от России, даже как бы противопоставить себя России, воспринимая ими как руины Империи. И господствовал лозунг: «Взять побольше от остатков Империи и — отойти подальше»... За этим не было никаких расчетов, это был, скорее, инстинкт раннего сознания: все, что связано с Союзом, — это, мол, господство России, подчинение и даже колониальная эксплуатация со стороны России... Теперь же иллюзии о том, что изоляцией можно добиться всего, что было потеряно в период Империи, утрачены. Изоляция дошла уже до всех разумных пределов, дальше — некуда.

— Значит, «новая эпоха» — это стремление снова к братанию? Но в бывших республиках, в частности на Украине и в Белоруссии, продолжают говорить о полной независимости.

— Пусть говорят. Я же убежден, что экономическая взаимозависимость — это **взаимодополняемость** наших экономических комплексов! Такого рода ситуации создаются целенаправленно в течение десятилетий, на это затрачиваются иными европейскими государствами огромные средства. Нам же она дана в готовом виде, грех ее не использовать.

— До каких пределов может дойти интеграция?

— Убежден, что восстановления **единого государства** не произойдет. Экономическая интеграция, начавшись, конечно, затронет и политическую сферу, но... в умеренных формах. Может быть, по типу Европарламента создадутся какие-то координационные парламентские структуры... Вообще-то, думаю, оптимальной формой для бывших союзных республик было бы создание **конфедеративного союза**, который предполагает, с одной стороны, весьма тесную координацию действий во всех жизненно важных сферах, а с другой — сохраняет за всеми государствами — членами такого союза достаточный простор для собственной национальной самореализации. Такова позиция и партии ПРЭС.

— Но, говоря о начале эпохи интеграции, нельзя не учитывать того, что смена политических команд в Белоруссии и на Украине произошла в результате **неодинаковых политических процессов**...

— Вы правы, говоря о качественном различии выборов на Украине и в Белоруссии. На Украине мы имеем дело с **реакцией на несостоявшиеся реформы**. И одновременно с победой человека (Леонида Кучмы), который ориентирован на сближение с Россией, победили и сторонники ускорения реформ. Хотя это и не столь радикальные реформаторы, как Гайдар, но их выбор совершенно недвусмыслен. Вообще, ситуация с Украиной более предсказуема, более понятна для нас: Кучма хорошо знаком российским политикам и российскому деловому сообществу.

Менее ясна ситуация в Белоруссии. Здесь победил человек, который декларировал сближение с Россией, но... что касается **экономических реформ**, основ белорусской государственности, здесь пока много вопросов. Дело в том, что для реального сближения нужно хотя бы примерное выравнивание в темпах экономических преобразований. Нужна определенная степень качественной **однородности** экономик. А если будет сделан упор на восстановление государственного стимулирования в Белоруссии, на «тотальный контроль» над любыми формами независимой от государства экономической деятельности, я думаю, что декларации об интеграции останутся только на бумаге, а в реальности, наоборот, произойдет еще более глубокая изоляция...

— Как, по-вашему, должна сейчас вести себя Россия?

— Сейчас, по моему, самый удобный момент для России подчеркнуть окончание одной эпохи — эпохи разбегания и самоизоляции, — и начало другой — эпохи сближения и провозглашением определенной доктрины нашего государства по отношению к СНГ. Для этого надо, во-первых, недвусмысленно заявить, что Россия не собирается своекорыстно использовать тягу к сближению с ней в каких-то великодержавных целях. Во-вторых, Россия должна предложить конкретные меры: создание режима наибольшего благоприятствования в торговле с бывшими республиками СССР, снятие всех таможенных барьеров, скорейшее решение проблем взаимной задолженности, создание системы уполномоченных банков с обеих сторон. Предложить и как можно скорее приступить к его обсуждению в обществе. Ибо времени у нас критически мало.

Григорий КРОШИН

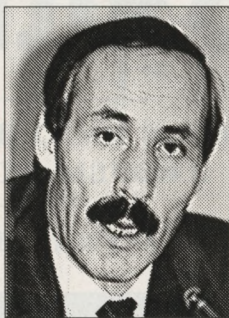

Чей же это конфликт?..

— Рамазан Гаджимурадович, вы известны как политик, давно занимающийся проблемами международных отношений. В течение последних лет вы являетесь участником всех посреднических миссий российских федеральных властей на Северном Кавказе, таких, как, например, организация мирных переговоров лидеров сторон в зоне осетино-ингушского конфликта. В этих акциях вместе с вами, представителем парламента, принимал участие в качестве представителя центрального правительства вице-премьер Сергей Шахрай. Однако, несмотря на все ваши с Шахраем миротворческие усилия, обстановка в этой «горячей» точке не улучшается: продолжают теракты, захваты заложников, беженцы-ингуши до сего дня так и не возвратились в свои дома, хотя позитивная тенденция в этом направлении, кажется, и намечается... На страницах «Столицы» уже по этой большой проблеме выступили представители и Ингушетии, и Северной Осетии, и вице-премьер Шахрай. Теперь — ваша очередь ответить на вопрос: что же мешает (или кто) ликвидировать конфликт?

— Выскажу свое твердое убеждение: установлению мира в этом регионе мешает прежде всего равнодушие и беспомощность министерств и ведомств Российской Федерации! То есть центральных структур. Я много раз говорил об этом и подчеркиваю еще раз — разве это нормально, что из 38 пунктов Постановления Совета Министров России по исполнению Указа президента Ельцина от 13 декабря 1993 года министерства и ведомства до сего дня (хотя конечный срок выполнения Постановления — апрель нынешнего года) ни один пункт фактически не выполнили до конца!.. Вот так они работают.

Поэтому, я считаю, нам, Центру, надо заниматься не тем, чтобы заставлять ингушей и осетин примиряться, а заставить по-настоящему работать тех, кого мы можем заставить, — непосредственно подчиненные федеральному правительству и президенту министерства и ведомства. Конечно, мне могут возражать, что, дескать, невозможно сегодня одним махом переселить всех беженцев и вынужденных переселенцев в их прежние жилища. Да, согласен, это трудно, нет сегодня для этого всех условий. Но что, скажите, меша-

Заместитель председателя Совета Федерации РФ Рамазан АБДУЛАТИПОВ:

«Установлению мира между осетинами и ингушами мешает прежде всего равнодушие и беспомощность министерств и ведомств Российской Федерации...»

ет восстановлению тех домов, в которых в течение почти двух лет никто не живет?! Казалось бы, пожалуйста, работайте!.. И ведь деньги на это официально уже отпущены! Но... безобразии состоит в том, что на уже восстановленные дома 4,5 миллиарда рублей правительством так до сих пор и не даны... Как раз во время моего там пребывания случилась забастовка строителей Северной Осетии: они ведь уже сделали работу, но — денег ни копейки не получили?! Как это назвать? И кто после такого отношения будет там работать?

— В чем, на ваш взгляд, корень такого отношения Центра?

— Знаете, нам здесь, в Москве, надо наконец определиться: чей же все-таки это конфликт? Если мы придем к выводу, что это чисто осетино-ингушский внутренний конфликт, тогда давайте скинем эту проблему с себя, пусть разбираются сами, между собой... Но если мы говорим, если мы то и дело громкогласно провозглашаем, что это наша общая боль, общая российская работа, — то давайте же в конце концов брать и на себя ответственность, то есть станем непосредственными участниками процесса урегулирования обстановки, чтобы поскорее найти выход из этой конфликтной ситуации.

— Некоторое время назад в беседе со мной вы говорили, что в основном конфликт должны уладить друг с другом сами лидеры конфликтующих сторон, на месте, а Москва будет лишь посредником в этом процессе. С тех пор вы изменили свою точку зрения?

— Нет, не изменил: есть вопросы, которые действительно они, осетины и ингуши, должны решать сами, между собой. В частности, вопросы примирения, возвращения беженцев, согласовывать конкретные сроки этого возвращения и так далее. Они должны сами до их решения «созреть». Наше вмешательство здесь, может быть, даже ухудшит дело... Мы же, федеральные власти, должны сделать все для обеспечения условий урегулирования конфликта, финансирования, строительства.

Главная беда — это то, что не наступило еще осознание того, что с нами всеми произошло в этом конфликте. Никем. Ни ингушской стороной, ни осетинской, ни в том числе и федеральными органами власти. Потому что до сих пор ингушская сторона обвиняет осетинскую, осетинская — ингушскую... Нет осознания собственной трагедии!.. И здесь нет, в Москве.

— Все же, разве не выделяются деньги в этот регион из федерального бюджета?

— Вот очень много разговоров идет, что, дескать, уже сотни миллиардов рублей перекачано из бюджета России на этот конфликт... А когда проверили, оказалось, что все эти деньги были распределены как... валютный кредит, который идет с Запада!.. То есть подкармливают в основном московские министерства и ведомства!

— А туда, на место, ничего из этих денег не дошло?

— Мало что дошло... Например, по капиталовложениям если посмотреть: за эти полгода из всех средств дошло до Ингушетии всего... 0,8 процента! А по жизнеобеспечению — из запланированных 165 миллиардов рублей дошло лишь... 400 миллионов. Сколько это процентов?.. Мизер. И после этого кричать о том, что они там нахлебники, что к ним перекачиваются наши миллиарды... Просто непорядочно!

Григорий КРОШИН

Цитатник

Александр РУЦКОЙ, бывший вице-президент России: «На встречах со мной редких оппонентов-безумцев проносили на руках через весь зал и выбрасывали на улицу.»
(«Московские новости», № 32, 1994)

Вячеслав АНТОНОВИЧ, сантехник: «Выпивать люблю с теми, кто «держит удар». На глазок таковыми представляются Шахрай, Травкин, Говорухин, Бурбулис, Грачев, Собчак. А Гайдар, Явлинский, Чубайс, по-моему, с пары стаканов под стол свалятся...»

(«Аргументы и факты», № 32, 1994)

В.К., неизвестный акционер «МММ»: «...Благодаря Вам у меня возник интерес к рынку ценных бумаг вообще. То, что раньше было совершенно непонятным, сейчас возбуждает интерес и жажду деятельности.»

(«Аргументы и факты», № 31, 1994)

Сергей ФИЛАТОВ, руководитель администрации президента: «Я не вижу альтернативы нынешнему президенту...»

(«Московские новости», № 32, 1994)

И правильно. Если бы увидел, то у президента появился бы новый глава администрации...

Цзян ЦЗЭМИНЬ, председатель КНР: «Если страна может запускать в космос спутники и ракеты, то она должна быть в силах и отремонтировать сантехнику в столичных туалетах.»

(«Ньюсуик», август 1994)

Александр БЕЛЯЕВ, депутат Совета Федерации России:

«Отдыхаю, как и все советские люди, на Канарских островах...» (Шутка)

(«Куранты», № 145, август 1994)

Умар АВТУРХАНОВ:

«Первым моим декретом будет декрет о мире, вторым — о выдаче зарплаты...»

(«Московские новости», № 32, август 1994)

Старые ошибки! Нужно бы первым — декрет о выдаче зарплаты! А потом уж можно и о мире, и о войне...

Из августовского «ЗАЯВЛЕНИЯ» Политсовета Российского движения демократических реформ: «Непременным предварительным условием объединения должен стать критический анализ нынешнего курса реформ с откровенным и публичным признанием ошибок, вплоть до организационных выводов...»

(«Общая газета», № 31/56, август 1994)

Красиво формулировать не запретишь! И должный дух объединения налицо: начало абзаца содрано у незабвенного отца Федора («Птицы, покайтесь в своих грехах публично!...»), а конец списан из протокола партсобрания легендарных времен: там много чего было про оргвыводы...

Михаил ЛАПШИН, председатель Аграрной партии России:

«...Надо быстрее политически самоопределяться и с помощью Аграрной партии России брать власть в свои руки...»

(«Московские новости», № 32, 1994)

Правильно! «Власть — крестьянам, а землю — рабочим!» Но всех остальных все равно — в Сибирь!..

Михаил ПОЛТОРАНИН, депутат Госдумы: «Напрасно мы изобразили на гербе нашего государства двуглавого орла. Точнее было бы для отражения сущности нынешней политики изобразить жареного петуха. Он клевал нас уже не раз, и власти ждут, когда клюнет еще.»

(«Коммерсантъ-DAILY», № 156, 1994)

Иван РЫБКИН: «...Я исповедую, как Пушкин: «На свете счастья нет, но есть покой и воля.»

(«Известия», № 146, 1994)

Рожденные в опилках

Дети артистов и сами артисты
весь вечер на манеже

Ксения КЛИМОВА, Юрий ШТУКИН (фото)

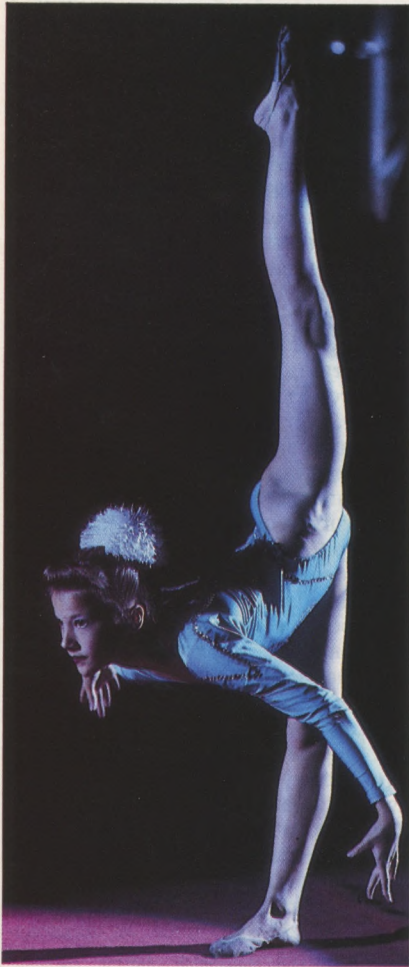
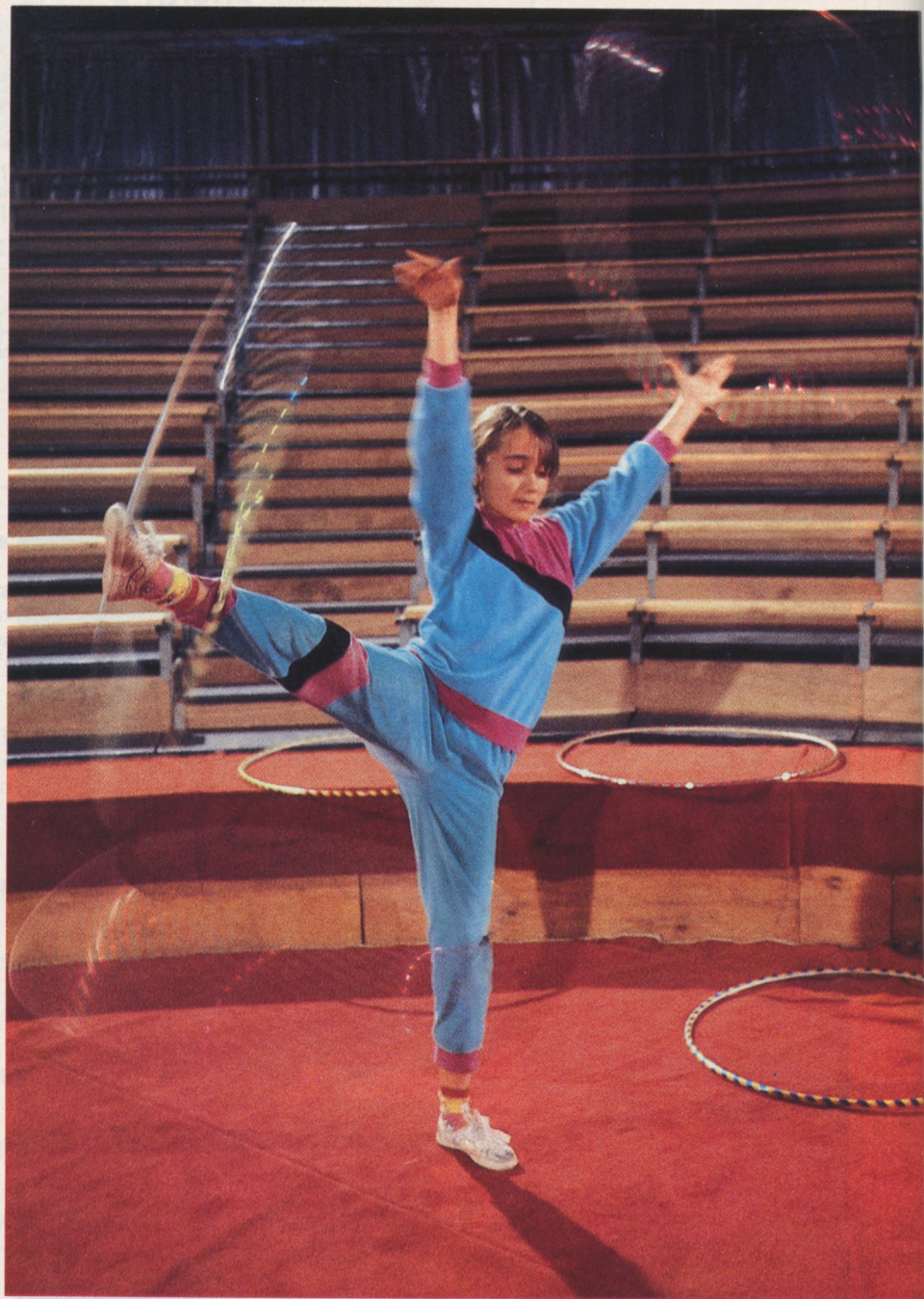

Цирковой фольклор отличается от всех остальных профессиональных сказаний почти документальной истинностью. Вот, например: однажды на гастролях где-то Бог послал при помощи профкома мини-детский сад для детей артистов. К малышам дошкольного возраста пришла тетька с высшим образованием — детского психолога и радостно сказала: давайте играть в «кошки-мышки». «Нет, — сказали дети. — Нам некогда, мы новую программу готовим, репетируем». Тетя растерялась не столько из-за отказа, сколько из-за сложного глагола, произнесенного без ошибки, и тихо села в уголке. Дети репетировали, каждый свое.

— Может, песенку споем? — предложила психолог.

«Нет, — опять ответили дети. — Мы на гастроли собираемся». И стали складывать в коробку игрушки, то есть реквизит. Потом они разбавили багаж. Потом сдавали программу той же тете — у них была премьера, и слушать сказки про всякую чепуху детям было совершенно некогда. Потом дети затеяли поездку за границу, потом у них «заболели» плюшевые звери. Тетя ретировалась в убеждении, что судьба подкинула ей трудных детей. Трудных и тупых: они не знали стихов Агнии Барто. Не пели про Чебурашкин день рождения. Абсолютно не интересовались Царевной-Лягушкой. Они все время репетировали и куда-то собирались.

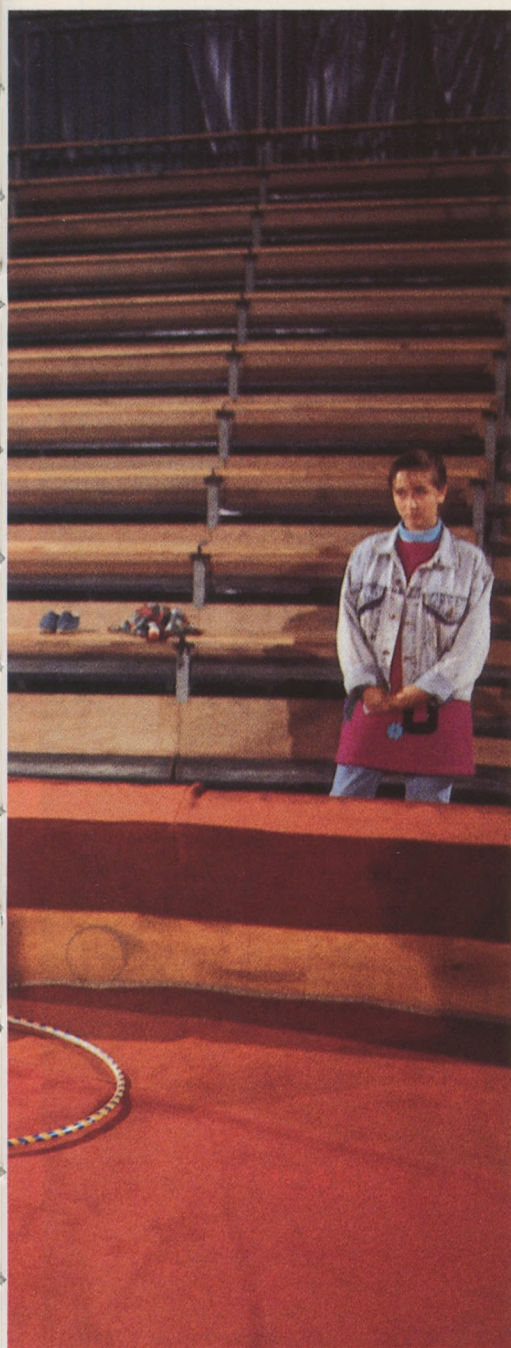
О феномене цирковых детей еще будут написаны исследования. Специалисты уже пришли к взрослым артистам цирка. Известны результаты первого психологического тестирования, проведенного, чтобы выяснить, насколько личные данные артиста соответствуют избранному им жанру. Результаты вряд ли пригодятся: цирковые дети выбирают профессию по старинке, наследуя навыки от родителей. Процесс «наследования» тянется годами. Дети просто

крутятся рядом с родителями, пока те репетируют, потом пробуют подражать, учатся, потом начинает что-то получаться, потом это «что-то» уже можно назвать трюком. Трюк — это еще не номер, и до слепящих огней и аплодисментов ребенку еще далеко. Но куда же ему деваться, счастливому обладателю нескольких трюков, как не в номер, в программу, то есть не в цирк?

Можно участвовать в номере своих родителей. Так и делают, хотя не всем там есть место, и жесткая предопределенность судьбы никак не способствует развитию таланта. Остаются лишние, невостребован-

ные дарования. Государственная компания «Российский цирк» решила поступить с ними по-хозяйски: собрать их, вложить в них деньги и когда-нибудь получить свои средства обратно. А главное, получить совершенно уникальную, яркую и динамичную программу, в которой взрослые исполняют лишь один-два номера или вообще играют вспомогательные роли. Все главное, точное и выразительное делают дети. Этот детский цирк назвали в точном соответствии с жанром: «Лошарик». Смешная лошадка из мультфильма сначала дала имя рублевым аттракционам, раскинутым для развлече-

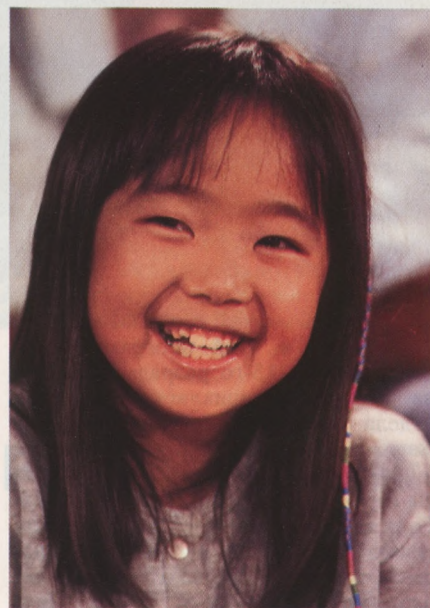
ния детворы перед зданием цирка на проспекте Вернадского. Теперь — целому цирку в Крылатском.

Что нам стоит цирк построить? Шапито для «Лошарика» обошелся в 300 тысяч долларов. Цирк привезли из Франции, и его можно смонтировать за 8 часов. Детей собирали всем цирковым миром под крыло будущего директора, замечательного артиста Степана Денисова. Семейственность при этом процветала: ведет программу Настя Денисова и сын режиссера спектакля Сергея Джанибекова — Максим. Может быть, не будь эти дети детьми своих родителей, им бы, двенадцатилетним, и не

вынести целого вечера на арене, под слепящими прожекторами, в непрерывном напряжении. Настя секунды на месте не стояла — танцевала все время, а когда работали другие, приплясывала.

Майкл Джексон может застрелиться. И он точно застрелился бы от зависти, если бы увидел, как работает Миша Сазонов под его, джексонские, песенки. Великому певцу при всем своем величии, например, никогда не удержаться на пяти водруженных друг на друга катушках. И на трех не удержаться. А чтобы при этом жонглировать, а потом, слетев с катушек, не давая опомниться совершенно «слетевшей» от восторга публике, танцевать и вновь взлетать на верх нестойкой пирамиды — нет, ребята, Джексону слабо.

Каждый может выбрать себе в этой программе любимого артиста и обожать его. Большинство сначала

влюбилось в Юну Короткову в светлом образе лихой морячки, вращавшую на себе обручи. Дело не в сложности и не в количестве обручей. А в том, что она, артистка, дивно хороша. А почему — секрет любви и искусства, который всем известен, но никогда не будет разгадан. Тонкие натуры могли пообожать воздушную гимнастку Лилю Сафиуллину. Или гимнастку-«каучук» Олю Матвееву. Лиля и Оля — единственные здесь не «цирковые» дети, то есть не дети артистов цирка, про которых говорят «рождены в опилках».

Дети работают на манеже с большей самоотдачей, с большей долей увлеченности, чем взрослые. Тонкое тело девочки отважно раскачивает летящее по ковру колесо. И, как всяким детям, им бывает страшно. Grimаску страха и неуверенности можно только поймать на детском лице. А иногда она не на лице, а в дрогнувших, внезапно скрючившихся пальцах маленького силового акробата, в его сведенных от напряжения бровях. Или это тоже цирковой трюк, маленький обман большого зрителя? Не знаю. Мне было бы страшно и тошно в куче собак, дерущихся из-за мяча. Публике весело: собачий футбол возбуждает.

Одиннадцатилетний дрессировщик метался в этой свалке, не забывая красиво поворачиваться и вовремя подправлять палкой полет мяча.

— Здесь, в этой программе собраны дети 8—15-го разряда, — сказала главный специалист «детского» отдела компании «Российский цирк» Белла Дунцева. Как выяснилось, юным артистам присваиваются разряды от 6-го до 15-го, по возрастной. Года здесь ни при чем, разряды определяют, насколько исполнитель владеет жанром, сколько артистизма вложено в сделанный номер. При-

мерно год ребенок числится учеником. Потом к его ученической работе подключается режиссер. Здесь большую роль играет случай: кто-то увидел, как малыш жонглирует или работает с собачкой, и загорелся: есть идея, и ее можно осуществить при участии малыша. И номер состоялся.

Хорошенько поработав над номером, ребенок предстанет перед экспертной комиссией, которая и осуществит перевод в артисты. В комиссию входят представители разных жанров, высшие авторитеты в цирке.

После обмена мнениями — мнения заносятся в протокол — комиссия принимает решение и присваивает разряд. И теперь ребенок получит трудовую книжку и зарплату, вполне сравнимую с заработком взрослого. Такие вот «лошарики».

Шапито в Крылатском простоят еще с месяц. Ежедневно — одно-два представления. Потом, вероятно, гастроль. Дело детского цирка явно не умрет. Когда за спиной могучая государственная компания, а не шарашкина контора, можно смело сказать всему цирковому бродячему народу: приходите и приводите своих детей, посмотрим, что они умеют делать. Пока «Лошарик» готовился к открытию, была сделана еще одна детская программа и тихо отправлена за границу, в Японию. Дело-то выгодное.

После первого представления взрослые устроили небольшой банкет с бутербродами и шампанским. «Лошарики» же напились пепси и зарезвились вокруг стола, как всякие нормальные дети. А потом вообще исчезли из поля зрения, наверное, носились где-нибудь вне манежа. А под ковром, устилавшим манеж, оказались не опилки. Это был полиуретан, яркий, упругий, иностранного производства.

НИКАКИХ ТЕЛЕВИЗОРОВ

НИКАКИХ КОНСЕРВАНТОВ

НИКАКИХ ЖВАЧЕК

НИКАКИХ СЛЕЗ

НИКАКИХ ЕСЛИ

КАКИЕ ЗАПРЕТЫ В 6 ЛЕТ?

Явление Юзера*

Наконец-то оно произошло в России

Елена БЕРДНИКОВА

Компьютер в России долго не приживался. Потом прикатила колесница свободы и выяснилось, что именно он — наш главный трофей. А еще он: черный ящик, деньги, кабинет без бумаг, время, знание, окно в Европу, конец иллюзий, счастье.

Но это все метафоры. Сядьте перед компьютером. Черный «зеркальный» дисплей. Кто там? Вы, незнакомый.

Вот с этого и начинается Рождение Юзера.

Расслабьтесь, мы одни

— Компьютер в России за последние 5—6 лет пережил три эпохи. — Все эти три эпохи прошли на памяти Леонида Кляймана, директора агентства «Мониторинг». — Сначала компьютеры ввозились просто как средство наживы: его необходимо было иметь. Все интервью больших боссов снимались на фоне компьютера, выключенного навсегда. Потом началась эпоха игр. Потом внимание бизнесменов к компьютеру дошло до того, что на нем стали шлепать договорчики, как правило, на старой ворованной версии «Лексикона». И только сейчас мы робко вступаем в четвертую эпоху, когда компьютер хотят использовать профессионалы для решения своих задач, и появляется легкая мода на приобретение — а не копирование — программных продуктов...

Но все еще существует некий порог в нашем восприятии компьютера: все уверены, что это такая умная машина, которая сама думает. Но вот его приносят, ставят на стол, и выясняется, что никакой это не робот, не что-то такое «самодумное». Просто инструмент для работы, и он будет настолько хорош, насколько человек его знает, умеет использовать, оснастит специальными программами и заставит работать так, как ему нужно.

Иллюзии — тайные или явные — о думающем компьютере разделяют все начинающие пользователи. Иллюзии исчезают не тогда, когда им объяснят, что железки отдельно, а ум — отдельно, что существует материальная база, ящик, hardware, — и программное обеспечение, software, плод работы изысканного программистского ума. Иллюзии разлетаются вдребезги случайно. Например, когда в

новом компьютере вдруг понадобится снять заднюю стенку и... О, если бы он был стеклянным всегда и сразу! Тогда бы было видно, что внутри не лежит голова профессора Доуэля, не дышит сверхинтеллект или хотя бы простое, но великое серое вещество.

Там есть: косное железо, красные и белые проводки и деталики, собранные крестьянином, недавно покинувшим свое рисовое поле.

— Может быть, если бы компьютер был стеклянным, было бы чуть проще. Максим Костанди, главный инженер фирмы ЛАНКС, компьютеризировавшей с помощью своей программы «Supermanager» офисы «Тринити Моторс», СП «Реэбок-Россия» и агентства «Интерфакс», согласен: неплохо бы начинать курсы компьютерной грамотности для бухгалтеров с церемонии демистификации машины — торжественной и публичной разборки одного компьютера. Сейчас мы на первом же занятии говорим: «Машина — дура, вы успокойтесь». Это действует: все радостно переводят дух и расслабляются.

Ура, экзаменатора нет. Вместе с этим выясняется, что компьютера тоже, кстати, нет. И все эти чудесные дела — вроде расчета прибыли предприятия при всевозможных смоделированных ситуациях, и все эти злорадные пигмейские реплики: «Неважно», «Некорректно», «Путь неправильный», «Места нет» — все это делает не машина.

Это делает — невидимый и далекий... знать бы кто. Может быть, гениальный Уильям Гейтс, президент фирмы «Microsoft», изливший через свои многоэкранные «Окна» — «Windows» — море любви на рядового пользователя. Может быть, некий Боря, ломающий программу на колене. В общем, человек.

Господа, мы — одни.

В науке это называется принципом Лавлейс: «Машина никогда не сможет сделать то, что не умеет делать человек, или то, что он ей не поручал». Ада Лавлейс была первой программисткой машины Беббеджа — счетно-механического устройства, сконструированного в прошлом веке, — праотца всех микропроцессоров. Неглупая женщина. Дочь Байрона, кстати.

И не говорите, что над колыбелью всей современной компьютерной крути не пролетал, шелестя крыльями, Демон.

Расслабьтесь, господа. Не лейте кофе на клавиатуру, и все будет ОК.

Революция мистера М

Неспешные деньги — это денег нет. Их просто нет. Поэтому в авангарде русской компьютеризации — банки. По наблюдению фирм, устанавливающих программное обеспечение, среди отечественных банков сейчас существует негласная конкуренция — кто скорее достигнет мирового стандарта, у кого будет лучшее техническое обеспечение бизнеса.

Как всегда, мода спускается вниз, — к простым и бедным. Все хотят одного: сеть. Корпоративную, глобальную, локальную. Связь всех компьютеров фирмы, единую отчетность и единую жизнь. Все мечтают о трех вещах. Сэкономить время на ведении документации. В любой момент времени иметь адекватную информацию о состоянии дел в компании. Объединить персонал в единую бизнес-команду — разыграть этот «человеческий фактор», который все ищут, как кошку в темной комнате.

Но сначала один великий человек в любой фирме должен уговорить другого большого человека — бухгалтера — на очень нелегкую вещь. «Забить» в неведомый черный ящик все — накладные, налоги, зарплату, товародвижение, амортизацию, платежи, договора, приходы-расходы, балансы и квитанции, — все циферки, за которые бухгалтер отвечает 15 лет.

— Сделать это с легким сердцем нельзя. Нужно усиле, — говорит Леонид Кляйман.

Потому что можно из одной категории пользователей перейти в другую.

— Я для себя всех пользователей разделил на две категории, — говорит Максим Костанди. — Тех, кто уже пережил потерю информации, и тех, у кого это еще впереди.

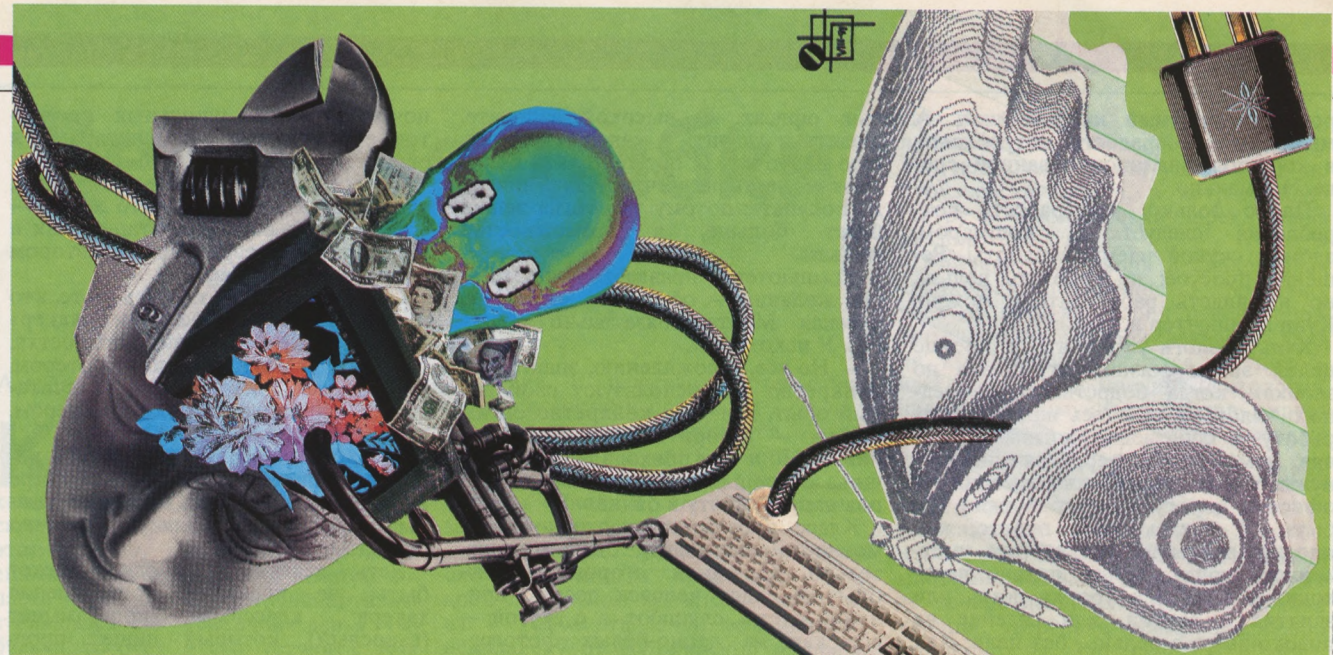
Кошмар возможной потери информации, на обработку которой потрачен день, два дня, неделя и больше труда, преследует бухгалтеров. Пока им как-нибудь не случится сделать за полчаса на компьютере объем обычного рабочего дня.

— Это шок, — комментирует реакцию «бухов» Борис Браславский, преподаватель курсов компьютерной грамотности. — Немая сцена еще на полчаса. Пока новый опыт уляжется.

Но ни в какой, даже самой компьютеризированной бухгалтерии, рабочий день бухгалтера не длится полчаса и не становится вечным

* User (англ.) — пользователь персонального компьютера.

ОЛЕГ ГРАЧЕВ

праздником. Все эти «электронные бухгалтерии», «Chief», «Supermanager» и прочие «финансы без проблем» придуманы не для бухгалтерского кайфа. Нет, большим боссам они тоже не нужны. Мейкеры стратегических решений работают, не вдаваясь в частности отдельного дня и по старинке — своим умом. Пенки со всей разнородной информации о делах фирмы снимают другие люди. Многочисленная армия царей и богов бизнеса в информационном обществе, люди, нанимаемые и рекрутируемые сейчас в России пачками, — «белые воротнички», господа управляющие.

Менеджеры

— У меня фирма маленькая, я директор, я и менеджер, — говорит Леонид Кляйман. — Поэтом я заинтересован в том, чтобы каждый день иметь возможность снять информацию о своих делах: кто мне должен, кому я должен, что происходит у меня на счетах, что я должен поставить клиентам. Что произойдет — не наверняка, но с большой долей вероятности — в ближайшие два-три дня. Знать это в наше время очень важно.

И вся эта информация — самое главное — должна соответствовать реальности. Иначе теряет смысл все. Доверить информацию компьютеру — что мы и сделали, установив и обкатав у себя систему «Chief», которую мы сейчас предлагаем, — это волевое усилие. Вообще жизнь с компьютером — это волевые усилия каждый день.

Сложная — «никогда не забыть внести информацию в компьютер», негарантированная — «имей в виду, теоретически это может сгореть» — жизнь с компьютером дает две великие форы: Время и Понимание. Отдавать себе отчет в своем положении и жить в реальном времени — вот выигрыш, имея который человек управляющий имеет все. Или будет иметь в ближайшем будущем.

Компьютер умирает в потустороннем мире «лукавых цифр» и веры

людей в то, что они будут жить как минимум вечно, а как максимум — вечно молодыми. Мы эту смерть уже видели: он ржавел и замерзал на свалках — гость в России, заморский страус в снеговой уродине.

Выморочные попытки советского менеджмента были — «автоматизированные системы управления», например. Как же, как же, кто не помнит старуху АСУ. У искушенного менеджера с опытом это словосочетание вызывает язвительную улыбку. Так ведь, ребята, не бывает и так не случилось: быть гением управления, равным Яковке, в стенах вверенной страной мануфактуры, и, выйдя за проходную, выключать ум.

Не видеть, что идешь по кратерам темной стороны Луны и живешь во времени, полученном по переводу с того света.

Гуд бай, гудок! И иллюзии тоже

— Когда мы пересекаем границу, мы ведь понимаем, что только что переехали не пространственную границу, а временную; преодолели разницу, может быть, в 80—90 лет. В России понимают под компьютером ящик, стоящий на столе, а это неправильно и очень узко. На Западе процессорные устройства везде: в телефонах, часах... Человек начинает свой день с того, что, выйдя в соседний магазин что-то купить к завтраку, расплачивается по кредитной карте. А в России этой инфраструктуры нет, она только сейчас начинает формироваться.

Когда-то переезд за 20 часов на 80 лет вперед был личным шоком Алексея Макешина, тогда студента философского факультета МГУ, выясняющего связь информационных технологий и социальных изменений. Сейчас его жизнь — кубик, вынутый из общей аморфной пирамиды: в кубике, где живет консультант «Корпоративных исследований в Центральной Европе», аспирант МГУ и very experienced user, часы с процессором показывают адекватное

европейское время, дышать значит работать, а три дня при сломанном компьютере значит три дня в аду. Утро он начинает с разбора электронной почты, а день заканчивает в поезде, например, на Вологду, где они с коллегой, нет, не наблюдают плоские северные пейзажи, а работают на «NoteBook».

— Нет, компьютер не порождение свободного человека, он порождение закабаленного человека... и закабаляющее человека. Всегда и везде его могут достать, он всегда должен быть в курсе, его время учтено и расписано вперед, он должен постоянно отвечать на новую информацию.

Алексей радостно описывает ужасы жизни с компьютером: он был готов к тому, что компьютер — это проблема, философская или бытовая.

Он без особого энтузиазма смотрит на юношу-кассира в банке и на девушку-кассира в бутике, пробивающих чеки по 8 часов в день. Политик бы прошел и умилился, разглядев в них «наш растущий средний класс». Как и положено ученому, Алексей видит то, что есть. Девушку, которая...

— ...лучше бы шила на фабрике штаны. Ну и что она при этой кассе с процессором? Что от этого произойдет? Новая вещь? Творчество какое-нибудь? Она точно такой же придаток этой машины, как в восемнадцатом веке ткачиха была придатком ткацкого станка где-нибудь на мануфактуре, как рабочий, бросавший болванки.

Давно, но было: на Западе многие, совсем по Тоффлеру, надеялись, что в новом информационном обществе главной ценностью станет не потребление, но самосовершенствование. Все начнут творить как бешеные, и воцарится любовь. С надеждами растались — тихо и без потери лица. Неловко сказать, но в очередной раз выяснилось, что делать партии и рабочие места, писать книжки и музыку, выдумывать новый крем для пирожных и формулу стирального по-

рошка — потный кайф единиц. А миллионам — радость потребления в хорошо кондиционированной среде. Нормально.

Плохо только, что радость потребления следует за кошмаром, адом и скукой наемной работы. Решение простое: не работать нельзя, но не видеть работодателя можно. Купи компьютер и...

Культурологи говорят о конце целой эпохи жизни «от звонка до звонка», когда бодрствование среднего человека делилось на две части: работу и собственную жизнь. Поставив дома компьютер, связанный с нужными банками информации и офисом, дорогу в офис можно забыть. И начать жить просто, как плотник-надомник или кустарь умственного труда: работа плавно переходит в обед или уборку дома, или занятия с детьми, или сидение на подоконнике с целью... без цели. Как листочки шелестят послушать.

Хорошо. Как Солженицыну среди леса, «ваявшему» на компьютере главу за главой.

Но через срок «Ч» сидения в «электронном коттедже», в сладком семейном или полном одиночестве, без выходов к племени, любой, даже писатель, — нет, не сияние увидит — станет неэффективным.

— Когда мы, четыре человека, работающие над информационным проектом, — я в России и трое в Германии, Англии и Америке, — собираемся вместе, мы за четыре дня делаем то, что мы бы никогда не сделали, работая раздельно. В это время рождаются идеи, определяющие, что и как мы будем делать в будущем.

В работе важно чувство локтя, важно, чтобы не прерывался контакт. Без этого надеялись обойтись когда-то — казалось бы, чем не общение через средства связи? — но выяснилось, что людям, работающим вместе, необходимо иногда посидеть вместе, летним вечером, просто так.

...Нет, конечно же, мы будем встречаться. Не по звонку, гудку и нужде, но по делу, желанию и влечению. Для счастья.

«Песенка о счастье»

Почему-то почти все начинающие пользователи чувствуют себя счастливыми. Проведенные автором экспресс-интервью учеников компьютерных классов неизменно говорят об этом. Точно так же, как о том, что почти все чувствуют себя с машиной не совсем уверенно. Математик-теоретик и кондитер одинаково знают, что машина не ошибается, а мистики нет, — и одинаково боятся машины. Они уважают компьютер, в том числе и как вещь, на покупку которой нужно энное количество обычных русских зарплат. Они боятся и любят его: называют «киской», «мерзавкой» и короткими энергичными словами. Он что, смутный объект желаний?

Все объясняется просто. Почти все связывают с компьютером Мечта. О новой престижной работе. В бе-

лых офисах. О высокой зарплате. Ходить и гладить в кармане кредитную карточку. И осуществлять более мелкие частные мечты. Или ничего не покупать: потому что тогда вещей будет больше, а возможностей меньше.

Компьютер и правда смутный объект желаний — обещание, что новая русская Мечта обязательно сбудется. У некоторых.

— Не все, к сожалению, знают, как конкретно они используют свой новый опыт, для чего конкретно он им нужен, — говорит Борис Браславский. — Но к нам приходила одна женщина с прошлого курса, сказала, что она нашла работу в банке.

Класс курсов компьютерной грамотности выглядит очень трогательно. С одной стороны, очень обычно: сидят человек десять, прилично одеты, слушают, а с другой — все как на черно-белых фотографиях 20-х годов: деревенская изба, старики, родившиеся при Сохе Андреевны и крепостном праве, с лицами, одеревеневшими от усилия. На заднем плане — детская голова. Ликбез. Мечта.

В нашем немолодом «молодом компьютерном поколении» — 50-летние бухгалтеры, 30-летние менеджеры, 20-летние секретарши, безработные всех возрастов, — и дети. Кстати.

Меж Маугли и Эйзенштейном

В первый раз он сел за компьютер, огромный, чуть ли не ламповый мастодонт, в шесть лет: отец привел его к себе на работу, и с этого все началось. В десять лет, на более современной машине, он написал игру — «Тараканьи бега. С тотализатором». Сейчас ему 14, и он знает три языка: паскаль, бейсик и си. Это результат работы на компьютере каждый день, час или два. Когда есть возможность поработать на классном компьютере, у отца на работе или у друга, он может просидеть за машиной часов пять. Кстати, он никогда не говорит «машина», не романтизирует компьютер и не хлопает его по корпусу, как по плечу. Компьютер знает свое место в жизни Сережи Хайкина.

— Компьютер для меня никогда не был всем, поэтому, кстати, я думаю, что он мне никогда не надоест. Он — только часть моей жизни. Отдельная от всего другого часть.

В своей отдельной компьютерной жизни он узнал, что отличает его от других: терпение и упорство. Он не схватывает на лету — он поспешает медленно. Откладывает нерешенную задачу, но не бросает.

«А теперь, дети, скажите, что есть первые добродетели нормального русского подростка как-мы-читали-в-толстых-книгах?» Крайние мнения. Страсти.

— Нет, у меня нет сильных симпатий и антипатий... я достаточно спокойно ко всему отношусь. Это, наверное, странно, но у меня даже нет никаких планов, я вообще никогда не планирую — кем я буду, нет пред-

почтений среди школьных предметов: естественные и гуманитарные, я еще не выбрал.

Любимый писатель Сергея, Чехов, так никогда и не узнал, кто же он — естественник или гуманитарий. Так и жил простым европейским автором коротких рассказов.

Сергея называют хакером — те, кто подразумевает под словом «хакер» человека, как правило, подростка, безумно увлеченного компьютером. Сам Сергей хакером себя не считает: да, он увлекается компьютером, но...

— Хакер — это человек, очень хорошо разбирающийся в компьютере и, главное, могущий доставать разные программы. Хакеры обычно студенты.

Есть, кстати, еще одно, может быть, не последнее, определение хакера: классный программист (взрослый), который пишет программы, но не может, так как он одиночка, довести их до уровня готового товара; но это определение, популярное среди бизнесменов, неизвестно в подростковых компьютерных кругах.

Раньше стать хакером было почти невозможно: нужно было родиться от папы-программиста. Сейчас подростки-хакеры растут свободно: один упорный хакер на класс обычных юзеров в «продвинутой» школе с хорошими компьютерами. В Америке эти школы называются пилотными — pilot schools.

В России история пилотных школ началась в 1989 году, — с саммитовского рукопожатия Горбачева и Буша. ИВМ и советский компьютерный центр КУДИЦ начали создавать компьютерные классы на территории Союза. Задумано было открыть около 5000 пилотных школ. За короткий срок открылись 1300 классов с компьютерами ИВМ и ИВМ-совместимыми и 33 региональных центра проекта «Пилотные школы».

Потом широкомасштабные программы информатизации тихо расшеялись, эра иллюзий кончилась; КУДИЦ из центра, патронируемого Министерством образования, стал обычной, правда солидной и с традициями, фирмой. Нервно, но, наверное, комплексовать не стоит.

Потому что сидящие у компьютеров в сибирских городах и полудеревнях и общающиеся с Европой и Америкой без помощи проводов из Москвы компьютерные дети уже выросли.

Все как один Эйзенштейны, творцы, мыслящие образами. Маугли из города машин, чудовища прагматизма. Ни то ни другое. Обычные, нормальные, «как все». Юзеры. Users. Пользователи. Употребляющие — что-либо. Потребители. В России им все не давали родиться. И вот нормальное, нормальное, нормальное Рождение Юзера произошло.

Но компьютер здесь, как всегда, ни при чем.

Деловые бабки

Пенсионеры пытаются выжить
и идут в «предприниматели»

Антон БУЛАНОВ

Кому-то стариковская коммерция удобна: с раннего утра до позднего вечера практически у каждой станции метро можно купить сигареты, молоко, хлеб... Кого-то этот бизнес раздражает: продираешься сквозь строй, когда в метро попасть надо, да еще в транспорте настаивающая за «рабочий день» бабулька требует место уступить. Как бы то ни было, приходится констатировать, что на сегодня у нас сформировалась целая прослойка «предпринимателей» пенсионного возраста.

— А иначе на нашу пенсию не протянешь, — рассказывает Анна Петровна В., завсегда одной из людных мест в самом центре Москвы. — Тысяч по пять—семь в день у меня выходит. Работа, правда, не самая приятная: к открытию, к восьми часам, — в универсам. Там покупаю молоко, кефир, пиво, хлеб и крабовые палочки — и на «точку». Если все быстро продает, то успеваю закупиться еще раз. Основные покупатели появляются часов в шесть—семь вечера. Кто они? Холостяки, которым лень по магазинам ходить, и те, кому закусить нечем.

У некоторых пожилых «бизнесменов» дело поставлено на более широкую ногу. Около станции метро «Сокол», например, во дворе жилого дома каждое утро к семи часам выстраивается пенсионерская очередь.

Грузовик с дешевыми отечественными сигаретами приезжает — и часа за полтора товар расходится. А старички-оптовички с хозяйственными сумками и тележками, доверху набитыми «Явой» и «Пегасом», расползаются по «рабочим местам».

За само же это «рабочее место» бабушкам иногда приходится даже драться в самом прямом смысле слова. В 108-м отделении милиции, что неподалеку от Пушкинской площади, мне рассказали, что в переходе под Тверской улицей объявился «рэкетир». Молодая женщина подрядилась собирать со старух дань за право торговли. Деньги дамочка, естественно, пропивает. А в качестве устрашения у одной непокорной старушки отобрала однажды бутылку пива, разбила, да еще и по голове бедную кулаком ударила.

Впрочем, действия «империалистических акул» преклонного возраста иногда и перехлестывают рамки борьбы просто за выживание. Так, некая старушка, находящаяся на пожизненном обеспечении у фонда «Сопричастность», учрежденного страховой компанией «Возрождение», организовала извлечение прилавочной стоимости, нещадно эксплуатируя направляемую к ней фондом патронажную сестру. «Бизнесменша» собирала бутылки, а девушку заставляла их сдавать. Другая развернула бизнес еще шире. Казалось бы, чего ей не хватало: и к пен-

сии прибавка, и медицинское обслуживание, и по хозяйству помощь... Так нет, открыла старушка «цех» по производству водки, а патронажную сестру в коммерческий ларек гоняла за спиртом.

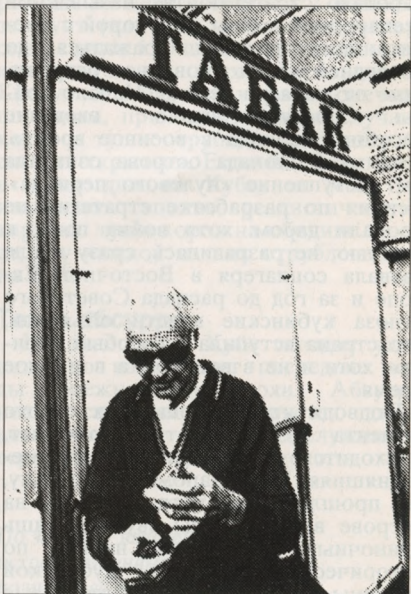
Уличная спекуляция и аналогичная «рыночная деятельность», конечно, удел не всех категорий пенсионеров. Интеллигенты старой закваски вряд ли когда-нибудь решатся на подобный бизнес. По мнению психологов, надежный иммунитет против вируса «купи-продай» есть у трети пожилых людей. И тем не менее...

— В этом году стариковский «бизнес» переживает настоящий бум, — рассказывает исполняющий обязанности начальника 108-го отделения милиции Шамиль Сагдеев. — Только до начала лета за нарушение правил уличной торговли нами задержано примерно на 350 человек больше, чем за весь прошлый год. Продукты мы конфискуем, а материалы направляем в народные суды, где старухи отщипывают минимальным штрафом. На следующий день они снова выходят «на работу», а за своим товаром в отделение не возвращаются. Комната, где у нас хранятся вещественные доказательства, иногда просто забита скорпортящимися продуктами, которые мы вынуждены списывать по акту и выбрасывать.

Осуждать социально незащищенных и рынком мобилизованных в коммерцию старушек как-то язык не поворачивается. Мелкая спекуляция продовольствием для них, безусловно, самый простой путь получения дополнительных доходов, к тому же вошедший в привычку со времен позднестроительного дефицита. Бесполезно их и гонять: практическое отсутствие сети ночных продовольственных магазинов все равно приведет их на «точку» с батонем хлеба ради батона хлеба.

ТОФИК ШАХВЕРДИЕВ

ЮРИЙ ШТУККИН

Во время учений отрядов народной милиции

Остров невезения

Почему не растут ананасы на грядках?

Сергей СЕРЕДА

«**Н**ет такой болезни, которая продолжалась бы 100 лет, но нет и такого тела, которое бы ее вынесло». Эта кубинская народная мудрость лучше всего выражает нынешнюю ситуацию на острове, который люди старшего поколения до сих пор помнят как остров Свободы. И в политике, и в экономике, и просто на улице положение там проще описать как очень хрупкое равновесие. Кажется, еще чуть-чуть, еще один шаг — и все рассыпется словно карточный домик. Этот шаг, возможно, уже сделан к моменту подписания этого номера в печать, а, возможно, Куба войдет в XXI век практически без перемен.

На закате брежневской эры советское руководство оповестило младших кубинских братьев о том, что в случае вооруженного конфликта островитян с их могущественным северным соседом Советский Союз не сможет оказать кубинцам военную помощь. Проглотив обиду, кубинское Политбюро спешно разработало стратегию так называемой всенародной войны, в которой с американцами должны сражаться до последней капли крови все островитяне от мала до велика. Начало войны предусматривало введение «особого периода в военное время», тотальная блокада острова означала бы наступление «нулевого периода». Усилия по разработке стратегии не пропали даром: хотя война пока, к счастью, не разразилась, сразу после развала соцлагеря в Восточной Европе и за год до распада Советского Союза кубинские власти объявили, что страна вступила в «особый период», хотя и не в военное, а в мирное время.

Подводя итоги прошедших с того момента без малого четырех лет, приходится констатировать, что сегодняшняя Куба напоминает страну, где прошла война, хотя выстрелы на острове все эти годы звучали лишь одиночные. Достаточно пройти по исторической части кубинской столицы — Старой Гаване, где целые

кварталы домов не рухнули пока только потому, что держатся за счет деревянных подпорок (благо улицы узкие и подпорки устанавливаются прямо между стоящими друг против друга домами, которые стоят словно раненые солдаты, «обнявшись»). Старая Гавана больше всего напоминает город, подвергавшийся на протяжении многих лет систематическим воздушным бомбардировкам, тем более что сплошь и рядом там видны развалины рухнувших, несмотря на подпорки, домов.

Но дело даже не в зримых приметах «особого периода в мирное время», хотя недостатка в них нет. Ситуация напоминает послевоенную по той причине, что страна стоит на грани голода. После того как стабильный поток щедрой братской помощи из Советского Союза сначала превратился в мелкую речушку, затем в ручеек, а вслед за этим и вообще пересох, со всей очевидностью стало ясно, что кубинская модель социализма представляет собой не что иное, как военный коммунизм. Абсолютно все материальные блага распределяются на острове Свободы по карточкам — от штанов, которые не выдают с самого начала «особого периода», до апельсинов, устилающих гниющим ковром землю цитрусовых плантаций и крайне редко добирающихся до распределительных пунктов.

«Кастрономия»

Обычная для гаванской улицы сцена: полицейский останавливает любого показавшегося ему подозрительным прохожего и прямо на месте производит обыск. Причина, побудившая стража общественного порядка к проявлению бдительности, предельно проста: человек шел с сумкой. Горе ему, если в сумке оказался кусок говядины: даже полкило этого экзотического для Кубы продукта грозит тюремным заключением. Со свиной еще можно выйти сухим из воды, если заранее придумать и согласовать с приятелем алиби: многие гаванцы вопреки запретам санитарных служб откармливают

свиней во двориках-патио или просто в ванной комнате своей квартиры (это, наверное, самые тощие свиньи в мире). Говядина же — это верная тюрьма, даже крестьянин-частник не имеет права забирать собственный крупнорогатый скот для своих семейных нужд, поэтому достать ее законными путями совершенно негде. Кроме как в валютном магазине, куда с августа прошлого года открыт доступ всем кубинцам, получающим денежные переводы от зарубежных родственников.

В послереволюционной России даже во времена военного коммунизма всегда были крестьянские рынки, благодаря которым многие из наших современников не были лишены счастливой возможности появления на свет. На тропической Кубе, где ананасы могут расти на газонах, крестьянские рынки просуществовали всего несколько лет в начале 80-х годов, после чего были запрещены как некий перегиб капиталистического толка. Ни о чем не вспоминают сегодня кубинцы с такой ностальгией, как об этих рынках. И нет для Кубы более простого способа решения продовольственного кризиса, как их возрождение. Время от времени по Гаване проносятся слухи о том, что их скоро снова разрешат, но все это из области домыслов.

Рынков нет, долларов у большинства кубинцев — тоже, остаются карточки. По ним каждый кубинец в условиях «особого периода» получает 5 фунтов риса (чуть больше двух килограммов), меньше фунта фасоли, 5 фунтов сахара, граммов 200—300 растительного масла и несколько куриных яиц. Хлеб — 80 граммов в день на человека, молоко — только для детей до 7 лет. Мяса по карточкам не выдавали уже несколько лет, многие толком и вкус его позабыли. Овощи и фрукты выдаются sporadически и по каким-то труднообъяснимым нормам. Например, месяц не выдают вообще ничего, а потом на грифельных досках, висящих перед распределителями, появляется надпись, сильно отдающая сюрреализмом: «Сегодня во второй

Кубинский автопарк с началом «особого периода в мирное время» заметно изменился; «лады» и «москвичи» сменили велосипеды и конные повозки

половине дня будет выдаваться тьк-ва — по четверти фунта на члена семьи».

Вполне объяснимо, что многие наши сограждане, послушав рассказ о «кастрономии», задают вопрос: «Да как же они живут с такими карточками?» Но это еще не весь рассказ. Например, в Гаване иногда выдают дополнительный фунт риса в месяц (и социальная напряженность сразу спадает), а в глубинке — наоборот, срезают фунт, а то и два. Когда же подходит к концу уборка сахарного тростника, а планы выполнения сафры, как всегда, под угрозой срыва, норма выдачи сахара на душу населения срезается наполовину. Или, к примеру, куриные яйца: в Гаване иной раз выдают аж по 4 яйца в неделю на человека, а в глубинке это давно стало месячной нормой. Ну а как живут? Одна из моих гаванских соседок рассказывала: «Риса с фасолью мне с трудом хватает на полмесяца, потом приходится сидеть на воде с сахаром».

Другой рассказ: «В нашем квартале кошек нет уже давным-давно. А тут подвалила удача — соседка работала уборщицей у американских дипломатов, и они, уезжая домой, своего кастрированного кота ей оставили, чтобы она за ним ухаживала да кормила. Соседка теперь живет припеваючи, потихоньку поедая кошачьи консервы — янки оставили ей сразу несколько ящиков, а кота она нам по-соседски уступила. Так когда мы его резали, весь квартал сбежался посмотреть, котятраподлец больше напоминал приличного по величине ягненка, а уж на вкус оказался ничем не хуже молодого барашка».

Гаванские stalkеры

«Особый период» ввел в обиход кубинцев такие горько-шутливые термины, как «подозрительная упитанность». Люди упитанные, не говоря уже о полных, вызывают у кубинцев широкий спектр чувств — от удивления до плохо скрываемой, а то и открытой зависти. За последние годы мало кто на Кубе не скинул 5—10 килограммов.

Случается, что старые знакомые не узнают друг друга, если не виделись несколько последних лет. Со мной такое было неоднократно. Среди моих старых гаванских друзей

есть, например, один преподаватель университета, который за первые три года «особого периода» похудел на 30 кг, при этом из-за своеобразного фрондерства продолжал носить рубахи прежнего размера и выглядел примерно как Дон Кихот в наряде Санчо Пансы.

Если не хочешь превратиться в ходячий скелет — действуй! Руководствуясь этим лозунгом, немалое число жителей Гаваны стали «продовольственными stalkерами», отправляясь за пределы столицы в поисках съестного во всех его ипостасях. Профессия сопряжена со смертельным риском. Случается, что сторожа, охраняющие кубинские совхозы и колхозы, открывают огонь из винтовок по тем, кто покусился на социалистическую собственность. Но основной риск, конечно, — это тюрьма.

Еще пару лет назад поездки гаванцев в сельские районы не вызывали у властей никаких особых отрицательных эмоций. По мере того как продовольственный кризис обострялся, репрессии становились все жестче. Сегодня все подвезды к Гаване охраняются патрулями полиции или спецназа, в задачи которых входит перетрясти каждую въезжающую в город машину, провести досмотр

каждого велосипедиста и не пропустить в столицу ни одного фунта съестного. Нашли в багажнике полкило картошки — полторы тысячи песо штраф (10 среднемесячных зарплат) и конфискация транспортного средства. Нашли кусок говядины — суд и неминуемый тюремный срок плюс все та же конфискация.

И все равно гаванские stalkеры пробираются в город тайными тропами, везут в город продукты в тайниках туристических автобусов или грузовиков, перевозящих военных (их обыску не подвергают). Но больше всего боятся stalkеры не полицейских патрулей, а соседей-секотов. Им приходится либо регулярно задабривать их продуктовыми взятками, либо привозить продукты глубокой ночью, когда спят даже стукачи. Среди крестьян stalkеры доверяют только очень узкому кругу людей.

Рассказ одного из stalkеров: «Учился я на втором курсе университета, когда начался «особый период». К тому времени уже был женат, первенец у нас родился. Кормить семью надо? Надо. Бросил я университет и для начала занялся продажей рыбы, за нее и до сих пор особенно не трогают. Потом перешел на креветки, лангусты, морских черепах. За все это уже грозит статья. Потом вышел на надежных крестьян и занялся говядиной. Цель у меня одна — пережить «особый период», который может длиться бесконечно. Если удастся накопить на лодку с подвесным мотором, увезу семью в Майами. Но нужно 3—4 тысячи долларов, а для Кубы это большие деньги».

По свидетельству этого stalkера, говядина, поступающая на «черный рынок» по цене в среднем 2 доллара за фунт (или 240 песо — за доллар сейчас дают 120 песо), — это мясо хищного из госхозяйств скота. Крадут и забивают коров, конечно, по ночам, при этом нередки случаи, когда у туши отрубают одну ногу и спешат скрыться. Если бы Дали жил в наши дни на Кубе, он мог бы изобразить вполне реалистическую картину: туши коров на обочине шоссе, и у каждой из них отрублена одна нога.

Театр абсурда

Положение на Кубе сегодня удивительно напоминает последние годы брежневской эпохи. Абсурдность ситуации дублируется даже анекдотами. Эта тема заслуживает серьезного социологического ис-

По замыслу властей, на защиту острова от мнимой агрессии поднимется все население

Старая Гавана больше всего напоминает город, подвергавшийся на протяжении многих лет систематическим воздушным бомбардировкам

ского государства? Объяснений тому великое множество, но по самому большому счету ответ прост: остров Свободы давно превратился в остров Страх. Это разъедающее душу чувство не покидает кубинцев ни на минуту. И ничего не изменится на острове до тех пор, пока один страх не победит другой — страх умереть от голода не одолеет страх перед Системой.

Кубинцы боятся не только своих соседей или сослуживцев. Вполне нормальная для сегодняшней Кубы ситуация: мать говорит дочери-подростку, проклинающей беспросветную тяжесть будней, чтобы она понизила голос. «Тише, папа услышит».

В ответ на вопрос, чего они так боятся, кубинцы часто отвечают: «Пропасть без вести». Многие уверены, что власти ничего не стоит упрятать их так далеко, что никто из близких никогда не узнает, куда они подевались. За многие годы жизни на Кубе мне не довелось встретить ни одного подобного факта, тем не менее уверенность многих кубинцев в вероятности такого развития событий в случае открытого проявления недовольства просто непоколебима.

Нужно отметить, что власти используют очень специфические методы подавления стихийных проявлений недовольства. Время от времени на Кубе вспыхивают очаги мятежей районного масштаба, но стоит участникам любой манифестации увидеть человека с фотоаппаратом или видеокamerой, как у всех мгновенно пропадает желание проклинать власти. Кубинская специфика: в каждом городском квартале или сельском поселке есть свой Комитет защиты революции, где все знают друг друга как минимум в лицо. Другими словами, опознать каждого участника манифестации протеста — не проблема, достаточно подключить к этой задаче вездесущие Комитеты защиты революции.

Последние события в Гаване, когда сотни людей приняли участие в первой по-настоящему крупной антиправительственной манифестации, свидетельствуют в первую очередь о том, что Голод начинает побеждать Страх. Но только не нужно думать, что у кубинских властей не осталось скрытых резервов для подавления народного недовольства. Уже упоминавшийся дополнительный фунт риса способен творить чудеса, а запугать людей можно не только силой оружия, но и напоминанием о том, что многие из них живут в домах и квартирах, хозяева которых якобы спят и видят, чтобы вернуться из Майами и потребовать возвращения своего добра. Кубинцы и не строят особых иллюзий на счет вероятности скорых перемен, предпочитают вспоминать дедовскую поговорку о том, что нет такой болезни, которая длилась бы 100 лет. Как нет и такого организма, который вынес бы эту болезнь!

Фото автора

Гавана — Москва

следования, поскольку трудно определить, каким образом кубинское устное народное творчество умудряется создавать шедевры, которые за 10, а то и 15 лет до этого уже вошли в анналы советского золотого фонда анекдотов.

Лозунги не менее абсурдны, чем анекдоты. Трудно не вспомнить блестящую фразу о том, что «экономика должна быть экономной», прочтя в очередной раз в газете «Гранма» революционный призыв к тому, чтобы «делать больше, расходуя при этом меньше». Большинство кубинцев уже давно перестали ломать голову в стремлении найти хотя бы минимальную логику в происходящем. «Антипропагандистские фильтры», которые устанавливают кубинцы в своих мозгах в качестве аппарата защиты, помогают сохранить чувство здравого смысла.

По-прежнему до небес превозносятся достижения кубинской медицины, хотя в больницах не только нет необходимого минимума лекарств, но нередко жертвам несчастных случаев и автокатастроф швы накладывают нечем из-за отсутствия хирургических ниток. В программах теленовостей репортажи о выполнении и перевыполнении планов производства сельхозпродукции перемежаются сообщениями об успехах той или иной провинции по все более широкому использованию тягловой силы на плантациях.

В каждом номере «Гранмы» публикуется курс валют, где доллар приравнивается к кубинскому песо, хо-

тя национальная денежная единица уже давно превратилась в призрак своего былого величия, подкрепляемого миллиардами рублей и долларов из Госбанка СССР. Из года в год кубинские экономисты толкуют о том, что национальная экономика достигла нижней точки кризиса, хотя даже основная отрасль экономики — сахарная — продолжает с каждым годом бить все рекорды самыми низкими в послереволюционной истории показателями, не говоря уже о других отраслях, которые просто парализованы без поставок сырья и запчастей из Советского Союза.

Более трех десятилетий кубинских эмигрантов называли не иначе как «червяками» и «предателями родины», а с прошлого года они словно по мановению волшебной палочки превратились в «сограждан, покинувших страну по соображениям экономического характера». Другими словами, если раньше за связь с родственниками, живущими в Соединенных Штатах, люди попадали в «черный список», то теперь можно не только переписываться с ними, но и приглашать их в гости, а также получать от них денежные переводы, чтобы потом тратить их в сети государственных валютных магазинов, где цены повыше, чем в Нью-Йорке или Париже.

Царство страха

Почему в отношении Кубы не работала «теория домино», в считанные месяцы не оставившая на карте Европы ни одного социалистиче-

**За столом —
двуногие «обидчики»
котов и кошек,
или Не нравится —
не ешь**

Жители китайского юга подтверждают сложенную про них поговорку: «Едят все, что летает, кроме самолета: все, что стоит на четырех ногах, кроме подлодки». Во многих ресторанах этого обширного региона на ура расходятся приправленные овощами и специями жареные... мышиполевки.

Спрос на более чем экзотическое блюдо возник после того, как местные жители начали массовую кампанию уничтожения грызунов, наносящих невосполнимый ущерб посевам. Тогда-то пылливый крестьянский ум и посетила блестящая коммерческая идея: чем убивать,

лучше отлавливать мышей живьем, благо людей в избытке, и продавать.

В местечке Тайпин возник даже единственный в стране специализированный мышинный рынок, где предприимчивые крестьяне сбывают свой улов оптовикам. За каждый торговый день там продается по несколько тысяч бывших вредителей, а ныне — сырья для кулинарных деликатесов. Покупатели тщательно отбирают каждую особь, предпочитая упитанных мышей,

весом не менее четверти кило. Жалоб на качество со стороны ресторанных клиентов не было, пишет местная «Гуанчжоу жибао». Ведь принцип прост: не нравится — не ешь...

**Эх, поедем
на воде...**

Бензин, солярка, солнечная энергия, все это привычно. А вот сделать так, чтобы автомашина поехала на воде, — это серьезно. Известная американская компания «Катерпиллар» готовится оборудовать производимые ею дорожные машины двигателями, которые будут работать на смеси бензина или

солярки с водой.

Суть изобретения некоего Рудольфа Гуннермана, на которое уже выдан патент, состоит в том, что бензин или дизельное топливо, смешиваясь с водой в пропорции почти один к одному с помощью специальной добавки, формула которой держится в секрете, превращается в некую эмульсию.

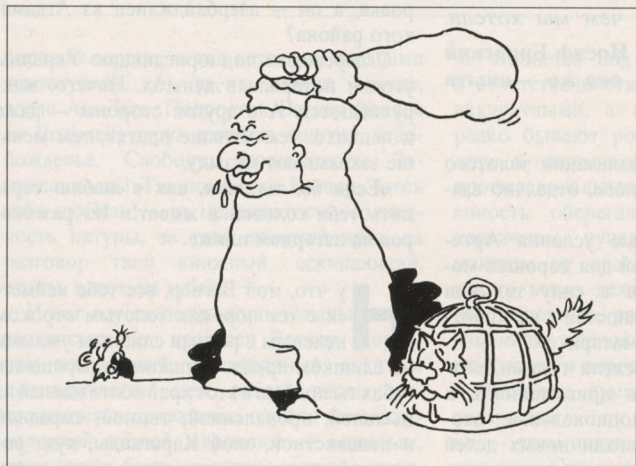
В ходе испытаний километраж пробега машин на том количестве бензина, которое содержалось в смеси, возрос на 40 процентов, а количество вредных выбросов в выхлопных газах резко сократилось. По мнению Гуннермана, это достигается в результате того, что вода в цилиндрах разлагается на водород и кислород и, сгорая вместе с бензином, повышает энергоотдачу двигателя.

«Это просто потрясающая технология, — заявил Джеймс Сибли, технический управляющий «Катерпиллар». — Правда, предстоит проделать еще большую работу, в ходе которой неизбежно возникнет немало неожиданностей, прежде чем процесс будет поставлен на промышленную основу».

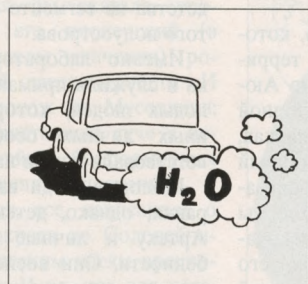
Тем не менее, подчеркивает журнал «Бизнес уик», сообщая об этом изобретении, в случае массового внедрения Соединенные Штаты смогут наполовину уменьшить дефицит своего торгового баланса в результате сокращения импорта нефти. О возможных убытках нефтеперерабатывающих концернов пока не сообщается.

**С МИРУ
ПО
НИТКЕ**

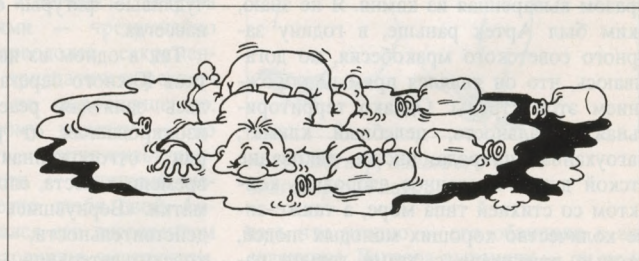
ВИКТОР ЧУМАЧЕВ

**Кайф сквозь слезы:
не пропадать же добру!**

Полторы сотни любителей «домашнего вина» в кенийском городе Киамбу получили на днях редкую и, вероятно, последнюю возможность вдоволь и бесплатно угоститься. Причитая и утирая слезы, они «уничтожили» в своих желудках более 3000 литров «чангаа», «бусаа», «муратина», «тойер» и других видов самогонки, которые были конфискованы полицией в ходе рейда по местным барам и забегаловкам.

Изготовление и продажа самогона является в этой африканской стране уголовно наказуемым преступлением. Нарушителям государственной монополии грозят полтора года тюрьмы и огромный штраф. Но, тем не менее, в стране как грибы после дождя растут «мити ни дава» — бары, где посетителям предлагают самогон. И они не знают отбоя от клиентов, поскольку инфляция сделала недоступной для многих ря-

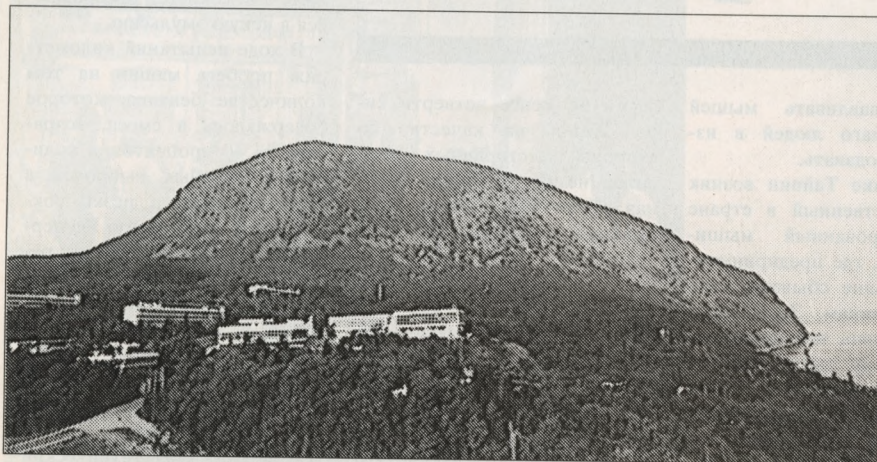
довых граждан резко подорожавшие «легальные» пиво, вина и крепкие напитки.

В ходе рейда были арестованы девять самогонщиков, которые теперь предстанут перед судом. Руководивший операцией Джофрей

Гачагуа отпустил задержанных в барах 150 любителей крепких напитков, заставив их перед этим «уничтожить» не уместившийся в кузове полицейского грузовика самогон. На каждого пришлось по несколько бутылок.

Опыт невинности

Объяснение в любви
«сельским дурачкам»

*Потому что душа существует в теле,
жизнь будет лучше, чем мы хотели.*

Иосиф Бродский
Песня невинности, она же — опыта

Алла БОССАРТ

Главное и упоительное чувство, которое овладевает человеком на территории Артека — от Гурзуфа до Аю-Дага, — чувство защищенности. Полной безопасности. В море, в горах, в парках, на дороге, в своей комнате. Издерганный тревогой и страхами, которыми пронизаны последние годы на большой земле, ты не можешь не ощутить как бы декоративности, условности этого покоя, его вычлененности из общей естественной жизни, как золотая крупница, еретическим образом вываренная из камня. Я не знаю, каким был Артек раньше, в годину задорного советского мракобесия, но догадываюсь, что он являлся прямым порождением этой страны. Однако территориальная локальность, целебный климат, благоуханная природа, чистое ликование детской души, вызванное здоровым контактом со стихией типа море, а также энное количество хороших молодых людей, которые приезжали с этими детьми работать, — смягчали общее тоталитарное напряжение системы, спрямляли ее уродства, что создавало в свою очередь лабораторные условия для торжества социализма с не присущим ему человеческим лицом. «Пионерская республика» тоже, конечно, изобиловала примочками и приметамы строя, но они носили, скорее, прикладной, орнаментальный ха-

рактир и не мешали реализации золотого детства на сегменте одного, отдельно взятого полуострова.

Именно лабораторные условия Артека и служили приманкой для хороших молодых людей, которые в силу тех или иных личных особенностей не соответствовали жизни на «материке».

Молодые люди выросли годами, сохраняя, однако, детскую привязанность к Артеку и личные эмоциональные особенности. Они воспитывали новых детей и новых молодых людей, и в этих поколениях тоже обязательно находились причудливые фигуры, оседающие в Артеке навсегда.

Так в одном из наиболее райских участков Южного берега Крыма сформировалась занятная резервация, практически изолированная от развалившейся империи, отгороженная от окружающего времени и места, словно плод — стенками матки. «Вернувшись на короткое время к действительности, — сказал один из артековских ветеранов, — я понял, какой жуткий шок испытывает младенец, рождаясь на этот палящий свет». Вот именно. И если раньше Артек был смягченным сколком Страны Советов с ее иерархией и тоталитаризмом в бархатном исполнении, с ее идеологией и, соответственно, диссидентами, — то сейчас, по понятным причинам перестав быть вывеской победившего коллективизма, Артек зажил в свое

удовольствие, не контролируемый никем, подчиняясь только осознанным потребностям и традициям, полностью блокированный от кровавой действительности. Даже крымские разборки чудесным образом не коснулись его.

С театральным эффектом высвечивает по ночам грани хрустальной сферы радиус пограничного прожектора, фантики-купоны шелестят вперемешку с обертками эскимо, до поздней ночи носятся вприпрыжку среди кипарисов меченные радионуклидами дети, гремит в олеандрах канкан и рок-н-ролл, вместо галстуков на загорелых шеях прыгают крестики, «всем, всем добрый день!» (побудка). Лишенная национальности утопия на берегу седого понта, чье античное совершенство военно-морские страсти и исторические амбиции колеблют не больше, чем мидии, облепившие под водой скалы.

Видимо, быть утопией — высшее предназначение Артека, которому он легко внял. Но по сути мало что изменилось, когда идеологическая вывеска оказалась последней провинцией (у моря), где еще имеет смысл жить, если уж «выпало в Империи родиться»... Хотя бы потому, что — куда, например, ехать водителям-молодоженам, если она — из Приднестровья, а он — азербайджанец из Агдамского района?

С переходом под юрисдикцию Украины утопия потеряла в деньгах. Ничего, выкручиваются. А с другой стороны — даже и неплохо: чем меньше платят, тем меньше заказывают музыку.

«Если бы ты знал, как я люблю таранить тебя головой в живот!» Из разговоров на лагерьном пляже.

Ну что, мой Вагнер, все тебе неймется с тех пор, как толстым отроком нелепым с речами слишком умными на слишком ярких, слишком пузырящихся губах ты прибыл в этот край обетованный из пыльной, прокаленной, темной, смрадной и ненавистной, злой Караганды, куда родителей твоих во испуление их крови басурманской рок забросил, в телячьи эшелоны погрузив? Ах, Вагнер, оскорбление арийцам — такой черноволосый, черноглазый и чернобровый, круглый, жовиальный, как будто бы родился не от Карла, а от Менахема под Харьковом, в местечке! В Караганде ты слыл жидом, жиртрестом, мой милый Вагнер, сызмальства подранок и даже до рожденья — как мы все.

А там в раю, под мордой Аю-Дага, тебе по-братски близкого медвежьей повадкой вкрадчивой и грузной, где кабельтовах в десяти застыли скалы, что по легенде были близнецами и согрешили, всю власть свою над морем истратив не на пользу людям, а себе лишь на потеху, своей гордыне юношеской, глупой (запомни, Вагнер, ты себе отметил, прислушиваясь к слабым токам власти, что вовсе не заметно для приборов пульсировали в нез-

Доктор Рат:
— В человеке
все должно
быть здорово
и желательно
прекрасно...

доровом сердце — над детскими сердцами диктатурой)... Ах да, в долине, значит, возле Аю-Дага. Подросток Вагнер (звался он Володей) вдруг легкость ощутил, освобождение. Свободу, безопасность. Защищенность! Ты помнишь, Вагнер, здесь тебя любили — за медвежатость, солнечность природы, за твой кипучий нрав, за разговор твой книжный, вскипающий, сквозь хохот, на губах.

И вот спустя полдюжины унылых карагинских лет красавец Вагнер (порядком похудевший, романтичный, с огнем педагогическим меж ребер) вновь возвращается в провинцию глухую (с международной славой мировую) — вожатым, или, стало быть, ведущим отряды недорослей к стройному добру.

Минуло четырнадцать лет. За это время Вагнер досыта наелся артековской прозы, пережил инфаркт, пытался сбежать из Артека на родину, едва не остался Вагнёрюсом в Вильнюсе — во время январских событий, из байронических побуждений... Но не выдержал и вернулся. В лагерь. И даже — к прежнему облику, как бы наглядно начиная все сначала.

Артек в буквальном смысле заменил ему не только родину, но и семью, и дом. В его комнате в общежитии — на балконе, в креслах, на столе и на полу постоянно ночуют его бывшие «дети», некоторые уже со своими детьми. «Очаг» не заладилась — допускаю, что не в последнюю очередь из-за этой его оголтелой романтичности. Я и сама не люблю романтиков — от них, в сущности, все наши беды. Но как не полюбить Вагнера? Ну, допустим,

не сгибается под грузом обязательности и ответственности (романтики не бывают аккуратными, а немцы, видимо, просто редко бывают романтиками, по крайней мере, в нашем веке) — ну и что? Юмор и профессиональная, я бы сказала, упорность оберегают его пионерский (в первичном, куперовском значении) романтизм от опасной пассионарности. И как-то мимо дела похож на Муссолини: распряженный, расхристаный дуче в неизменной черной майке, бесформенных шароварах и перекошенных шлепанцах.

Прочитав, думается, все, написанное о педагогике — от Сократа до Соловейчика, — всем педагогическим идеям предпочел идеи Стругацких. И то, что для него, активного гуманитария и толстокнижника, Стругацкие так и остались с детства любимыми писателями — чрезвычайно характерно. Едва преодолев сакраментальный возраст, тридцатичетырехлетний Володя Вагнер по мироощущению, заблуждениям, личному кодексу — по своей, так сказать, социо-культурно-психологической масти — типичный шестидесятник. Беззаветно любя свой Артек, он всегда оставался его диссидентом и как бы даже внутренним эмигрантом. Попав вожатым в самую казарменную дружину (в Артеке их всего десять), Володя Вагнер принялся насаждать свои идеалы: свободы действий и высказываний, уважения к личности, разумного индивидуализма. Организовал театр, поставил там Корчака — его обвинили в сионизме. Придумал этакий пионерский Гайд-парк, где все могли прокламировать и обсуж-

А это Вагнер, каким его видит благодарный автор

дать что угодно — его обвинили в антисоветчине. Вагнера выгоняли — он не уезжал, и его снова зачисляли в штат. Он перешел в другую дружину, помягче, где начальница поначалу защищала его, но «дети Вагнера» так скоро стали отличаться от остальных детей этой дружины, что и отсюда Володю стали планомерно выживать. Помог грузинским ребятам, которые захотели рассказать о девятом апреля, провести вечер памяти — его опять

Влад Белов
(третий внизу)
в гостях
на рабочем месте
Андрея Давыдова
(третий сверху)
Хозяйство —
раздельное
Дети (первый, второй,
четвертый и т.д.) —
общие

обвинили в антисоветчине. Вместе с группой молодых, энергичных начальников повел подрывную деятельность против тогдашнего директора Артека Виталия Шевченко — бездельника и болтуна, помешанного на оккультизме и в ходе своих плодотворных астральных связей развалившего Артек материально и разложившего морально, — к Вагнеру явился «наемный убийца». Правда, алкаш и добрый человек, но он же и предупредил, что в следующий раз найдется кто-нибудь посерьезней.

Не провожу никаких намеренных параллелей — они напрашиваются сами. Новый, «всемирно» избранный директор Михаил Сидоренко был, разумеется, аппаратчиком, но, к счастью, толковым и деловым мужиком, которому сегодняшний Артек во многом обязан своим до сих пор существованием. Вагнер при нем расцвел и, не ужившийся ни с одним отрядным начальством, получил специально для него изобретенную должность руководителя творческих программ, то есть педагога-идеолога. Ту единственную «должность», о которой мечтал всю жизнь.

То, что было трагедией шестидесятилетия: ненависть к режиму в сочетании с безаветной любовью к отчизне, вера в утопические идеалы, общекультурные приоритеты и аргументы в противостоянии варварству, гуманитарный либерализм, допускающий союзничество с «хорошей» властью; весь тот романтический комплекс ранимой стойкости, для послевоенного поколения советской молоде-

жи чреватый горькими разочарованиями, — перенесенный в обаятельном лице Владимира Вагнера на опытное поле Артека, оказался плодотворным и счастливым.

По моде нашей общей в прошлом страны гонимый Вагнер стал в Артеке первым человеком — самой популярной и авторитетной фигурой. Он не придает этому значения. Хватает юмора не надуться. Пыхтя по дороге к подножию Аю-Дага (далее уже не осилить), как лучшее время жизни вспоминает: поднимал, бывало, свой отряд в четыре утра, и шли к вершине, по холодку, чтобы с плато увидеть рассвет... Потому что, кто увидит этот Божий спектакль, считает милый Вагнер, тот уже сознательной подлости не сделает.

Нелепый мудрец, мимоходом наблюдая за моей дочерью, он рассказал мне столько об ее «ангельской» природе, что оставалось лишь ужаснуться собственной тупости и многолетней череде ошибок. За тридцать четыре года жизни в этой стране он не научился взаимодействовать с ее взрослым населением на предлагаемом уровне цинизма.

«Мы все здесь — сельские дурачки».
В.К.Вагнер (не композитор).

Мы шли с друзьями поздним часом с моря, болтая громче, чем прилично ночью. И вскоре обнаружили, что нас уже, как давеча, не трое, а четверо. Четвертый — незнакомец, ужасно жилистый какой-то, хоть и шуплый. Все встречные подростки, табунами гуляющие ночью

на приволье, с почтением веселым величали «Геннадий Эдуардович» его. Но чаще — просто «доктор». «Здрасьте, доктор!» «Здорово, нарушители режима!» — застенчиво грозил он кулаком. Он был слегка навеселе, что позволяло держаться нам с примкнувшим фамильярно, хоть повода к тому он не давал. А утром рассказал один из нас, слезами благодарности блистая, что этой ночью эскулап бродячий все боли снял ему и вылечил от стресса.

То был великий врач, по Крыму славный. Лишь это достоверно знали в Ялте, в Артеке и в Гурзуфе — что великий. А также — что Геннадий Рат зовется. Все остальное было под вопросом: семья, происхождение, награды и подвиги, восточная граница и прочие узоры биографии. К легендам склонен доктор был веселый и к приключениям, к риску и к гусарству, и чарочку предпочитал аскезе. Здоровый дух мальчишества в здоровом и экономном теле Гиппократе.

Лет тридцать назад Гена Рат приехал в Артек из Омска, командированный комсомолом, как лучший вожатый Омской области. Он был из тех потрясающих ребят, которые искали на свою башку приключений, берясь за корректуру после «семьи и школы». В своем весе пера он, как на петушиный бой, вызывал самых отпетых, только не по одному, а всех сразу. Уже знаменитым на всю Ялту артековским врачом, разменявшим полвека, он собрал по отрядам самых наглых «качков» и повел их в горы, чтобы на знаменитых аю-даговских осыпях

объяснить, что же такое настоящий мужчина. Сопливыми щечками накаченные дылды спускались вниз, цепляясь за маленького негибачего Доктора. Когда Геннадий Эдуардович сильно устает после дня приемов, или рано утром, с недосыпу, или просто — «когда на сердце тяжесть и холодно в груди», и дома проели мозг — он бежит по крутым малоизвестным тропам Аю-Дага, только бегом — и утешает душу.

То ли в Риге, то ли в Омске он то ли поступал, то ли окончил, то ли энергетический, то ли радиотехнический — я так и не поняла. Главное, что потом он получил диплом педиатра в Симферополе и распределился в Артек. И с тех пор ни одна гурзуфская мамка, случись действительно плохо, не поведет своего «малого» ни к кому другому. В Артеке навалом врачей, но когда говорят — «Доктор», все понимают, что речь — о Рате. Его назначали старшим врачом в разных отрядах — и вскоре снимали: он не умеет быть начальником, распоряжаться, распределять работу, поручать и приказывать. Он умеет только лечить, причем все — сам. При полной организаторской беспомощности он создал в Артеке Центр здоровья и разработал там кучу профилактических программ. Он совершенно помешан на здоровье вообще и детей в частности, и нет случая, который поставил бы его в тупик. Он лечит одним своим присутствием.

При мне безумевшая молодая мама из отдыхающих притащила к нему малыша с приступами удушья — ни один врач не смог поставить диагноза. Рат, набормотав по ходу дела какой-то чепухи о грустных глазках, как бы между прочим заметил: «типичный параклош», размял от имени неких кенгуренка и страусенка крошечную грудку — Женяка тарасился и смеялся; после чего дал маме (детскому врачу!) отводную трубку фонендоскопа, и та просияла: хрипы исчезли! Но истинно гениальным было заключение: ребенку делать то-то и то-то, хотя по-настоящему лечить надо маму. Рат видел ее впервые — и мгновенно распознал вредоносную куриную истерию, гнездившуюся в этой женщине.

Атлет, гуляка, бессребреник, Геннадий Эдуардович Рат одарен какой-то удивленной любовью ко всем и всему вокруг. Вагнер назвал его «педагогическим врачом». Добавив: «Он ненормален даже для Артека, где ненормальны все».

По нынешним временам Доктор мог бы стать уж как минимум миллионером. Вместо этого он блаженно спит в каморке при своем Центре и никогда, ни при каких обстоятельствах ни с кого не берет денег. Что умеет — то умеет. А чего не умеет — тому поздно учиться.

Своими травмами, что собирает он, как колдун, по склонам крымских гор, спас сельский лекарь сельского умельца, сгоревшего на собственном огне.

Но это уже другая история.
«Вообще-то нельзя. Но если очень хочется, то можно». Г.Э.Рат (не начальник).

Андрей Давыдов. Родом из Самары. В душе — дитя, но руки — золотые... Нет, так не пойдет. Об Андрее, как о дивном русском мастеровом, надо бы рассказать широким былинным сказом, на который места уж не хватит. Из экономии обращусь к точной технической характеристике, данной его лучшим другом и антагонистом.

Когда Вагнера выгнали, Давыдов уволился из солидарности, потом вместе они придумали отдел инновационных программ (телецентр, издательство, отдел информации, универсальная творческая мастерская) — где их отношения усложнились до зачатой дружбы (в результате чего Вагнер и обрел свою новую, вымечтанную должность).

— Таких людей почти не бывает. Когда Господь лепил Андрея, то не дал ему одного: умения жить во взрослой жизни. Он рожден был ребенком и должен был оставаться им до конца. Мы здесь все инфанты в определенной степени, но Давыдов — суперинфант. Делает только то, что хочет делать, что его в данный момент волнует. Дружит только с очень юными детьми: настоящая привязанность развивается у него с девочками и мальчишками не старше лет двенадцати—тринадцати... Взрослый мир ему неинтересен: принуждения, обязанности, рутина, служебные отношения — он этого просто не понимает. Артек для него — идеальная среда еще и потому, что он и у ж е н Артеку — именно таким. Он ведь гениален: абсолютно до всего доходит сам и руками может сделать все — от рогатки до компьютера. Захотелось ему телевидения. Три года его мастырил, день и ночь. До него — ничего не было.

*Влад Белов на рабочем месте (во фраке)
Девушка (вся в белом) — сама по себе*

Сейчас — вот, мощная телестудия, не хуже какой-нибудь областной.

А приехал он сюда радистом, на практику, студентом-радиотехником. (Уже потом доучивался в педагогическом). И — стал во все влезать, одно лето, второе; после института его вызвали сюда, в какую-то техническую службу, еще работал в отделе снабжения, и с тех пор в Артеке есть куча вещей, которых без него сроду бы не было...

Он все делает с огромным вдохновением. А как только ему надоест процесс, не дожидаясь результата, бросает. Но — вот «парадокс Давыдова», стоит исследовать: сам процесс он закручивает так, что потом дело катится как бы по инерции, само собой.

Сидел он в этом прогнившем, затекшем радиоузле — с тех пор у каждого домика в лагере появилось радио, а Давыдов по вечерам сказки детям читал... Обычный костер был ему скучен, он составлял какие-то пиротехнические штуки, — и в Речном лагере зажигались сказочные фейерверки.

Вообще все, что с ним связано, как бы из области трюка, чуда, какого-то замечательного абсурда.

Однажды он сгорел в собственном фейерверке. Не фигурально, а буквально. Уже засыпав свою взрывчатку в костер, стал проверять проводку, а ток отключать по обыкновению было неохота. Мимо шел пионер, видит — красная кнопка. Ну как не нажать. А Андрей — лицом практически в костре. Счастье, что был в очках — глаза остались целы. Но лица, как вы понимаете, не стало. А посмотрите на него — красавец. Ни одного шрама. Но это уже чудо, которое совершил Рат.

Андрей, он — ну как беспризорник, Гек Финн. Никому не подчиняется, делает, что втемяшится в голову, не связывает себя ни бытом, ни семьей... Патологически ненавидит комфорт. Как только появляется малейший элемент комфорта — внешнего или внутреннего, — он его тут же ломает. У него есть маленькая квартирочка в Гурзуфе — он жил в ней три дня, когда мама его навещала. Живет в своей аппаратной, спит на крошечном диванчике, ноги кверху... И не потому, что ему лень ездить туда-сюда, хотя и поэтому тоже. Но главное, что вдруг в час ночи его осенит гениальная идея насчет какого-нибудь тиристора — и он будет ночь напролет с ним возиться. Иначе он жить просто не может.

У нас возникает иногда вопрос: на фига это все? Он тоже спрашивает себя порой: какого черта? Ведь ни денег, ни костюма, ни супа. Давыдов, что есть у тебя в жизни? Ах, ничего нет, все ужасно, надо все бросить и жить по-человечески! Но тут забрезжит, понимаете ли, какая-то дикая электронная почта с Америкой — и вот он уже, как безумный, сутками корпит, запускает эту почту.

Ездил он с обменной группой в Амери-

ку эту — таким советским папой. Привез оттуда кучу видеоматериала. Вот сидит он в столовой Колумбийского университета и говорит: Владимир Карлович, дорогой, тебе там голодно, а мне тут сытно. И куда я отсюда не уеду, встретимся здесь, за этим столиком! Но вернулся, измученный комфортом, абсолютно несчастливый — оттого, что снова обрел, наконец, свой бардак и голод.

Андрей никогда не был вожатым. И всегда им был. Выбирал себе отряд — и вожатый там немедленно оказывался сбоку припека. Его безумно любят дети. Он свой. Вот взрослых — не понимает, а там он понимает все.

«Я в аппаратной. Стучите громче». А. Давыдов (не гусар).

Есть у меня и мнение эксперта. Моя одиннадцатилетняя дочь, с которой мы провели в Артеке полтора месяца, на вопрос, кто ей больше всех нравится здесь, не задумываясь отвечала: «Конечно, Давыдов! Остальные — простые взрослые люди. А он — такой, как мы».

А Влад Белов, изящнейшее чмо? Великий сердцеед и утешитель всех дам, разочарованных в мужчинах. Картинки пишет, песенки поет, наседкой квохчет среди орды сопливой, носы им утирает, банты вяжет; прекрасен, юн, умен и, словно Чаадаев, часов по пять способен выбирать булавку к галстуку или серьгу к бейсболке.

Мечтал быть партийным работником — в глубокой уверенности, что хороший партийный работник может сделать жизнь лучше. Прибыл в Артек восемнадцати лет, имел в жизни развращающий опыт «Peace child», красивой жизни с американцами, так не похожей на его собственную жизнь в Алма-Ате. В Артеке нашел все, одновременно все потерял.

Приехав, он (по правилам) выписался из дома, временно прописался здесь, отработал смену, временная прописка кончилась, — но тут кончился и Союз. Без штампа о прописке в паспорте три границы не пересечь. Прописаться в Артеке тоже нельзя — вначале надо съездить в Алма-Ату... Так и живет — божь, в сущности, но до чего элегантен!

А до этого Влад поступал в Одесский институт социологии (бывшая партшкола). В июле 91-го поступил, а в августе 91-го заведение (с реакционным коммунистическим эхом) закрыли. Вырисовывается судьба.

Поступал в колледж — артековский филиал Московского открытого социального университета, написал сочинение на пять (за литературу) и единицу (за русский). Но сюда приняли, потому что в своей детской беззаботности и незамутненной доброте хорош так, что весь Артек от мала до велика его обожает: и женщины, и дети, и товарищи, и педагоги. Ни черта не понимая в жизни, через пять лет Влад будет практическим психоло-

гом. В общем, разумно: почему бы для практической жизни в раю не обзавестись собственными психологами — легкими, ласковыми, беспечными и не слишком высокоучеными?

«А у меня нет гражданства. Да и кому оно, на фиг, нужно?» В. Белов (не писатель).

Не требуй, мой читатель, не открою я имени ее — необъективна слуга твоя покорная, поскольку гражданки этой плотной не терплю! Но пусть она сама уже узнает, как отравляла тридцати коленам изнуренных муштрою пионеров их жизнь на отдыхе. С ума же нынче сводит тех постояльцев, что снимают койку и стол в гостинице у лагеря под боком.

С раннего утра до поздней ночи эта необычайная женщина кричит в микрофон. Время, когда дети, готовясь к Дню юного антифашиста, сутки мастерили макет книги «Mein Kampf», чтобы назавтра триумфально его сжечь, — ее время давно (ну не очень давно), но ушло. А она, болезная, все кричит! Кричит о добре и морали, о правилах противопожарной безопасности, о защитниках Севастополя, о Боге, и в то же время — о Ленине, о революции, и в то же время — о рыночной экономике... А в начале каждой смены на тех же децибелах разучивает с дружиной трансцендентальную песню: «Здравствуй, лагерь наш известный, пионеров идеал, здесь когда-то Неизвестный ряд шедевров создавал». Что, между прочим, правда. Хотя еще не повод.

Позднее замужество, очень поздний ребенок — а через два месяца она уже кричала в микрофон. Похоронила мать — на следующий день Неизвестный уже создавал «ряд шедевров». Но, казалось мне, — выйди она на костровую, а динамики возьми да и не работай, — ее сердце разорвалось бы.

За тридцать лет Артек стал ее жизнью, вытеснив все. Как же, в сущности, бесчеловечно, когда все — общее. Когда ничего — своего. Ни проблем, ни тоски, ни любви, ни мыслей. За тридцать артековских лет — от вожатой до начальницы лагеря — в ней ничего не изменилось. Заученные команды и заученная душевность. Люди, попадающие к ней, размальываются в жерновах ее коллективизма. А кто вырывается — вынужден покинуть Артек навсегда. В лагере у нее дела идут прекрасно, «буби козыри». Те из вожатых, кого она дожимает до начальников, начинают в своих лагерях тиражировать ее методы и принципы.

«Быстро — вошли, присели, помочились, вышли!» Из пляжных команд (не эксклюзив).

Да здравствует Валентина Ивановна Фуглева, заведующая отделом организационно-методической работы, немислимыми и невозможными путями открывшая в Артеке колледж для новой генерации «сельских дурачков», чей мозг

молод и подвижен, а потребности — одухотворены и многообразны!

«Нам всем тут присущ социальный идиотизм», — сказал Вагнер, этот равви, именно так мне все время хотелось назвать одышливого тридцатичетырехлетнего толстяка, столь зрелого на вид, что я так и не смогла в действительности перейти с ним на «ты». До сих пор он числит себя вожатым. И хотя много рассказывает о своих учениках — учителем называет себя не смеет. Как персонаж Стругацких, Владимир Карлович вкладывает в профессию смысл, пожалуй, сакральный. И с восторгом принимает основной тезис их педагогической доктрины — об учителе как главной общественной силе. О мессианстве учителя. Его любимый роман — «Отягощенные злом», где сам Учитель — прежде всего равви. И спасение человечества, аккумулярованное в нем, отличается в нем не Бога, а именно учителя. Интеллигентно и скромно идет в финале на искупительные муки другой, современный нашему гнущему лагерю, учитель, любимый герой Стругацких, о миссии которого они решительно намекнули в этом позднем романе, снабдив будничное имя прозрачным созвучием: Г. Носов. В расчете на то, что если не все, то уж Вагнер-то наверно услышит — Га, мол, Ноцри...

«Социальный идиотизм» подвел шестидесятников. Он же определил климат «глухой провинции у моря». Наряду с морем, конечно. Как всякий идиотизм, в государственных дозах он, разумеется, опасен. Результаты мы расхлебываем три четверти века. Но в гомеопатическом масштабе сказочного «Острова А», со всех сторон окруженного летом, — самое то. Даже прозаические фрагменты артековской жизни тоже ведь не вполне реалистичны: всегда можно перейти с одной аллеи на другую и вообще устроить свой пикник на обочине.

Я тоже люблю Стругацких, и «Отягощенные злом» — отлично придуманная версия. Но из самых любимых проз у меня, честно говоря, — «Москва-Петушки». Поэма российской скорби о том, что спасения, — дудки, не будет.

Ах, ангелы, ангелы — с глазами, залитыми сивушной слезой! Зачем грянулись вы до рассвета, застигнутые запоем у самого подножия Медвежьей горы, даже не начав восхождения?

«Дети мои, сквернословящие, курящие, облученные! На вас уповаю. И на двух-трех вожатых ваших. В широком смысле, конечно». А. Боссарт (не директор РАФа).

ОЛЕГ ГРАЧЕВ

Блеф-жизнь

Алексей ЕРОХИН

Французы любят женщин, итальянцы — спагетти, американцы — деньги, а русские — приврать.

Ложь наша хороша и в качественном, и в количественном отношении. С изумительно глобальной липой насчет светлого коммунистического будущего может потягаться только христианский миф. Русское ухо и устроено-то на особый национальный лад — наподобие коромысла, дабы способнее лапша на оное вешалась — полными ведрами. Не верите? Гляньте в зеркало.

Это ведь именно мы придумали душегрейную поговорочку: правда —

хорошо, а счастье — лучше. Какой нам, в самом деле, прок от правды — одни расстройств.

Таиландцы, положим, тоже могут прилгнуть, встречаются вруны и в Замбии, и на Тринидаде, но только в России брехня доросла до ранга искусства. Это не просто расхожая ремесленная ложь, а способ украшения неполноценного мира, в котором довелось обитать. Поэзия вранья облагораживает правду жизни — и в этом смысле мы все большие евтешки.

«Я сам обманываться рад» — готовы повторить хором вслед за своим поэтом, и этим замечательно пользуются всяческие хитрецы навроде Мавроди. Но едва ли не каждый из

нас готов при случае намавродить с три короба. Не верите?

Данное свойство национального характера успешно эксплуатирует остроумная передача пятого, питерского, канала под названием «Блеф-клуб». Изящная сорокаминутная модель действительности: удастся ли задурить мозги оппоненту. «Верите ли вы, что?..» — любой постсоветский гражданин при этом вопросе испытывает мучительнейшее раздвоение. «Да! Конечно, да!» — хочет готовно возопить наивная душа, но мозговые извилишки осторожно свертываются в кукиш: «Ну, не-ет...»

Верите ли вы, что «мальборо» — сорт малины? Конечно, нет. А напрасно.

Верите ли вы, что «гонец» — порода черепахи? Н-ну, да. Опять напрасно.

Верите ли вы, что в гиннессовский том вошел рекорд по наступлению на грабли? А отвечающий уже настолько одурел, что уже готов верить и в это. А почему бы и нет? Ведь такое привычное занятие.

Мир начинает двоиться, обнаруживать свою неочевидность, неоднозначность. У кошки четыре ноги? Стоп-стоп, надо подумать...

Победители в «Блеф-клубе» получают хорошие призы (типа видака) согласно современному телеигровому бонтону, однако моральный выигрыш тут куда круче: ты выплыл из трясины вранья, не дал запудрить себе мозги, но и сам успешно баки забил сопернику. Национальный герой Илья Муромец, допустим, славен отнюдь не реальными подвигами, а сомнительными рассказами про всяческих соловьев-разбойников и змея-горынычей, которые на Руси отнюдь не водились.

Так уж она устроена, наша блеф-жизнь, что в ней всегда есть место обману и наколке. На том стоим. В «Блеф-клуб» любят зазывать людей более или менее известных — актеров, например, или спортивных комментаторов, — но им не уступит при случае ни тракторист, ни плотник, ибо «обознатушки-перепрятушки» ведомы каждому с одной шестой (или уже меньше) суши.

Верите ли вы, что артист Мигицко, играя Шарикова, мог натурально укусить не понравившуюся ему зрительницу? Нет? А зря.

Верите ли вы в 1000 процентов годовых? Да? Ну-ну.

Любая, получается, правда годна для вранья, а каждая ложь претендует на истину. В этом и состоит основной юмор бытия.

Верите ли вы в то, что весь мир — большая лажа? Охотно, черт возьми.

Джаз-клуб/нон-стоп

В Москве есть где послушать хорошую музыку

Алексей БАТАШЕВ

-Я разлюбил джазовые фестивали. Да, да, те самые праздники джаза, которых мы так ждали тридцать — двадцать — десять лет назад. А теперь фестиваль мне кажется чем-то вроде женского дня 8 Марта. Весь год не помним, и вдруг — на тебе! Но любовь не бывает раз в году, это все же что-то более регулярное...

Раньше фестиваль оказывался фактически единственной возможностью послушать джаз «живьем». Все наши джазмены были вынужденными любителями, на жизнь зарабатывали кто где чем, а музыка была отдушиной, прорывом к тому, чего лишены были все, — свободе самовыражения. Теперь не то. На джазовые фестивали слетается «бомонд», спешка, суматоха, телевидение... Кого-то позвали, кого-то нет... «Усталые, но довольные» лица, обилие какой-то туфты и натуги. И поэтому я полюбил джаз-клубы.

Предприятия по производству джаза

Вы хотите слушать джаз? Пожалуйста, каждый день, в любое время суток! В Москве наконец, как во всех мировых столицах, появились джаз-клубы. Пока они еще для нас в новинку, хотя само понятие «джаз-клуб» известно нам давно.

Первый клуб любителей джаза, где я, кстати сказать, был председателем, существовал в московском Доме энергетиков еще в 60-е годы. Таких объединений в те времена по стране возникло много. Там можно было хотя бы собираться. Но клубы эти съела идеология.

Затем появились джазовые кафе: «Аэлита», «Синяя птица», «Печора», легендарное КМ — кафе «Молодежное»... Там уже можно было послушать. Но кафе эти съела экономика.

Сегодняшний джаз-клуб стал производственным предприятием, позволяющим его владельцам сочетать довольно элитарную музыку с коммерческими интересами. Что такое джаз-клуб сегодня? Это — ресторанчик, кафе, бар, где играют джаз. И джаз играет не какой-то анонимный состав, наоборот: ансамбль, его лидер, солисты — главная привлекательность заведения. Как при походе в театр или концертный зал, вы заранее можете ознакомиться с программой клуба на ближайшие дни, выбрать то, что вас интересует, заказать загодя или купить при входе билет, сесть

за столик и слушать своих любимцев.

Правда, на этом сходство с концертным залом кончается. Джаз-клуб остается все-таки клубом — местом общения. Здесь всегда полно народа. Масса знакомых, многие приходят большими компаниями. Часто бывают музыканты. А когда выступает какая-нибудь редкая знаменитость, то в зале почти одни джазмены.

Тут люди беседуют, смеются, едят, пьют, стоит привычный гул. Тем не менее все при этом слушают музыку — каким-то особым слухом. После каждого соло, по джазовой традиции, — аплодисменты. А если вдруг на сцене происходит нечто выдающееся, то зал моментально затихает, и эта мгновенная тишина многократно усиливает впечатление от замечательного исполнения.

В таких местах и играть нужно особому. Скажем, на концерте артист претендует на все сто процентов внимания слушателей. А в джаз-клубе музыканту нужно уметь создавать только определенный фон, тон, атмосферу. Уметь оставаться как бы на втором плане, однако сохраняя все качества безусловно сделанной программы.

Как выяснилось, не все наши джазмены умеют так подавать свою музыку. И не все хотят учиться, считая любое приспособление изменой призванию. Я же вижу здесь разницу между любителем и профессионалом. Любитель свободен — творит, что хочет. Ориентируется в основном на «кулисы», где собираются обычно друзья, враги и джазовые авторитеты. А профессионал — он на работе. Уж вышел на сцену — так к ней, публике. И на поводу у нее умеет пойти. Кстати сказать, это большое искусство — подчиниться, но остаться при этом собой и не потерять достоинства.

Там джаз играл...

Старейший московский джаз-клуб среди существующих — это «Джазлэнд». Его «держит» уже лет пятнадцать Олег Черняев. Сперва это были джазовые тусовки в Доме культуры медработников, потом они переместились в Каминный зал ЦДРИ — Центрального дома работников искусств. Когда же их оттуда выжили, то некоторое время они ютились между этажами в Доме актера, пока не разыскали, наконец, подвальчик на Кутузовском проспекте — недалеко от Триумфальной арки.

Все эти годы у Черняева одна команда: Борис Кивелевич, Гарик Искендеров, Дмитрий Пыжов. Звук, свет, билеты, прочее обеспечение — все на них. В «Джазлэнде» царит дух КМ и «Синей птицы» 60-х. В прошедшем сезоне этот клуб открывал свои двери каждую среду. На его крохотную сцену поднимались американцы, немцы, скандинавы и, конечно, десятки наших музыкантов.

Олег и Игорь Бутманы и Борис Козлов в «Джазлэнде»

АЛЕКСАНДР ЗАБРИН

А на сладкое — «джет-сешн»

Некоторые концерты были просто забываемыми. Так было, например, когда Аркадий Шилклопер закрутил на своей валторне какой-то немислимый пассаж и переполненный клуб затаил дыхание... Так было, когда выступали прилетевшие прямо из Нью-Йорка братья Бутманы и Борис Козлов. В тот день, оглядев зал, можно было подумать, что это всеобщее отчетно-выборное собрание московских джазменов... Так было, когда кларнетист Туре Файе как будто воплотился в Бенни Гудмена... Как смачно играли на тенор-саксофоне Билл Скит из Лондона и Олег Киреев из Уфы!.. В «Джазлэнде» прошел и лучший концерт пианиста Бориса Фрумкина... А почему? Да хорошо там играет!

Между прочим, «Джазлэнд» стал своеобразной моделью для тех, кто тоже решил открыть джаз-клуб. Вот Александр Эйдельман, известный тем, что устраивал одно время «джазовые пароходы». Весной он открыл в помещении театра «Вернисаж» на Беговой свой «Джаз-Арт-Клуб». Поскольку среда была занята Черняевым, то Эйдельман назначил днем встречи субботу.

В общем-то, там все так же, как и в «Джазлэнде». Играют в основном те же музыканты и с тем же удовольствием. То же своя публика, такая же атмосфера дружеской вечеринки. Но есть и отличия: повыше потолки — побольше воздуха, получше акустика, шире выбор напитков. Подороже. У Черняева столы и стулья прижаты почти вплотную, толкучка — в этом, надо сказать, есть свой кайф. А у Эйдельмана — кожаные диваны, комфорт, пространство. То же, честно говоря, неплохо. У первого — по стенам зеркала, отовсюду всех видно. У второго — джазовые картины, фотографии.

В соседнем доме с «Джаз-Арт-Клубом» живет известный джазовый пианист Игорь Бриль. Может быть, поэтому он и его сыновья-музыканты тут постоянные гости. В любой момент младшие Брили могут сбежать домой за своими саксофонами — вот вам и «джет-сешн».

Раз в неделю любителей джаза прини-

мают и другие заведения. Заснеженными субботними вечерами разогревала себя прошлой зимой «горячим бибопчиком» тусовка у Петлюры на Петровском бульваре. А летними воскресными сумерками народ собирался на Большой Власьевский, спускался в уютный подвальчик под названием «Кризис жанра». И наткнулся там на какую-нибудь джазовую знаменитость вроде Николая Панова или Марины Григорян. А по понедельникам можно было оттянуться в «Блюз-ателье» Леша Колосова, что расположилось в театре Марка Розовского у Никитских ворот.

По принципу «раз в неделю» этим сезонном трактир «Аркадия» в ночь с пятницы на субботу превращался в «найт-клуб» с джазом. Там играл квинтет Александра Закаряна и квартет Александра Осейчука. Через дорогу от них — в ресторанчике «Театро» отеля «Метрополь», тоже по субботам, мурлыкало камерное трио: Игорь Золотухин, Борис Курганов и Игорь Кондур. Так сказать, саксофончик, гитара и бас.

Ежедневно (а скорее — еженощно) джаз звучал в дорогих, престижных отелях. Каждый вечер, а то и ночь, вы могли в прошедшем сезоне набрести на любимые ритмы и мелодии в казино «Арт» ресторана «Тропикана». Тут целых пять месяцев свинговали чемпионы этого дела: Алексей Кузнецов, Стас Григорьев, Виктор Прудовский, Игорь Кантюков, Евгений Рябой. По шесть часов свинга — это не каждый сможет. Это работа по мировым стандартам — во всех смыслах.

К несчастью для актеров, музыкантов, художников и прочей артистической богемы, в современных джаз-клубах входные билеты и напитки в баре — дороги. В Москве очень не хватает джаза на открытых городских площадках. Правда, на Арбате и в подземных переходах маленькие джазико «вокруг шляпы» играют постоянно. Качество, конечно, не взыщите. Только из-под козырька кинотеатра «Россия» услышал я однажды могучий тенор-сакс Александра Пищикова — русского Колтрейна. Пока я подошел поближе, саксофон уже сменили цыгане. За-

то вход свободный. И пиво отличное — как говорил Иван, брат известного Лени Голубкова из «МММ».

Да, недавно нашел одно местечко, где днем — с часу до трех — можно бесплатно послушать хороший джаз. Это ресторанчик в Подкопаевском переулке, между двумя Вузовскими. Заходи и слушай!..

Все жанры хороши

Считается, что больше всего шансов найти джазовую работу у пианистов. В клубе «Карусель» на Тверской (где раньше было кафе «Молодежное») всегда можно попасть на выступление кого-нибудь из наших классных пианистов.

Как правило, джазмены долго на одном месте не задерживаются. Исключение — Вагиф Садыхов, который не первый год, каждый вечер играет в знаменитом ночном клубе «Арлекино». В «Роял-клубе» на Бегах несколько недель работал ансамбль Бориса Фрумкина, до этого выступавший «У Остапа». Но что-то там не сложилось, и теперь в баре «Чарли Чаплин» музыку в стиле Бенни Гудмена или Виктора Сильвестра играет Валерий Киселев со своими ребятами.

Где-то традиционно звучит джазовый вокал. Допустим, в «Глазури» на Смоленском бульваре можно послушать Галину Филатову или удивительную джазовую цыганку Нору Иванову.

Странно, что устроители вечерних и ночных клубных развлечений удостаивают таким малым вниманием традиционный джаз. За копейки играет у ЛИС'Са «Капелла». Диксиленд «Патефон Бэнд» без работы. Это ненормально. На недавнем фестивале диксилендов в Обнинске оркестры — местный, петербургский и два московских — собрали под открытым небом огромную толпу жаждущих слушателей, которых не смог разогнать даже сильный ливень.

В Москве, я уверен, мог бы процветать какой-нибудь «Дикси Бар». Для широкой публики диксиленд предпочтителен более других джазовых стилей. Так что дарю идею.

До встречи, бэби!

Ну и каждый месяц джазовые торжества или юбилеи проходили в различных Домах творческих работников. Часто в ЦДРИ, нередко в Доме кино. Вход бесплатный — по пригласительным билетам. Иногда после концерта — банкет. Тут уж собирались все, еще бы! Ведь ничто не дается нам так дешево и не ценится так дорого.

В новом сезоне, который только начинается, будут, конечно, новые места джазовых встреч, новое расписание, новые имена. Но в целом можно пользоваться и моим путеводителем. А посему: гуд бай, бэби, мы еще славно проведем не один вечерок!..

Базар-вокзал

Но все равно ехать надо...

Умные люди говорят, что вся наша жизнь — один сплошной бесконечный вокзал, пересадочная станция из ниоткуда в никуда. Мудрые еще добавляют, что вокзальчик-то так себе, ничего особенного, шумновато, грязновато, душно, а в спину еще пихаются сундуками, словом, мудрые рекомендуют ждать своего последнего поезда с подобающим достоинством и без всякого сожаления. Внешне выраженного, по крайней мере.

Итак, жизнь — вокзал. А теперь еще и базар, где все продается и покупается не только в переносном смысле, но и в самом прямом.

Давно известно, что москвичи свои вокзалы не любят. И не только за грязь, шум и бесконечную толкотню в окрестном метро. Уж слишком похоже. До отращения реалистично. Прямо-таки открытые язвы общества на транспортных артериях государства. Неоновая откровенность патологоанатома. Словом, зеркало...

Вокзалы, вокзалы... Три вокзала,

четыре, пять. Кто из нас, людей пожилого поколения, не помнит этих душеспасительных походов к ближайшей точке отправления транспорта за спиртным, сигаретами или просто в поисках приключений. Московские вокзалы всегда славились своей криминогенностью, не только до перестройки, но еще и до ВОСРа.

Считается, что мужчине, чтобы стать таковым не только по половому признаку, нужно испытать войну, любовь и голод. Но можно и пойти по пути наибольшего сопротивления — поселиться на недельку-другую на вокзале. Вполне взаимозаменяемо.

Я вспоминаю, как один достаточно интеллигентного вида бомж исповедовался мне в ночи, что никакой он, по сути, не бомж, есть у него и прописка, и реально существующая квартира, а на вокзалах он живет время от времени, дабы возродить в себе ощущение, что жизнь прекрасна. Когда есть у человека собственная жилплощадь с бытовыми удобствами.

ЯКОВ ТИТОВ

Нет, я, конечно, не против вокзалов. Было бы глупо. Они нужны в городе, как та самая щука, запускаемая в пруд, чтобы расшевелить карасей. Тем более что теперь, когда тронулась вся страна, вокзалы для многих — единственно реальный путь что-нибудь заработать, мешок туда — мешок сюда, из относительно благополучной рублевой зоны к окончательно погибающим карбованцам, зайчикам, всех не перечислить...

Ехать-то надо. На худой конец, двигаться...

Николай БАХРОШИН

ЯКОВ ТИТОВ

РАХ

Российско-итальянская фирма

УВАЖАЕМЫЕ ДАМЫ И ГОСПОДА!

Российско-итальянская фирма «РАХ», которую я представляю Вам, основной целью своей коммерческой деятельности в России считает предложение россиянам, в первую очередь москвичам и гостям столицы, высококачественных, модных и доступных по ценам товаров широкого потребления. Высокое качество предлагаемых нами товаров и принадлежность их к категории «высокая мода» гарантируются лучшими фирмами-изготовителями Италии, продукцию которых представляет на российском рынке фирма «РАХ». Среди наших поставщиков такие

фирмы, как VALENTINO, UNGARO, ENRICO FINZI, MONICA RICCI, UN MONDO DI SCARPE и другие. Доступность наших розничных и оптовых цен обеспечивается тем, что мы работаем на российском рынке без посредников, на прямых поставках из Италии. Мы следим за модой, учитываем интересы покупателей — россиян, поэтому наш ассортимент постоянно меняется. Для того чтобы сделать наши товары максимально доступными для россиян, мы развиваем различные виды коммерческой деятельности:

- розничная торговля — в фирменном магазине по адресу: ул. Тимура Фрунзе, дом 36/5;
- оптовая торговля обувью по адресу: ул. Тимура Фрунзе, дом 36/5, тел./факс (095) 248-11-47, тел. 245-37-97;
- оптовая торговля одеждой по адресу: Шелепихинская набережная, дом 20, справки по телефонам: факс (095) 248-11-47, тел. 245-37-97;
- заказы товаров по контракту — Вы можете заказать поставку понравившихся Вам товаров прямо из Италии, выбрав фасон, покрой и т.п. Справки по телефонам: факс (095) 248-11-47, тел. 245-37-97.

Мы развиваем дилерскую сеть, наши дилеры работают на классических дилерских условиях (оплаты по факту получения товаров).

*Уважаемые дамы и господа, москвичи и гости столицы!
Мы будем рады видеть Вас в нашем магазине, в нашем офисе.*

Президент фирмы «РАХ»

А.Холин

*Отдых и здоровье
в «Салтыковке»*

Санаторий «Дружба»

предоставляет возможность
НЕДОРОГО
приобрести путевки
для отдыха и лечения
как отдельным отдыхающим,
так и организациям
на 12 и 24 дня.

Санаторий «Дружба»

располагает большим
арсеналом современного
физиотерапевтического лечения:
водолечение, грязелечение,
ингаляций,
электросветолечение,
лазерная терапия,
квантовая терапия
аутогемотерапия,
иглорефлексотерапия,
фитотерапия,
массаж и др.

Лечение проводят
опытные врачи
и медицинский персонал,
проживание
в 1—2-местных номерах.
В санатории
«Дружба» имеются:
зимний сад,
кинозал,
бассейн,
сауны,
зал эмоциональной
разгрузки,
библиотека,
бильярдная.

По всем вопросам обращаться по адресу:

143970, пос. Салтыковка-1, Вишняковское шоссе, д.135, санаторий «Дружба».
Проезд: от станции метро «Измайловский парк» автобусами
№322, 336, 337, 385 до остановки «Горсовет» и далее
автобусом №22 до остановки «Профилакторий «Дружба».
С Курского вокзала: ст. Никольское Горьковской ж.д., далее авт. №22
до ост. «Профилакторий «Дружба».
Телефоны для справок: 521-76-88, 524-94-43, 521-01-94.

Банный день

Равенством в парной и не пахнет

Эдуард ДОРОЖКИН

Любовь к бане — понятие совершенно конкретное. Кто баню любит, тот в нее ходит. Кто не любит, тот, напротив, обходит стороной, чурается, так сказать. И у тех и у других есть свои аргументы. Сторонники твердят о том, сколь много шлаков выходит из организма при парении и какая это вообще приятная процедура, когда тебя хлещут венчиком. Противник же разделяется на два неравных лагеря. К первому, менее массовому, относятся люди, которые в принципе не понимают, зачем нужно «сидеть в жаре до потери пульса» и «еще пить ледяное пиво». На поверку недоброжелатели эти оказываются обычно представителями так называемой «средней интеллигенции», то есть людьми по природе своей скромными и боязливыми.

Второй лагерь являет собой полную противоположность первому — активисты его готовы в любой момент начать боевые действия. Они полагают баню местом крайне негигиеничным и промеж себя называют всякими бранными словами — вертепом, например, или Содомом и Гоморрой. Что касается последнего, то это, думается, прерогатива все-таки западных помывочных заведений —

причем сугубо специального свойства. В остальном же поборники гигиены пожалуй что и правы.

...Давным-давно, до октябрьского переворота, всякая приличная баня считала своим долгом иметь как минимум два отделения — «дворянское» и «простонародное». Иногда к ним прибавлялось третье — «купеческое». Отделение «простонародное» стоило всего пятак. В «дворянском» же клиентам оказывался целый ряд дополнительных услуг: стрижка ногтей, обрезание мозолей и даже дерганье зубов. Бывает, что зубы дергали и в «простонародных» отделениях. Сейчас разброс цен в разные отделения одной и той же бани не так уж и велик. Просто есть бани для богатых, а есть — для бедных. Есть для того, чтобы помыться. И есть — для того, чтобы с приятностью провести время. От того, каких людей в бане больше, и зависит ее моральный облик, дух, если угодно.

Вот, положим, Покровские бани. Сюда приходят не мыться, а париться. С учетом того, что особо комфортными назвать эти бани нельзя, странно видеть полчища людей мужского и женского пола, для которых здешняя парилка превратилась в своего рода Мекку. Существует та-

кая поговорка: «В игре, как в бане, все равны». Она очень несправедлива. В бане, даром что все голые, равенством и не пахнет. Всегда найдется лидер, который добровольно возьмет на себя руководство трудоемким и общественно значимым процессом: «сначала сушим, затем «поддаем», а дальше — ждем...» И попробуй войти, когда парная «разогревается», — разорвут на части.

Как известно, в российской столице летом отключают горячую воду. Официально — на две недели, фактически — как Бог на душу положит. В это время те немногие москвичи, которые не окучивают картошку на своих законных шести сотках или не купаются в речке Вонючке у родственников в Тамбовской губернии, волей-неволей оказываются перед выбором: либо выливать на себя ежедневно флаконы духов «Шипр», пытаться замаскировать некоторую нечистоту тела, либо отправляться в баню. Если они выберут второй — и единственно правильный — вариант, то на пути к заветному душу их ждет множество приключений. Во-первых, дозвониться до бани весьма и весьма нелегко — то занято, то никто не подходит к телефону. Во-вторых, в том случае, если позвонит женщина, наверняка окажется, что в

бане мужской день, а если мужчина, то день обязательно будет женским. Тут уж какая-то фатальная закономерность.

Самое грустное, что человеку, пожелавшему быть чистым, возможно, придется ехать за этой чистотой через весь город. У столичных бань есть одна чрезвычайно странная и прискорбная особенность — с регулярностью «раз в год» они становятся на ремонт. Это тоже фатально. В облике бани ремонт обычно ровным счетом ничего не изменяет — зато меняет цену «сеанса».

В московских банях сеанс длится обычно два часа. Кто именно выбрал такую продолжительность — неизвестно. Известно лишь то, что в Москве огромное количество людей, которые вполне успевают вымыться за час — это раз и у которых нет возможности оплатить полный «сеанс» — это два. Для справки: «сеанс» в Покровских банях стоит семь тысяч рублей, в Кунцевских — пять тысяч (пенсионерам 50-процентная скидка во все дни, кроме субботы и воскресенья, до 13 часов), в Краснопресненских — пятнадцать тысяч (для пенсионеров — пять тысяч во вторник и среду с восьми до двенадцати часов). И это все — бани не самого высокого класса.

Детство автора этих заметок прошло на Таганке. Буквально в двухстах метрах от моего дома находились Тетеринские бани. Знаменитые не потому, что в них было что-то особенное — пар, обладающий целебными свойствами, например, — но исключительно по той причине, что там можно было спокойно и дешево (17 копеек в то время, как Сандуны стоили уже рубль) помыться. Во многих окрестных домах о ваннах и слыхом не слыхивали — в баню шли не из прихоти, а из нужды. Моя соседка по коммуналке Марья Константиновна, которой было уже за восемьдесят и которая в идеальной чистоте содержала свою крохотную комнатку, хоть два раза в месяц, но ходила в Тетеринские. В то время понятия «сеанс» еще не существовало, но Марья Константиновне впол-

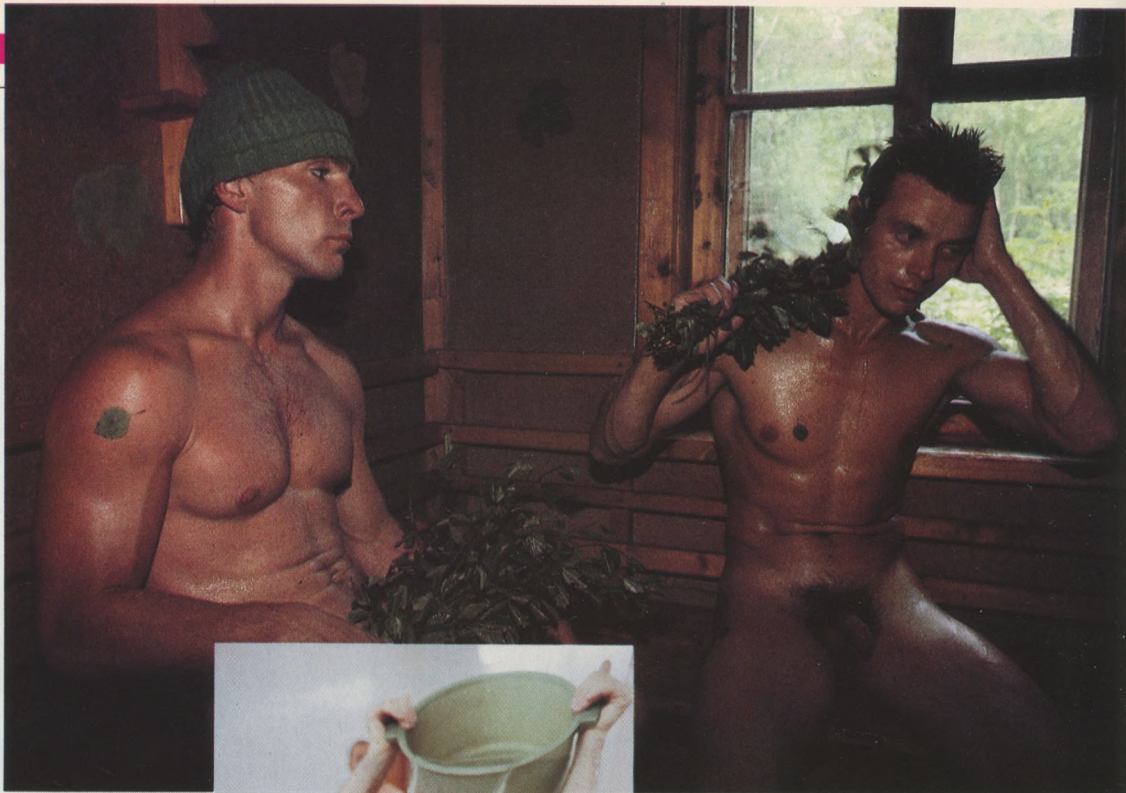
не хватало одного часа. Сейчас, наверное, она не смогла бы позволить себе и полчаса. Во-первых, «сеанс». Во-вторых, Тетеринские — на ремонте. Бытописатель Москвы конца двадцатого столетия уже не сможет написать подобно Гиляровскому: «Единственное место, которого ни один москвич не миновал, — это бани».

В свое время каждый высокопоставленный гость столицы — на уровне, скажем, секретаря горкома — полагал совершенно необходимым сходить в Центральные или Сандуновские бани. Без них Москва — не Москва. В большинстве случаев предпочтение отдавалось Центральным: раз Центральные — значит, главные. Как сообщает нам тот же Рубинов, бани эти «вечно держа-

ли переходящее Красное знамя у себя. Узнать, как обстоят дела в Центральных банях сейчас, возможности нет — закрыто на ремонт. В соседних же помещениях кипит светская жизнь. С одной стороны — трактир «Аркадия», в котором по вечерам играет джаз. С другой — ресторан «Серебряный век», на крыльце которого вечно сидит скусающий человек с газетой. Двор пустой и какой-то слишком темный. Как в казарме или больнице. Строительства не видно, посетителей трактиров — тоже. Видно, в жару омары не идут.

Я искренне удивлюсь, если Центральные бани когда-нибудь отремонтируют и пустят в строй. Еще больше удивлюсь, если они, как и прежде, будут открыты для всех, а не только для любителей омаров. Всякая реконструкция в последнее время носит характер угрожающе-уничтожающий: был «Продуктами» — стал бутиком, была химчисткой — стала офисом, был туалетом — стал рестораном. Мне боязно за Центральные бани. Им, любимым всеми, вряд ли хватит сил в прежнем виде удержаться среди кентавров: «Аркадия», «Серебряный век», Министерство Российской Федерации по чрезвычайным ситуациям и Департамент морского транспорта. Если удержатся — честь им и хвала. А тем, кто не мешал им в этом благородном деле, — большое спасибо.

...Увереннее всех держатся, конечно, Сандуны — так уж, наверное, на роду у них написано. С того самого момента, как актер и актриса Сандуновы выстроили в своем владении

РИА-НОВОСТИ

ОЛЕГ ЛАСТОЧКИН

ОЛЕГ ЛАСТОЧКИН

бани, вся цивилизованная Москва считает своим долгом время от времени туда наведываться. В сущности, Сандуны — это дворец. С той только разницей, что во дворце живут, а здесь — наслаждаются жизнью. Хозяева Сандунов всегда понимали, что лучше, чем у них, нет нигде. Это обязывало. Сандуны всегда менялись первыми, пристальнее других следили за общественными веяниями, ни разу себя не скомпрометировали. Даже советское время их не слишком попортило. Так только — клиентура сменилась.

...Но и та, советская клиентура, уже отошла в небытие. Теперь Сандуны посещают «новые русские». В свои «кабины» они шествуют с радиотелефонами или — уж это обязательно —

пейджерками. Но «кабины» — это для хозяев. Охрана довольствуется общим залом. Интересная сценка: когда я списывал у кассы сандуновские тарифы, в здание ввалилась мужская компания, восемь человек. Решили идти в Первый высший мужской разряд — 200 тысяч за всех. Протягивают в кассу столларовую купюру. «Нет, я такие, ребята, не беру, — отвечает кассирша. — Вы уж рублики поищите». «Так рубли ж для гаишников — штраф платить», — обьясняют молодцы. В конце концов наскребли.

Так проходят в Сандуны хозяева жизни. Люди же попроще обычно сомневаются, куда податься — в Первый высший, где большой бас-

сейн, за двадцать пять тысяч, или во Второй, где бассейн небольшой, но есть тренажерный зал, за двадцать.

Не всем, не всем доступны Сандуны. Но есть в здании этих бань местечко, куда бы я рекомендовал регулярно заходить. Местечко называется магазином «Веники». Ведет в этот милейший подвальчик приличным камнем выложенная лестница. Веники — самые разнообразные: из березы, из эвкалипта, из можжевельника, из дуба... Цены — от двух до трех тысяч за штуку. В былые времена, кстати, веник принято было выдавать бесплатно — как само собой разумеющееся. «В начале восьмидесятых годов девятнадцатого века во всех банях постановили брать копейку за веник, из-за чего в Устьинских банях даже вышел скандал: посетители перебили окна, и во время драки публика разбегалась голая», — свидетельствует Гиляровский. Либеральный же поэт шестидесятых годов прошлого века П.В.Шумахер готов был, кажется, отдать за веник куда большую сумму. В одном из его стихотворений Гиляровский отыскал такие строки: «В бане веник больше всех бояр, // Положи его, сухмяного, в запар».

Но отнюдь не только вениками хорош магазин «Веники» — в нем продаются замечательные спиртные напитки. И в этом смысле он может соревноваться даже с расположенным неподалеку винным магазином в Столешниковом переулке. Бутылочка божественного трехлетнего «Каберне» месяц назад стоила там всего две тысячи рублей — пройти мимо такого было просто невозможно.

Бани, быть может, единственные оставшиеся в этом городе «точки застоя». Из рюмочных исчез портвейн «Три семерки», в пивных подают баварское пиво и немецкие сардельки, шашлык в шашлычных заправляют джин-тоником. И только бани держат марку: так же не работает душ, та же кассирша сидит за неработающей кассой, те же отсутствующие банщики нагнетают пар. Баня — единственное место, где можно снова почувствовать себя в стаде. Вместе в парилку, вместе под душ! Изюм общественных мест только в бане можно услышать теперь подробно — из личной жизни Черномырдина или Гайдара, только там можно спокойно и обстоятельно обсудить деятельность пресловутого АО «МММ». Только там душа наша становится чуть-чуть мягче. Это не от нас зависит — от пара: он бывает с мятой, с душицей, с чабрецом, с пихтой, с елью, с эвкалиптом, с пивом и с квасом...

Алексей
МИТРОФАНОВ

ЮЛИЯ НИКОЛАЕВА

Твербуль

Тверской бульвар — старейший. Он разбит в 1796 году. Тверской бульвар — известнейший. Он чаще других эксплуатируется поэтами, писателями и прочими словесными маэстро. Тверской бульвар — самый интересный. Его достопримечательности словно не умещаются на проездах по бокам бульвара и вытеснены в центр, под кроны. Это — памятник Тимирязеву; дуб, живущий третий век и огороженный цепочками; гранитный кубик в память о революционных подвигах начала нынешнего века; всяческие детские площадки и место, где стоял памятник Пушкину, — как его иногда называли, «пампуш». «Пампуш на Твербуле».

«Пампуш» — какие-то дурацкие пампушки, пушистые плюшки, что-то сюсюкающее, неуместно приторное, словно гречневая каша с сахаром.

Туда же и «Твербуль».

Тверской
бульвар,
как и
большинство
московских
бульваров,
назван
по соседней
Тверской улице.
В отличие
от улицы
переименован
не был.

Как-то по-детски за него обидно, словно меня, а вовсе не бульвар какой-то взрослый, равнодушный дядя похода, высокомерно потрепал по голове — сбил аккуратную прическу. И закричалось:

— Я уже большой, мне скоро в школу, я вовсе не Твербуль!

Здесь хочется — от имени бульвара — быть подчеркнуто взрослым и солидным. Я — самый первый. Я — самый главный. Я — самый Тверской.

Он же спокоен, как и подобает самому главному.

*Тверской бульвар...
Оленьими рогами
Растут заснеженные*

тополя...

(К. Некрасова)

Сначала тут были березки, но за недостатком влаги скоро высохли, их заменили липами. При Николае I ради экзотики высадили шелковичные деревья, поздно дающие листву. Государь увидел, ничего не понял, возму-

тился «палками», торчащими по всему бульвару, и ближайшей ночью пожарная команда их выкорчевала. А после появились тополя.

Твердынность и незыблемость Тверского не позволяет ему часто обижаться. Лишь изредка он как бы сводит счеты с различными обидчиками — своими или же его жильцов.

Взять, к примеру, дом № 11. Его построили в 1830-е годы, а в 1889-м особнячок приобретает некто господин Шубинский, известный тем, что был женат на М.Ермоловой. С именем актрисы с тех пор и связывается здание.

Однако в 1921 году кучка завистливых обитателей дома под предводительством сына бывшего повара Шубинских начинает травлю знаменитости. Между тем она, ужасно постаревшая и одряхлевшая, сидела взаперти, никому не показывалась, а после ее смерти активизировалось наступление на дочь, Маргариту. Некто товарищ Холмаков писал ей угрожающие письма, организовывал поганые статьи в газетах — чтобы выжить Маргариту. Но не удалось.

А через некоторое время товарищ Холмаков, едучи по совсем другим делам, прыгнул у этого дома с трамвайной подножки — и насмерть разбился.

В 1970 году здесь открылся музей.

А чуть дальше дом № 17 — многослойный, осыпавшийся, словно торт в театральном буфете. В доме жил господин Осташевский, майор. У него был сад с беседками, пруд с мостиками, устраивались лодочные катанья. И великий русский гений Лев Толстой ужасно удивлялся: почему, когда он явился в компании с

молодой и хорошенькой девушкой Юзенькой, его сюда впустили, а когда без Юзеньки, то нет. Так и не мог понять до самой смерти.

Затем участком завладела госпожа Пуколова — «полненькая, кругленькая, беленькая бесстыдница». Ей, несчастной, загадали, что она умрет ночью, в постели — пришлось все ночи напролет в карты играть, а отсыпаться днем, в кровати, предварительно согретой одним из приживальщиков.

Впрочем, Пуколова в том доме не жила — он внаем сдавался. Тут некоторое время размещался Артистический кружок (куда входили Рубинштейн, Островский и Чайковский), а также тут впервые выставили для москвичей картину Флавицкого «Княжна Тараканова».

А дальше — Пушкинский театр. До революции тем зданием владели студенты Паршины. Они использовали свою недвижимость по-студенчески: внизу — бухгалтерские курсы, а наверху, на крыше, — цветник и летнее кафе. В 1914-м им все это надоело, и они открыли Камерный театр. Но духовное начальство возмутилось: якобы рядышком с храмом (Иоанна Богослова, что под Вязом) нельзя устраивать увеселительные предприятия. Однако братья все же уломали святых отцов.

После революции театр (в нем, кстати, Шершеневич дал пощечину Мандельштаму, после чего Мандельштам вызвал коллегу на дуэль) прославился симпатией (взаимной) к иностранцам, его закрыли, был громкий процесс над режиссером, а здание отдали драмтеатру имени Пушкина. И тут Тверской бульвар вдруг отомстил святому Иоанну за актеров: театру досталось

здание закрытой церкви и было перекроено под нужды лицедеев.

Впрочем, и театр напротив — при всей своей кондовости — с судьбою. Построенный на месте бывшего дома градоначальства (в котором А.И.Герцен был сначала в качестве подследственного, а восемь лет спустя — в качестве гостя сестры нового обер-полицейстера), он в своем зачаточном состоянии (сценическая коробка, часть крыши, перекрытия) предназначался для Музыкального театра имени Немировича-Данченко. Однако тот театр отжил свой век раньше, чем дом доделали. Некоторое время эта стройка пугала москвичей своею безнадежностью, но в конце концов тут порешили стряпать новое здание для МХАТа.

Архитектор В.Кубасов решил переложить архитектуру Шехтеля на современный лад. В результате получилось здание настолько жуткое, что москвичи его прозвали крематорием, а писатель Кабаков в своем «Невозвращенце» поселил тут страшную комиссию, расстреливающую всех кого ни попадя.

Самая, пожалуй, интересная на том бульваре

достопримечательность — так называемый Дом Герцена. Его, однако же, скорее, знают как дом Грибоедова, куда в один прекрасный день вошли писатели Панаев и Скабичевский (а на самом деле — Бегемот с Коровьевым), после чего все стогрело.

Тут, однако же, и вправду, некогда родился Александр Герцен, затем бывал не раз у родственника, «химика», тот называл его занятия литературой «опасными без всякой пользы», но Александр родственнику не внимал.

После революции (как будто в продолжение той темы «химика») здесь размещался «Рауспирт», а вскоре поселились всякие РАППы, МАППы и прочие литературные организации. И лишний раз оправдывались пророчества «химика» — был тот мир не только безо всякой пользы («Хер цена дому Герцена!») — писал Маяковский, но, если верить М.Булгакову, к тому же и опасным.

А бульвар тем временем закончился. Извините, но гаденький скверик, что образовался перед «Макдоналдсом», я к бульварному кольцу не причисляю. Скорее, это к улице Тверской. ■

Тверской бульвар, дом 26
Фото начала 1930-х годов из собрания М.Струкова

Сегодня можно уже с полной уверенностью сказать, что грузовые автомобили известной во всем мире французской фирмы РЕНО ВИ подтвердили необходимость своего присутствия на рынке СНГ и стран Прибалтики.

Многие транспортные компании убедились в процессе эксплуатации и испытаний различных автомобилей РЕНО, что они вполне пригодны для работы на наших дорогах и в наших климатических условиях, а по некоторым показателям превосходят своих ближайших конкурентов.

Приобретая автомобили РЕНО, вы становитесь нашими друзьями-партнерами

ГАММА АВТОМОБИЛЕЙ, ОТВЕЧАЮЩАЯ ВСЕМ ТРЕБОВАНИЯМ

RENAULT

MIDLINER

Полный вес автомобиля в тоннах	Полный вес автопоезда в тоннах	Мощность двигателя в л. с.
7,5	12	120
↑	↑	↑
↓	↓	↓
15,7	33,8	226

MANAGER

16	26	205
↑	↑	↑
↓	↓	↓
26	44	338

MAJOR

18	40	338
↑	↑	↑
↓	↓	↓
35,5	180	415

MAGNUM

18	40	385
↑	↑	↑
↓	↓	↓
26	80	530

«Жизнь — театр. Я пытаюсь играть в нем разные роли»

Армен Григорян и его «Крематорий»

В былинные времена клубов авангардистов, рок-лабораторий, молодежных выставок в банях и на пароходах, антикоммунистических митингов и кооперативного движения — короче говоря, во времена «перестройки» — по телевидению несколько раз показали выразительный клип. Горы скелетов, какие-то рушащиеся вышки, растрескавшиеся такыры... Сопровождавшая кадры песня повествовала о мертвых рыбах в иссохшей реке, зловонном зное пустыни, плаче природы и смехе сатаны. Всей прогрессивной общественности было ясно, что речь идет об экологической катастрофе, Чернобыле, Арале, повороте рек, а исключительно мрачное название группы и голос солиста, в котором сквозило некое горькое разочарование, словно зывали к той же общественности от лица всего усталого и изверившегося, «брошенного» (А.Битов) рок-н-рольного поколения.

Справедливости ради надо заметить, что публика запомнила группу «Крематорий» еще до того, как она возникла на экране во главе с колоритным солистом в неизменных шляпе и темных очках. А о клипе «Мусорный ветер» я вспомнил, чтобы продемонстрировать: с тех пор как «Крематорий» стал лауреатом незабвенного «Фестиваля надежд» незабвенной же комсомольской московской рок-лаборатории, прошло очень много времени. И так быстро, как бывает лишь во сне.

— Армен, есть такая чисто рок-н-рольная проблема «лидера группы». С одной стороны, все всегда говорят, что рок — искусство коллективное, а с другой — только и слышишь: Макаревич и «Машина», Бутусов и «Наутилус», Чистяков и «Ноль»... Интересно, как правило, бе-

ИЛЬЯ БЕЛЯЕВ (ФОТОАГЕНТСТВО «INTERMEDIA»)

рут у тех, кто перед «и».

— Я-то считаю, что группа на то и создана, чтоб быть коллективным хозяйством. Но для «Крематория» это действительно была большая проблема. На протяжении этих десяти с лишком лет я, видишь ли, считал, что любой написанный мной цикл песен желательно воплощать в виде альбома с разными людьми. И от альбома к альбому состав так или иначе менялся. Почему? Потому что когда человек записывается в каком-то определенном ключе, ему трудно переключиться и сделать нечто иное. Так что развитие у нас шло за счет новой крови — получалась такая группа-вампир: приглашали людей, высасывали из них все соки... (Смеется.) Несколько десятков человек так переиграло, и выход из «Крематория» был только в одну сторону...

— В трубу?

— Да... Но сейчас вроде бы проблема решена: тот состав, который, в

основном, записал наш последний альбом «Танго на облаке», — это, в общем, костяк группы: Андрей Сараяв — барабаны, Сергей Третьяков — бас, Андрей Мурашов — гитара, и я. Это «центральный комитет», и есть еще «примкнувший к ним» Вячеслав Бухаров — скрипач, с которым мы познакомились на съемках «Тацу», где он играл главную роль, и, завершая семимесячные поиски, решили взять его на место незабвенного Мишки Россовского, уехавшего в Израиль... Так что теперь, я считаю, мы группа без всяких там лидеров. Мне, правда, приходится иногда отдуваться за всех: такая уж традиция дурацкая. Но другим музыкантам тоже есть что сказать: они уже не только сочиняют музыку, но и тексты пишут, чего раньше не водилось.

— Коллективное творчество — это хорошо, но поговорим все-таки о Григоряне — авторе большинства текстов «Крематория». Вот ты армянин, говорящий по-русски без акцента. Московский армянин. В твоих песнях есть что-то армянское?

— Полно! Та же «Безобразная Эльза» — это стиль армянского танца. Или «Себастиан» — это средневековая армянская мелодия. Конечно, все это немножко переделано, исполнено на других инструментах, но когда я говорю армянам: вот здесь такая-то песня, знаешь ее? — они сразу узнают. Но у нас не только армянское. «Америка», например, это ведь русская частушка, положенная на рок-н-рольную основу. Да и восточные мотивы — из бурятской музыки, из татарской; много у нас было еврейского благодаря Мише Россовскому... Мы вообще изначально считали, что настали такие времена в музыке, когда все сугубо национальные стили объединились в общемировой. Как, знаешь, Гете говорил, что грядет время всемирной литературы, слияния Запада и Востока, Севера-Юга в нечто единое, — вот так же и с современной музыкой. А подразделения на джаз, фолк, классику, рок-н-ролл уже происходят внутри этой единой музыки, а не по национальному признаку. Да и вообще, уже то, что мы жили в Советском Союзе — чем очень гордимся, — не позволяет нам делить: вот музыка желтых, вот красных, вот белых, а вот черных. Противовес этому интернационализму в музыке — язык: мы поем только на русском и ни на каком другом. Все гастрольные предложения, которые понуждали петь «там» на английском, сразу отменялись. Для нас это невозможно — как невозможно, чтобы бардовская песня Высоцкого или Окуджавы звучала на китайском. Если люди, для ко-

ИЛЬЯ БЕЛЯЕВ (ФОТОАГЕНТСТВО «INTERMEDIA»)

торых русский язык чужой, слушают нас, они должны нас понять.

— Интересно, что ты упомянул бардовскую песню. У «Крематория» есть с ней нечто общее в текстах: тоже ведь такой интеллигентский фольклор, но уже эпохи рок-н-ролла.

— К самой бардовской песне, к КСП в целом я не очень хорошо отношусь. Но что касается того же Булата Шалвовича и вообще бардовской поэзии — тут я обеими руками «за». Как раз благодаря бардовскому поколению наши рокеры воспитаны так, что текст у них несет огромную нагрузку — чего не было «там», за редкими исключениями типа Боба Дилана. Тот же Башлачев не мог бы появиться, не будь бардовской школы.

— А как появился «Крематорий»?

— Еще в школе. С 14 лет я уже играл в команде. Тогда — в 1975—1977 гг. — в школах были не дискотеки, а концерты. У нас, например, играли «Рубиновая атака», «Оловянные солдатики» — очень хорошие, известные в свое время группы. Ну и мы робко просили у них позволения сыграть пару песен на их инструментах. Была повальная мода на хард-рок, и мы писали и играли такой нормальный, стабильный хард на англо-марсианском языке. Назывались мы «Черные пятна», потом — «Атмосферное давление». Записали тогда свой первый магнитоальбом под названием «Корабль дураков». И, в об-

щем, все началось. Потом я поступил в МАИ...

— Насколько я знаю, по отцовским стопам?

— Отчасти по стопам, но больше за компанию: у меня приятель очень хотел поступить в МАИ, а я хотел на журналистику, но занимался с ним вместе и экзамены тоже пошел сдавать с ним. В результате он провалился, а я поступил сдуру. Пришлось учиться...

— Но о карьере инженера ты не думал?

— Как ни странно, я им стал: после окончания факультета радиоэлектроники работал в закрытом Центральном научно-исследовательском радиотехническом институте. Мы там делали подслушивающие устройства. Выполняя иногда заказы КГБ. (Смеется.) Три года надо было отработать по распределению, я их отработал и на следующий день сбежал: уже стало ясно, что не мое это дело. Да и по возрасту пришло время, когда нужно было решать, что такое музыка: хобби или работа. Я сделал шаг к музыке как работе.

— Разве ты зарабатывал музыкой тогда, в 80-е?

— Конечно, нет. Только сегодня музыка стала единственным источником моего дохода. А тогда... У всех групп были сложности с большими концертами, даже у «Машины», и началась мода на квартирные концер-

ты. Ну и мы тоже вплоть до 1985 года их играли. То есть спустились на «дно» — в андерграунд. Интеллигенция собиралась на кухнях, а мы играли в чуть более обширных комнатах — в сопровождении портвейна и в присутствии 30—40 человек зрителей. Надо сказать, «залы» всегда были набиты битком. Интересное было время: барьера между зрителями и музыкантами никакого; теперь, на сценах, это ушло... Сейчас, кстати, идет издание коллекции всех наших магнитоальбомов — «полного собрания сочинений». Если верить издателю, все это расходится очень хорошо, и, значит, интерес к той, старой, музыке остался у людей. То есть ностальгия по тем временам существует не только у меня.

— А у тебя, стало быть, существует?

— Ну... она должна существовать. Другое дело, что нельзя вернуться обратно, снова спуститься в подвал, играть в квартирах... Это было бы деградацией. Надо развиваться, расти вверх, как дерево, двигаться, как акула, у которой нет пузыря и которая поэтому сразу тонет, если прекращает плыть.

— Плыть — куда? У тебя нет ощущения, что та «центровая» среда детей из интеллигентских семей, которая раньше составляла вашу аудиторию, — разрушилась? Сейчас в чести более «мажорные» (и в прямом, и в шевчуковском смысле) ценности.

— Ну, я думаю, что и сейчас, как и тогда, более или менее мыслящие люди не тусуются в мажорных местах. Мы, например, стараемся не участвовать ни в каких массовых тусовках, где собираются музыканты, хлопают друг друга по плечу, вспыхивают фотокамеры, говорят громкие слова, а музыки, как ни странно, не получается, и когда все расходится, остается одно — пустота.

Я лично сейчас хочу жить замкнуто. Что называется, вариться в собственном соку. Потому что, когда я смотрю в себя, настроение работать дальше у меня есть, а когда по сторонам — оно пропадает. Вот ограбили нашу базу. Кража со взломом. Выбили топором все двери, унесли барабаны, гитары, пластинки. Милиционер пришел и говорит: бесполезно заниматься этим делом. «Почему?!» — «Все равно не найдем». Или, вон, приятель мой — я уж знаю, как он копил себе на машину: работал как вол. Украли машину. Он в милицию. А милиционер говорит: «У вас среди бандитов есть знакомые? Нет? Ничем не могу помочь». Сейчас, понимаешь, такое время: хочешь кого-нибудь убить — убивай. Все равно не найдут тебя. И люди разделились на два лагеря: одни так и делают, а другим нравственность не позволяет. Ну не может он украсть или убить — от природы, от воспитания там, от Бога, не знаю. Не от страха, по крайней мере, — проментов я уже сказал. Выходит, то, что у нас творится, действительно больше всего ударило по интеллигенции. А выиграла эти питекантропы на иномарках: Победивший Хам. Мне это жутко на нервы действует. Потому что на «мерседесах» должны ездить кто угодно — рабочие, крестьяне, художники, музыканты, ученые — но только не питекантропы.

— Ты ездешь на «Мерседесе»?

— Нет, что ты. У меня его нет.

— А что есть?

— Есть старенький «Жигуленок», который папочка, слава Богу, по доверенности мне отписал.

— Давай поговорим о «Тацу» — скверном фильме, в котором снялся «Крематорий». Скажи честно: зачем вы согласились? Ты сценарий читал?

— Читал. Но от сценария до воплощения длинная дорога. Знать бы прикуп — жить бы в Сочи, понимаешь? И когда я увидел фильм — а я его увидел на презентации, как и ты... Нет, то есть я не могу сказать, что это просто любительский уровень — ребята чему-то учились, — но такое впечатление, что все, чему они учились, они и попытались туда впихнуть — без вкуса, без динамики, без

режиссуры, без смысла, наконец. Может быть, нельзя так уж строго судить режиссера и оператора — все-таки они дебютанты. Но надеюсь, что фильм, во-первых, сильно сократят, а во-вторых, не пустят в широкий прокат.

— Надо заметить, что ты лично сыграл на удивление недурно. У тебя есть какой-то актерский опыт?

— Нет, но у «Крематория» был определенный опыт общения с театром. Первый раз — это когда в театре на Красной Пресне Андрей Любимов (тот, что позднее стал работать с «Группой граждан») собирался ставить «Барабаны в ночи» Брехта. Мы написали музыку, но спектакль не появился. Потом мы сотрудничали с театром «Арлекин». Там в двух спектаклях — «Король на троне» и «Франсуа Вийон», такой довольно примитивной рок-опере, — мы даже появлялись на сцене на вторых ролях и тоже писали музыку. Еще был очень хороший сценарий о Леониде Энгибарове, музыка к нему была готова, но тут мы поехали с театром на гастроли, где жутко поссорились и все закончилось весьма неинтеллигентно... Половина театра получила по морде. (Смеется.)

Вообще, когда я окунулся в тот театральный мир, который раньше представлял себе, будучи зрителем, — впечатление было ужасным. В институте, где я работал, тоже были, знаешь, всякие подсижки — старший инженер подсиживает ведущего и т.п. Но в театре — куда хуже.

— Интересно, что ты себе такое представлял.

— Ну, когда актеры выходят на сцену... вокруг них — ореол. Мы, между прочим, два своих первых альбома записывали в театре имени Маяковского. Помню, я там даже ночевал — в гримерке Дорониной... И ходил на репетиции Гончарова — тайком, забиваясь в уголок, потому что он не любил, когда в зале посторонние. И я видел, как работают и Гундарева, и Мартынов, и Джигарханян, и Лазарев, и Ильин — это потрясающий уровень... Тем больше меня потом разочаровали в «Арлекине»: на сцене-то им было далеко до тех.

— Минувшей зимой большой ваш концерт показала «Программа А». Это было результатом чьей-то продюсерской деятельности?

— Нет, это была инициатива «Программы А». У нас нет продюсера и вообще никогда никакого «папка» не было. Поэтому мы, наверное, слишком мало мелькаем по телевизору, у нас мало клипов. Но зато много музыки: все-таки девять альбомов за десять лет. Ведь какие условия существуют? Либо ты пишешь какую-

то песенку-бабочку, которую крутят по телевизору и делают тебя популярным, либо ты не пытаешься насильствовать себя, пишешь, что хочешь, и выпускаешь магнитоальбомы. Их слушает меньше людей, но это те, кто понимает, что он слушает. Я вижу, что в зале на концертах, когда мы играем старые вещи, сидит молодая аудитория. Песни были написаны, скажем так, не для них, но они понимают, и это большое счастье, стимул. Значит, мы не оказались однодневкой. Ну а то, что знает массовая аудитория, — это лишь маленькая верхушка айсберга, состоящего из магнитоальбомов и компактв. И даже не в этом дело, а в том, что уровень такой аудитории, по-моему, очень низкий. В свое время страну вместо того мощного джазового и рок-н-рольного потока, который шел с Запада, загрузили какой-то венгерской и чешской эстрадой, и теперь у массового потребителя совершенно отсутствует вкус. Вместо него — всеядность, что хуже всего.

— Ты все-таки очень романтичный человек: недолюбливаешь толпу, например. В новом альбоме, как и в старых, ангелы перемежаются непременно «косяками» и «бухлом»... При этом сам ты живешь в нормальной квартире, где есть, вот, стенка, палас...

— ...телевизор... Жена! Двое детей! Собака! (Смеется.)

— В общем, ты романтик-симулянт.

— Ну, может быть, не совсем так, но во многом ты прав. Конечно, я человек, который страдает раздвоением личности. Самое ценное, что у меня есть в этой жизни — помимо семьи, там, и благополучия, — это все-таки сны. Вся музыка у меня появляется как результат сна, память о нем. И, безусловно, я напоминаю сумасшедшего, который днем живет рядом с красивой стенкой, а ночами выбегает подглядывать в подвал: что ж там творится? Думаю, что сейчас все рок-музыканты страдают тем же самым: в жизни они одни, а в музыке совершенно другие. Но повторяю: прошло то время, когда мы сознательно опустили себя на «дно» — будучи ведь не бродягами, а детьми служащих, скажем так. Тогда раздвоения не было, и на уровне пробы мы все это прошли — хиппование, наркотики, алкоголь... Теперь мне вовсе не обязательно быть законченным наркоманом, чтобы написать... о вреде наркотиков. (Смеется.) Можно написать песню о войне, не будучи ее участником. Жизнь — театр. Я пытаюсь играть разные роли.

Михаил СМОЛЯНИЦКИЙ

Сказки идиота

**«Женитьба», «Пария»
Театр
им. Станиславского,
реж. В.Мирзоев**

За пять лет, прошедших со времени эмиграции в Канаду Владимира Мирзоева, этот режиссер укрепил репутацию предтечи современного отношения к театру — «эстетического» в противовес «морально-публицистическому», шестидесятичному. Воспоминания о легендарных постановках Мирзоева конца 80-х во многом питали наиболее влиятельные поставангардные проекты 90-х. Сегодня Мирзоев, вернувшись, выпустил на московской сцене сразу два спектакля и смог проверить, как влияют на режиссера условия, при которых эстетическая агрессия не признается самодостаточной. Ничего не забывающие и ничему не учащиеся могут быть довольны: Мирзоев без лифта вошел в нынешний сезон, главная особенность которого — радикальное изгнание с подмостков смысла. Отличительные признаки и гоголевской «Женитьбы», и «Парии» — одной из маленьких «комнатных драм» Стриндберга — отсутствие отличительных признаков. Замысел постановок — отсутствие замысла. Стоит ли напоминать о том, что всякий «отстраняющий» прием, повторяясь, ввергает

в новый автоматизм? Что «авангардный» спектакль, не одушевленный смыслом, полностью эквивалентен «среднереалистической» мякине? Что инкрустация текста «Женитьбы» фрагментами «Выбранных мест...» и «Ивана Федоровича Шпоньки...» сама по себе не есть эрудиция, а отсебятина — не есть импровизация? Что нарочито отвратительная подача немолодого женского тела, не будучи обусловлена потребностями художественного целого, катапультирует за пределы не только «эстетики безобразного», но и эмоциональной вменяемости? Что целлофановые цветы, которыми П.Каплевич обклеил пиджак Кочкарева, или лазорево-бирюзовый крестообразный проем, сооруженный Д.Алексеевым для прыжка Подколесина, или пирамиды из зеркал, которыми Мирзоев устали площадку в «Парии», — что все это в отсутствие структуры спектакля вовсе не есть «автореферентная вещьность». Неправда, что искусство может быть чисто «формальным»: за новыми спектаклями Мирзоева стоит вполне определенное миропонимание. И вот к нему эпиграф: «Жизнь — это сказка, рассказанная идиотом: в ней шум и ярость, нет лишь смысла». Как известно, это слова Макбета.

Михаил СМОЛЯНИЦКИЙ

Иосиф
Бродский

МИХАИЛ ЛЕМКИН

Венец и я

**«Прогулки с Бродским»
ТВ «Останкино»,
реж. Е.Якович и А.Шишов**

Про Бродского всегда ходили слухи. Одни говорят: душа-человек! Другие: крайне сдержан. Третьи: откровенно хамит. Потом его чтение: как поет Михаил Казаков, мы все себе, в общем, представляли, но почему магически действует гнусавая, картавая на все согласные речь Бродского — никто себе толком не представлял. А хочется! В личности поэта всегда сокрыто обаяние, даром что лирический герой Бродского давно у всех ходит в добрых знакомцах. В этом смысле фильм «Прогулки с Бродским» оказался весьма кстати: наконец мы с этим лирическим героем уравнились в статусе. Родина никому не нужен, стихов не печатают... К уровню этой передачи нет никаких претензий, потому что до ее эстетических задач мне не было никакого дела. Интересно было посмотреть на живого Бродского. Все знают Бродского как гения поведения: злопыхатели даже прозвали его «в багрец и золото одетая лиса». В рамках литературного этикета он искони безупречен. Лишнего не скажет, души не приоткроет — даже в стихах всегда чувствовалась та «слоновья шкура», о которой наш герой говорил раннему Лимонову. Бродского можно спрашивать об Империи, о языке, о Петербурге, можно показывать ему книжку, а можно с ним смотреть на гондольеров, — мне, например, гораздо интереснее было, как он по-английски кофе заказывает. Хорошо говорит, почти не картавая.

Бродский давно выступает в роли гида: он первым дошел до некоторой черты, дальше которой здравому смыслу и «нормальному классицизму» делать нечего. В качестве гида он перед нами и предстал. Позиция его столь же отвлеченно-описательна и вместе с тем столь же мучительно жадно слушательского сотворчества и сопонимания. Бродский давно хотел показать Венецию русским. И показал. Такое чувство, что сам с ним прогулялся: венец русской словесности — и я. Предвижу, что будут нападать на Рейна. Он и в самом деле претендовал на равную, «бродскую» долю зрительского внимания. Не будем придирается. Рейн заслужил такую прогулку. В конце концов, если Бродский называет его своим наставником и учителем, ясно ведь, что так нужно не только и не столько Рейну. Бродский просто так ничего не скажет. Ну и пусть — лишь бы ему было хорошо!

Д.Б.

Транзит-блюз

**«Русский транзит»
«Центр искусств», «Ленфильм»,
реж. В.Титов**

Сначала было слово в виде бестселлера Вячеслава Барковского и Андрея Измайлова «Русский транзит», который являлся безусловным фаворитом книжных лотков и едва ли не обязательной принадлежностью сумок прошлого сезона. Супергерой «Русского транзита» — ресторанный вышибала по роду занятий и русский Рэмбо по призванию — встает грудью на защиту собственных чести-достоинства и учиняет

Сцена
из спектакля
«Женитьба»

ОЛЬГА ЧУМАЧЕНКО

нехилую разборку с крутой наркомафией. В финале, как и полагается, побеждает. Попутно и ответно влюбляется — не без того. И еще теряет близкого друга, павшего от руки безжалостного убийцы. Такой вот расклад. Однако слово отговорило, подобно золотой роще, и настал черед дела в виде шестисерийного видеофильма с тем же полюбившимся массам звонким названием. По воле судьбы и не только ее фильм переходил из одних режиссерских рук в другие — пока не оказался в руках Виктора Титова, который снял «Русский транзит» по-титовски быстро. Кажется, там все на месте: модный и brutальный Евгений Сидихин в роли благородного вышибалы, знакомый до слез Игорь Дмитриев в роли циничного крестного отца, некогда роковая Анна Самохина в роли возлюбленной прелестницы и хрипло-романтический Юрий Шевчук в роли закадровой песни. Плюс вполне себе профессиональные мордобои и терпимо динамичные погони. Некоторый перебор случился только с закадровыми монологами главного героя: как ни крути, он не Штирлиц, а Виктор Титов не Татьяна Лиознова. И еще не совсем понятно, почему наше кино воспыало такой страстью к парому имени любовницы Вронского. Ладно в фильме Александры Яковлевой на его борту разыгрались чувства неземные — так ведь в «Русском транзите» уже паленым пахнет. Что бы все это могло означать?

Андрей МОСКВИН

А сам не плошай

**«За зеркалом»
Профессиональный
фонд «Русский театр»,
реж. М.Сальтина**

Внимание к пьесе Елены Греминой, выказываемое в этом сезоне, — исключительное: вот уже третья постановка появилась на московской сцене. Интерес к сочинению, мастерски сделанному, очень сценичному, отличающемуся стилизационной тонкостью

языка и своеобразным, не лишенным цинизма, историческим агностицизмом, можно было бы только приветствовать, когда б хоть один из коллективов, пожелавших поиграться в Екатерину Великую, оказался способен проникнуть если не во все, то хоть в некоторые из достоинств пьесы. Поскольку же этого не происходит, сами названные достоинства не столько раскрываются на сцене, сколько выявляют бедственно низкий читательский уровень театральных деятелей. Фонд «Русский театр», затеявая спектакль специально на Марину Полицеймако (Екатерина), исходил, очевидно, из того, что уже сам факт участия значительной актрисы будет какой-то индугенцией, которая позволит бестрепетно пренебречь буквально всеми иными компонентами спектакля. Увы, даже если бы драматургический материал был менее качественным, беспомощные мизансцены не стали бы лучше, случайная мебель не превратилась бы в сценографию, чередование военного марша, электронной дребедени и «Реквиема» Моцарта — в музыкальное оформление, а отсутствие ясного ответа на вопрос «зачем?» не обратилось бы чудом в «просто приятное развлечение». Поскольку же играть приходится именно Гремину, перечисленные пороки усугубляются до крайности. Действительно колоритное исполнение Полицеймако, старающейся придать своей Екатерине черты, так сказать, сдержанной матриархальности, выглядит осколком некоей хорошей чтецкой программы, зачем-то вставленной в плохой спектакль. Жаль актрисы. Жаль пьесы. Жаль греминской Екатерины, иностранки, относящейся к русскому языку со всегдашним трепетным изумлением, которое не худо бы прописать нынешним природным носителям языка, заставив их каждый день учить по пословице, а также повторять урок из древней истории, из географии и из грамматики. Потому что — на драматурга надейся, а сам не плошай.

М.С.

Наполеон жил, жив и будет жить

**«Наполеон Бонапарт»
Выставка
Выставочный зал
«Тушино»**

«Хвала, он русскому народу великий жребий указал», — писал поэт о революционере и создателе Гражданского кодекса, ставшем узурпатором трона, великом полководце и стратге,

споткнувшемся о Россию, светском льве и покровителе сердец, у которого, говорят, к концу жизни выросла женская грудь... Заточенный на острове Святой Елены, Наполеон в тоске говорил: «Какой роман — моя жизнь». А уж какой выставки она достойна... И романы были написаны, русские в том числе. «Война и мир», например. Двести двадцать пять лет со дня рождения — не самая круглая дата, но неплохой повод для выставки, если для нее накопился материал, а наполеоновского архива Исторического музея хватает на то, чтобы осветить все этапы головокружительной карьеры и столь же стремительного падения великого корсиканца. Сабля, полученная за Египетский

поход, роскошный винный сервиз, из которого пил император, карта Европы, поделенная на префектуры (его, между прочим, слово), кровать, на которой Бонапарт спал в Москве, и даже прядь его волос. Есть тут и неопубликованные автографы, например верительная грамота, выданная Талейрану для ведения Тильзитских переговоров. А еще подвеска с люстры и свечи из Фонтенбло, где император

подписывал свое отречение, которые наши соотечественники граф Петр Волконский и генерал Фабиан Остен-Сакен, присутствовавшие на церемонии, прихватили на память об историческом моменте. Обилие материала дает замечательную возможность самых разнообразных трактовок и новых взглядов на историю, так что любой, приехав в Тушино, может поупражняться в остроумии и логике на тему, кто все-таки победил в Бородинском сражении. Тем более что, как известно, «Мы все глядим в Наполеоны».

М.Г.

Дневник И.

Имита

Прощание
с ностальгией

Дмитрий БЫКОВ

«Умер быт — плоть нашей жизни. Остался один хаос, и дух наш витает над бездною.

Как жить так над бездною — совершенно ведь невозможно.

Не сорвешься сегодня — сорвешься завтра. Ничего не разберешь в хаосе, не наладишься, не устроишься. Небо не отделено от земли, земля не отделена от воды — ерунда, бестолочь и черная смерть».

Кто же это написал? Кто, такой умный и отчаянно-честный, высказал то, о чем мы давно про себя догадались да боимся сказать вслух? Кто так своевременно, даже с некоторым опережением, констатировал факт?

Сделала это Тэффи, господа. В рассказе «Вспоминаем». Семьдесят лет тому назад, в эмиграции.

Да ведь все, все про нас — и про смерть быта, который был плотью, и про ту невероятную легкость, с которой каждый может теперь сорваться. Ходим по паутине над бездной, плетем ее из слов, надежд, акций, фикций. Устраиваемся в хаосе. Эмигранты.

Только не мы уехали, а страна изпод нас. Тю-тю! Смотри, честной народ, — тут тебе не бартовское «Дом переехал», тут с пейзажами, рельсами, стогами и водокачками, родными переулками и зелеными скверами едет в никуда любезное Отечество. Держи невозвращенца!

Мы живем в другой стране. И неважно, плоха ли была прежняя, хороша ли нынешняя (в которой быть инакомыслящим ничуть не менее опасно — и для карьеры, и для самоощущения); важно то, что огромная часть нашей жизни прошла в той, прежней. От которой не осталось на карте мира даже названия — как, впрочем, обстояло дело и с той эмиграцией, которая по старинке путала с Россией диковинную четырехбуквенную аббревиатуру. Главное, что нас роднит, — это общий пафос ностальгии, присутствующий во всем. Смакуем старые анекдоты. Вспоминаем прежние цены в анекдотичном «Эль-клубе» под управле-

ОЛЕГ ГРАЧЕВ

нием ерничающего Ярмольника — ну чисто аверченковские генералы из «Дюжины ножей в спину революции». А помните баранинку? А помните стерлядку? У нас, правда, спектр ностальгическо-гастрономических воспоминаний несколько иной: а помните цыплят по рупь семьдесят, еще назывались «синяя птица»? А что такое: хвост длинный, глаза горят, яйца маленькие и грязные? Очердь за яйцами по девяносто копеек! Какую прессу ни откроешь, красную ли, коричневую, зеленую, серо-бурмалиновую, — все ностальгируют запоем. Один вспоминает первую любовь. Другой — первый вызов на ковер, тоже своего рода дефлорация. Третий — пленительные мелочи быта вроде «мускула гребешка» во всех рыбных магазинах. Нет, не жизнь эта была хороша — плоть, юность наша там осталась. Худо ли бедно, а в ту реальность мы были встроены. В этой — надо крутиться. Да силы не те. Возраст.

Что же, они были так прямо и довольны Россией, которую потеряли? Перечитайте биографии самых ностальгирующих эмигрантов: почти у каждого — эсеровское, кадетское, чуть не большевистское прошлое, та же Тэффи сотрудничала в пятом году в минско-ленинской «Новой жизни»! Только они фрондировали не на кухнях (там «фрондировала прислуга»), а в более цивилизованных местах. Подсчитали — прослезились. Открыли глаза — а все вокруг другое: магазины не наши, и надписи на них не по-нашему. Пройдите вон хоть по улице Горького, ах, виноват, по Тверской: где вывески на кириллице,

где магазин с НЕЗеркальными витринами? На каждом шагу офис, тьфу, батюшки, и слово-то какое басурманское! И не надо нам рассказывать про то, что в этих офисах куют нашу новую счастливую жизнь: к «новым русским» мы относимся в тютельку так же, как эмигранты — к местной буржуазии. Конечно, спасибо вам, что в магазинах все есть, да купить нам не на что, и души у вас пустые, и в головах одна корысть. Что говорить: плоха была наша Родина. Но что пройдет, то будет мило.

«Приезжают наши беженцы, отъезжаются, успокаиваются, осматриваются, как бы наладить новую жизнь, и вдруг гаснут. Ни во что не верим, ничего не ждем, ничего не хотим. Боялись смерти большевистской — и умерли смертью здесь. Думаем только о том, что теперь ТАМ. Интересуемся только тем, что приходит ОТТУДА. А ведь здесь столько дела. Спасаться нужно и спасать других. Но так мало осталось и воли, и силы»...

Снова Тэффи. «Ностальгия».

Мы стали страной эмигрантов, со всеми вытекающими отсюда комплексами, маниями и страданиями. Тени на эмигрантском балу. Мы и есть — тени. И жизнь наша нынешняя — тень, и кручение-верчение в новой реальности — бег на месте, ИБД: имитация бурной деятельности.

Мне очень нравится фильм Дениса Евстигнеева «Лимита». Я уточнил бы только название: ИМИТА. Всмотримся в жизнь новых русских, какой она представлена в картине. Чем они занимаются? Тотальной имитацией. Один взрывает свой офис, чтобы получить страховку:

имитирует пожар. Другой девочек-официанток снимает: имитирует любовь. Третий ломает компьютерные программы: имитирует программирование. Все вместе собираются в своем таинственном клубе, в котором какие-то странные металлические конструкции старательно имитируют новый стиль, и под руководством безликого Игоря Верника, человека-знака с застывшей мимикой, имитируют культурный отдых: все вместе топают ногами, машут руками и говорят жизнерадостное «Хэ-эк!».

Покупают и перепродают воздух. Называется «бизнес». Вытирая салные губы, во время телепрезентации отваливают лишний миллион, нажитый игорным бизнесом, на нужды старцев или сирот, — имитация благотворительности. Разыгрывают веселье, дружбу, созидание — имита.

Страна призраков: акция оборачивается пустой бумажкой, забота о благе — вульгарной наживой, а любовью посул — столь же вульгарной наживкой. Как всегда, спасают слова. Спросишь друга, с которым сто лет не виделся: чем занимаешься, дружище? Я занимаюсь бизнесом, через губу отвечает друг. Это что такое? Объяснить невозможно. Мотивировки разные: коммерческая тайна, рассказывать долго, ты все равно не поймешь. Да пойму, я когда-то высшую математику изучал, еще до эмиграции! Нет, милый, тут другое образование нужно. А копнешь — весь и бизнес-то его сводится к шоп-турам, к мытью полов в чужом офисе, к беганию по поручениям босса. Но называется — «бизнес». Новое слово.

А ты, подруга, с которой столько всего связано, — ты чем зарабатываешь на хлеб? Я работаю в фирме, говорит она чужим голосом. А что это значит? Да в фирме же! Объясни ты мне по-человечески, я понял, что в фирме, но в какой? В строительной. Строишь что-нибудь? Да нет, на звонки отвечаю. Хоть и учили меня пять лет на филолога. Но — в фирме! В офисе! Звучит гордо. Паутина слов над пропастью.

А ты? Я изучаю менеджмент. Уже не спрашиваю дальше, затыкаюсь почтительно, даром что слово «менеджмент» в нормальном обществе неизбежно требует после себя пояснительной добавки. Но мы миримся и с такой маской: все-таки при деле человек. Да ведь «manage» в переводе означает — изловчиться, ухитриться. Так уж и называй себя, друг милый, — я, мол, работаю ухитрялой. Но мы старательно забываем содержание слов, наполнение понятий. Вещи выхолощены, труд иллюзорен, плод его призрачен. К чему? Это

жизнь после смерти. Понятия в ней перевернуты, и ничто ничего не весит: исчез сюжет, мораль отброшена за ненадобностью, и какая, к черту, мораль, когда вместо общего дома-страны — одни воспоминания? Ими и живем, то-то на родном телевидении сплошь ностальгические программы — от «Голубых огоньков» шестидесятых до перестроечных КВНов восьмидесятых. Сегодняшний-то наш юмор — на уровне куплетиста в ресторане «Самовар».

Эмигранту не положено иметь претензии к правительству приютившей его страны. Да ему, собственно, и дела нет до этого правительства, даже когда оно само занимается самой разнузданной имитацией. «Терпим из милости — и будьте довольны»; мы довольны. Нам к имитаторам в правительстве не привыкать. Одну фикцию сменяли на другую — просто тогда возмущались, рыпались, а сегодня проглатываем не жуя. Вот президент нашей новой Родины едет в круиз по бывшей Волге, ныне Volga. Высаживается в Нижнем Новгороде, бывшем, опять же, Горьком. Старательно симулирует общение с народом. Народ симулирует энтузиазм. Прошелся по главной улице, имитировал покупку акций какого-то нижегородского банка. Потом стал имитировать беседу — сказал ровно столько, чтобы возникло ощущение откровенности. Ни слова по делу, но имидж подтвердил, маскируя все умолчания стратегическими соображениями. Как бы жизнь. Ну и что? Кто при всем этом вспомнил поездки Леонида Ильича, который очень любил со специально отобранным народом беседовать, все интересовался, ездят ли рабочие на рыбалку? Разница только та, что про того анекдоты сотнями складывали, а про этого нет ни одного. Про чужих правителей, до которых дела нет, анекдотов не сочиняют. Во время съездов народных депутатов каждое лыко попадало в газетную строку — про Думу, в которой и не такое делается, никто не говорит и не думает. Оно, конечно, и похвально — деполитизация, все такое, — но ведь не в деполитизации дело, а в полной индифферентности. Плевать мы хотели на чужой парламент. А начнешь ругаться — тут же кое-кто из борзо вписавшихся укажет тебе на твоё место: ты что же, к большевикам захотел? Они тебе живо покажут Родину, пикнуть не успеешь.

Что? Недурной, между прочим, вариант возвращения. Не всю Россию унесли на подошвах эмигранты третьей волны, кое-что и нам оставили. Островки Совдепии то там, то тут всплывают болотными кочками. Для

особо ностальгирующих — милости просим. И Михалкова, и Розова, и Власова приняли с распростертыми. Они же не со зла туда идут, ребята. Ностальгия у них, вот и хотят обратно, как те, вроде Сергея Эфрона, из Союза возвращения или молодых евразийцев. Им домой захотелось. Пусть даже путем контакта с адептами большевизма. Те ведь тоже платили за возвращение прямой работой на Сталина. Тогда подонки узурпировали нашу Родину. Теперь они узурпировали понятие патриотизма. И как эмиграция с гневом и негодованием, тоже старательно разыгрываемым, отворачивалась от возвращенцев, так кучки левой интеллигенции перестают лезникам руку подавать. Их же хлебом не корми — дай только с кем-нибудь не поздороваться! Ряды сплоченной будут. В том-то, выходит, и ужас, что нельзя любить прежнюю нашу страну, чтобы тут же не заслужить кличку национал-патриота. Украли у нас патриотизм, подверстали к самодержавию-православию-народности. Я, может, улицу свою любил, на которой еще не было коммерческих киосков со странной надписью «Пробизнес». Кстати, что такое этот самый «пробизнес»? Во времена моего детства был такой анекдот: проблядь — это блядь, выгнанная из общества блядей за блядство. Выходит дело, пробизнес — это уж такой бизнес, с которым на люди неприлично показаться? Я, может быть, любил ту Москву. И как они, первая волна, цеплялись за конфетки-бараночки, за сорок сороков церковей, за бирюльки, за Яр, за черную икру, — так я держусь изо всех сил за реалии ушедшей своей юности: за те времена, когда люди читали прессу и обсуждали новонапечатанное, когда литература была делом почетным, а не позорным, когда обман назывался не бизнесом, а надувательством, работа была работой, а халява — халявой...

Страшно, по-эмигрантски, сузилась жизнь. Некогда подумать о чем-нибудь абстрактном, прекрасно-беспольном. Вот о том, где купить подешевле, продаться подороже, выгадать на распродаже. Поехать некуда — безумно дороги любые поездки, полстраны — горячие точки, другая половина — уже за граница... Неумолимо сужается круг жизни: путешествий, чтения, общения, мысли. Эмигрант не может быть богат: он все на Родине оставил. А что нет больше идеократии и тоталитаризма — так ведь и сейчас за всякую попытку инакомыслия тычут в нос единственную, еще более отвратительную альтернативу, а тоску по веществу жизни выдают за жажду реставрации.

Безальтернативная, узкая, жесткая жизнь, горький хлеб изгнания. А ведь предупреждал Аверинцев еще в восемьдесят седьмом году: если вы предлагаете мне выбор между тоталитаризмом и столь же тотальным релятивизмом, — отказываюсь выбирать! Интересную свободу вы мне предлагаете, господа: свободу переродиться или сдохнуть. Лучшее, что было здесь, мы заменили худшим, что есть там. Это уже не моя страна, не требуйте от меня любви к ней. Конечно, если, не дай Бог, придет в нее фашизм, — я буду защищать ее, как свою, вступлю в Резистанс, буду связным, что ли... Только после второй мировой русским эмигрантам, участвовавшим в Резистансе, возвратили советское гражданство. А что возвратят мне?

Так, должно быть, чувствовали себя русские в Прибалтике: не нравится — позволяйте вам выйти вон! Но было хоть куда уезжать, а мне-то куда? Машину времени не изобрели... Да и не в прошлое мне хочется, а в страну, которую мы как-никак ощущали своей. А сегодня живем, под собою не чуя страны. Ее беды не становятся нашими. Оттого в ней так все и плохо. А наша — уехала. Не новый застой мы переживаем, не похмелье, не капитализацию, схожую больше с декапитацией, не спад и не подъем, не распад и не созидание, — мы переживаем эмиграцию. А она неизбежно сопряжена с имитацией жизни. Любой эмигрант, вне зависимости от того, к какой волне он

принадлежит, вам расскажет, как приспособивался к новой реальности. У него нет сил порвать с прошлым окончательно — держится за брайтон-бичевскую тусовку и покупает в специальном магазине ностальгические кильки с горохом, читая под эти кильки «Новое русское слово». Так и живет — ни туда ни сюда. Застрял между жизнью и смертью. А у кого достало решимости и отчаяния перейти на новый язык и новые ценности — пожертвовал собой, переродился и воскрес после смерти в новом обличье. Только уж не пой, красавица, при нем Государственный гимн Советского Союза. Закапают крупные слезы из глаз на холодный песок. Не от тоталитаризма — от себя ведь отрекся.

«Принесла далекая молва милые, ненужные слова: Летний сад, Фонтанка и Нева... Здесь живут чужие господа. Мы для них чужие навсегда».

Это написала женщина, погибшая потом в концлагере, участница Сопrotивления. А спел мужчина, который пошел на страшный компромисс и вернулся в разгар войны. Ради того, чтобы почувствовать под собой землю, почву, Родину. Чтобы не слышать больше чужого языка — «офис», «маркетинг», который иные его товарищи по эмиграции старательно заучивали. Надеялись враси, вжиться в чужую страну.

Не выйдет. Вы для них чужие навсегда. Новым людям ваши проблемы непонятны, а ваша помощь — без надобности. Сидите на старой под-

шивке демократической прессы, время от времени перечитывая ее и убеждаясь, что все, оказывается, было уже сказано в 1987—1990 годах. Мы только прокручиваем, повторяем, делаем вид, что вокруг идет жизнь. Да разве в жизни такое бывает, чтобы зеваки глазели на пожар «Белого дома»? Нет, прав А.Галин в недавнем интервью: так бывает во сне, в имитации. Да разве в жизни бывает такое, чтобы ни о чем не говорить всерьез, не возмущаться возмутительным, не влюбляться, не думать? Чтобы только выживать? Нет, в жизни такое невозможно. В эмиграции — запросто.

А крутиться-то надо, как крутилась Тэффи: пять фельетонов в неделю, да еще роман написала — из жизни проститутки и вора. Изю всех сил вытягивала паралитературу на уровень литературы — и вытянула. Тяните и вы в меру таланта. Авось прочтете в криминальную хронику — свежую мысль, а в дешевенький фельетон — подлинную эмигрантскую тоску. И выкроите часок от газетной поденщины, как выкраивал, например, Георгий Иванов, чтобы, оторвавшись от нищенского приработка, написать:

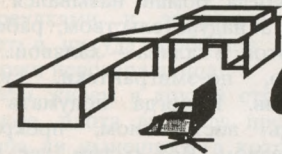
*Замело тебя, счастье, снегами,
Отнесло на столетье назад.
Затоптало тебя сапогами
Отступающих в вечность солдат.
Только в сумраке нового года
Белой музыки бьется крыло:
«Я надежда, я жизнь, я свобода,
Но снегами меня замело».*

ПРОИЗВОДСТВЕННО-
КОММЕРЧЕСКАЯ
Ф И Р М А

КФК

только у нас вы можете сразу купить

дешево

МЕБЕЛЬ ДЛЯ ОФИСА

ВЫСТАВОЧНЫЙ ЗАЛ

Делегатская, 7, м. "Цветной бульвар" (за Театром кукол)

Тел. 973-90-57, 973-90-56.

АО Торгово-промышленная компания

«ОНИКС»

предлагает средним и крупным оптом со склада в г.Москве видеокассеты «SCOTT», производство Германия, пленка «BASF».

Имеется сертификат соответствия, выданный Госстандартом России.

Тел. 978-85-53

Fax 200-22-68

**Список фирм,
опубликовавших свою рекламу
в этом номере:**

ИЛИОН
РЕЕВОК
RENAULT
РАХ
КВАНТА-ИНВЕСТ

ГОСПОДИН МУЗЫКАНТ
САНАТОРИЙ «ДРУЖБА»
СУПРИМЭКС
БАНК «СТОЛИЧНЫЙ»
КФК

АО ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННАЯ КОМПАНИЯ «ОНИКС»

Унесенные ретро

Тени исчезают вместе с нами

«Семнадцать мгновений весны»

«Тени исчезают в полдень»

Михаил ПОЗДНЯЕВ

Два самых сильных телезрительских впечатления моего детства, отрочества и юности связаны с повторами.

Первый — во время трансляции из-за границы решающей игры очередного хоккейного чемпионата: старший брат аж заерзал на стуле, когда, сразу же после того, как наши забили чехам (или канадцам?) шайбу, было еще раз показано то же самое, но только снятое из-за неприятельских ворот и в придачу — «рапидом». Эта летящая по воздуху долго-долго шайба-шайба оставила, видимо, на еще не закопченных телевизоре моих мозгах отчетливую царапину. Закрою глаза — она летит.

Второй повтор — «Семнадцать мгновений весны». Кто-то из старших, услышав из-за стены голос Кобзона, пошутил: «Да-а... Трудно советскому телезрителю расстаться с полюбившимися героями — Штирлицом, Мюллером и Борманом!» То было чудо: зная наперед, что радиотка, рожая, закричит по-русски, а Плейшнер, захмелев от воздуха Швейцарии, позабудет взглянуть на окошко с цветочными горшками, шестая часть мира две недели кряду высиживала у ящиков, смакуя каждый крупный план Тихонова, каждую гримасу Броневского и каждое слово незримого, но всемогущего Копеляна. Говорят, так в тридцатые годы ходили в кино на «Чапаева», пересекая из конца в конец столицу, всей семьей, всем классом совершали хадж в клуб, где, по достоверным слухам, Бабочкин не тонул в Урал-реке, но выплывал трезвый и невредимый.

Повторенье — мать ученья, а привычка — вторая натура; и любой механический, неосмысленный повтор — по сути ритуален. Созерцая в телеящике «во дни торжеств и бед народных» коммуниста Урбанского, рубящего корабельную сосну, учительницу Марецкую, обличающую кулаков, и профессора Черкасова, ковляющего на встречу с матросами Балтфлота, мы участвовали в массовом отправлении религиозного культа. Ничто — даже стихийное бедствие не в силах было помешать нам 8 марта лицезреть задорную Румянцеву, пожирающую хлеб с вареньем, положив на стол валенки, а 1 января — пьяного Яковлева, моющего с мылом и мочалкой, не сняв зимнего пальто и ондатровой шапки. Мог в 20.45 не явиться миру Хрюша, мог 10 ноября вылететь из программы грандиозный концерт в честь милиционера-зятя Брежнева (в силу кончины последнего), могла в пос-

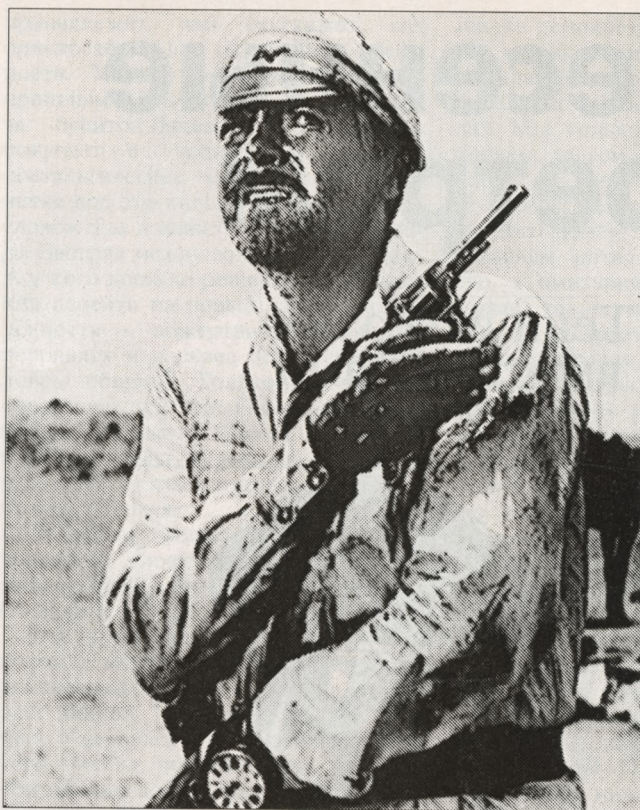
ледную минуту отменится какая угодно премьера... но чтобы повтор! Это — святое.

Брюзжали и ерничали, но ящик не вырубали; и как собака Павлова — над миской в ожидании звонка, — придвигали поближе к новогоднему столу «голубой огонек», поелику без Пугачевой и Хазанова слюно-выделение было решительно не то.

Телевизор стоял в красном углу. Его мертвенно-гнилушечное мерцание заменяло нам ровный и теплый свет лампы перед божницей. Во всем мире телевизор держали, чтобы развлечься либо узнать, что нового случилось за день, а у нас — поскольку ничего нового случиться попросту не могло, — дабы удостовериться в незыблемости основ. Наш телевизор был не световым прибором, чей луч обозначал путь в бесконечном пространстве, но раз навсегда, казалось бы, введенным будильником, трезвонящим через равные отрезки времени: от съезда к съезду, от юбилея к юбилею, от одного к другому космическому триумфу.

Вожди капризно требовали к каждой круглой и некруглой дате запуска космонавтов — для них это было вроде жертвоприношения (они, языческие жрецы, оттого и салюты так любили). Космонавты из суеврия перед стартом просили показать им «Белое солнце пустыни» — что для них, в свою очередь, играло роль не то молебна перед путешествием, не то Масленицы перед Постом. Не раздобудь космическое начальство личной копии фильма — и весь график полетов миг утратил бы секретность: увидев вечером на экране красноармейца Сухова, вся страна знала бы, что утром по радио передатут сообщение ТАСС.

В конце семидесятых я служил на радио. Уже тогда по отношению к ТВ оно считалось делом второсортным — однако же руководство Гостелерадио внушало нам, что наша миссия особая: в пустынных барханах и на вечной мерзлоте еще не было телевизоров; наши коллеги из «Останкино» творили миссионерский подвиг среди «верных», уже вполне приобщенных государственной религии, а мы — сеяли «разумное, доброе, вечное» среди дикарей. Повторы составляли процентов восемьдесят от общего объема радиовещания, и не приведи бог не прослушать перед эфиром иссохшую и покоробленную пленку пятидесятых или даже сороковых годов: упоминание не ко времени китаца, стакана водки или смерти комиссара могло стоить головы. На

«Белое солнце пустыни»

каждое письмо — приди оно хоть из дурдома — мы были обязаны почтительно и обстоятельно отвечать. Забуду ли о многолетней переписке Литературной редакции с некоей тетенькой, жаждавшей услышать еще раз звучавший во дни ее юности рассказ Алексея Толстого «Русский характер»? Мы ставили эту запись в эфир раз пять или шесть в году — но всякий раз шедевр и его обожательница ухитрялись разминуться во времени и пространстве. Программ тетенька, видимо, не читала, а наше письменное уведомление о дате ближайшего очередного повтора всякий раз приходило в ее родной кишлак с непростительным опозданием. «Дорогие товарищи, — писала она нам, — вот уже который год я не могу услышать по радио рассказ «Русский характер». Но я не теряю надежды. Это мой любимый рассказ, и я, рано или поздно, заставлю вас передать его для меня. У меня тоже русский характер!..» Не знаю, чем кончилась эта эпопея — уволился-таки, — но пример в любом случае замечательный: в пору всемирной моды на «ретро», когда джинсовое поколение, раздувая ноздри, рядилось в кринолины из бабушкиных сундуков, мы руководствовались во взгляде на былое не собственным положением в истории, но директивами ископаемых хвостатых чудовищ вроде Зимянина и Шауро — кто нынче затрепещет при этих именах! Все старое подразде-

лялось нами на вечно живое и вечно оппозиционное, вечно препятствующее нашему героическому бегу на месте. Стоит ли изумляться, что вся энергия и пафос гг. «прорабов перестройки» ушли не на отрыв от прошлого — но все на те же повторы, на републикацию Гумилева и Розанова, Набокова и Ходасевича, Солженицына и Бродского — полно, академического корпуса всего, что широко ходило в сам- и тамиздате и короткое знакомство с чем хоть и наказывалось строго, но было всем доступно.

ТВ получило в середине 80-х шанс дивный: воспринять наконец панораму русской культуры XX века во всей полноте, даже и акцентов не расставляя. Но, сменив «плюс» на «минус» (и наоборот), наше новое ТВ осталось по существу старым, каким оно было до того все тридцать лет: не самым живым и ежечасно меняющимся искусством, а вероучительным, идеологическим инструментом.

Вынеся за скобки плеяду мальчиков в тишотках, сместивших роту дикторов в униформе КГБ (асфальтовая пара, белая сорочка, синий галстук), мы получаем сегодня в остатке сплошные нули. Пьянящий аромат азартных игр, сочная мякоть попсы (Анжелика Варум и К°), толстый-толстый слой рекламы — и это все.

Время ушло — мы на том же диване. Стоит ли сетовать на успех «Санта-Барбары» и «Дикой Розы» (не путать с орхидеей): из этого импортного (пусть и десятилетней давности) мыла пузыри выходят не лучше и не хуже, но в точности такие, как из нашего хозяйственного, типа «Будулай».

Мыльная опера — гвоздь и одновременно костяк ТВ-программы. У нас этот жанр именуется, как и встарь, «многосерийный телевизионный фильм». Ретро-волна, все гуще заливающая экраны наших «Сони» и «Фунаи», вспенилась любимыми во время оно домоткаными сериалами совсем не случайно: сериал — повтор, возведенный в квадрат; тут уже не повторенье — мать ученья, но, простите за выражение, Вера, Надежда, Любовь и мать их София, Премудрость Божия. И совсем не случайно герои шедевра мексиканского мыловарения говорят у нас сегодня голосами комсомолки, спортсменки (и просто кавказской пленницы) и бесстрашного опера Володи Шарапова (в девичестве Павки Корчагина). Наталья Варлей призналась Ганнопольскому, что они с Владимиром Конкиным ревмя режут, дублируя оперу г-на Пимштейна: «Недоиграли, недолюбили!»

Как молоды мы были...

Н и за что не поверю, будто свод проблем нашего нового ТВ исчисляется в деньгах: нашлась у новых русских мелочевка и на «Мелочи жизни» (пошлый ремейк «Дня за днем»), и на теплохладного «Горячева», и на «Графиню Шереметеву», поощую бельканто не своим голосом. Но что они — супротив «Угрюм-реки» и «Адъютанта его превосходительства»! Какому толстосуму посылно переплунуть создателей «Майора Вихря» или «Знакоков» — позови он на помощь хоть всех членов Ассоциации писателей криминального жанра вкупе со всей столичной мафией! И допустимо ли в мыслях затмить «Тени, исчезающие в полдень» (а точнее — с утра пораньше) на ТВ-6, и каких трех богатырей бросить потягаться с «Тремя в лодке» на канале «Останкино»! Я уж не говорю про Штирлица, чье чудесное воскрешение из мертвых на исходе весны 94-го приветствовали единодушным залпом обозреватели всех популярных газет. Как будто мы Берлина еще не взяли. И не оставили. Но — молчу, молчу...

Тьмы низких истин нам дороже известно что — и уже не истина глаголет устами младенцев, но радушно пузырится на устах пятилетней Лики песня про зайцев, которым все рав-

но, и другая, про то, что неплохо очень иметь три жены (ретроспектива Гайдая — тоже ретросериал), а старшая ее сестрица, одиннадцатилетняя Ната, недоумевает, лицезрея в «Двенадцати стульях» не Миронова, но владельца ретро... тьфу! ресторана «Золотой Остап»: «А когда же будет Миронов?» Потерпи. На следующей неделе.

«Опять это наше старье! — морщились двадцать лет назад самые циничные из нас, увидев в ящике, например, «Весну» или «Волгу-Волгу», скажем честно, ленты из «Золотой фильмотеки» Госкино. — Показали бы Фреда Астера и Джуди Гарленд — вот это действительно класс!» Сегодня, увидев в третий раз за полгода Фреда и Джуди в «Золотой фильмотеке» ТВ-6, никто и бровью не ведет — переключают себе на Санкт-Петербург и наслаждаются «Верными друзьями». Всей семьей. «Жить было лучше, жить было веселее!» — без тени иронии восклицает бабушка, и внук-первоклассник кивает: «Угу».

Спрос диктует предложение. Но если вспомнить, что при Леониде Ильиче музыку заказывали ответственные работники аппарата ЦК, а нынче у нас, кажется, народовластие, то не подтверждает ли сегодняшний массовый заплыв по всем каналам ТВ в сторону, противоположную финишу, нерушимое единство партии и народа?

Это я шучу. Если серьезно — картина получается еще печальнее.

Получается — что и Горбачев, утверждавший, что наш народ принял его перестройку всей душой, и Ельцин, свято верящий, что народ уже не тот, — жалкие врунишки. И что они — как и их предшественники в Кремлевской башне — прожили лучшие годы своей жизни в башне из слоновой кости (преимущества русских слонов известны). А воз (то бишь народ) и ныне там. Там, где был и десять, и двадцать, и сорок лет назад...

Чемпион в заплыве — конечно, НТВ.

Это ж надо так остро увидеть, что ни в какие горы наш Мент Алитет не уходит, но месит и месит сапогами возлюбленную свою миргородскую лужу, — и купить на корню архив Гостелерадио времен покойного С.Г.Лапина! И чего-чего там нет: и «Кабачок», и «Вокруг смеха», и «КВН», и «Что? Где? Когда?» — какое пиршество духа!

И вы только посмотрите: не какие-нибудь бабушка и внук Митричи, а самые что ни на есть прогрессивные братья-журналисты тотчас хором затянули (сознаюсь: и меня на

минуточку влекло подтянуть) песенку про вымерших зайцев, не в пример нынешним. И смех прежде был добрее, и веселье и находчивые — веселее и находчивей, и уж, разумеется, знатоки — умнее и милее, а г-н крупье — не презренный металл метал когда-то на игровом столе, но собрания сочинений русских классиков! Что-то есть и в таких сравнениях — но уж больно к месту тут приходится фраза из письма Пушкина, посетившего спустя целую жизнь родовое поместье: «Вчера мне встретилась знакомая баба, которой не мог я не сказать, что она переменялась. А она мне: да и ты, мой кормилец, состарился да и подурнел. Хотя могу я сказать вместе с покойной няней моей: хорош никогда не был, а молод был»...

Как молоды мы были! Как искренне любили!..

Воевать со всем этим смешно. Смеяться над этим — воевать с собственной тенью. Тени исчезают вместе с нами, когда солнышко заходит. Так что остается пенять на солнышко, под которым живем.

По данным опроса общественного мнения, предпринятого Институтом социологии РАН совместно с НИИ Центром VI-Ratio «Особенности потребительского поведения аудитории СМИ», 99,9 процента телезрителей всем прочим кино- и телефильмам предпочитают советские ленты 60–80-х годов. Столь же высок процент зрителей повторов телевизионных программ периода застоя.

Единственная отдушина, пока еще как-то ощутимая при все нарастающем на ТВ поретр... тьфу! ветрови, — новости, политический комментарий на злобу дня. Да и то: в глазах Киселева и Митковой (не говоря про улыбку Алексеева) все более прочитывается усталость — «Ничего нового», «Чего говорить, когда нечего говорить». И «взглядовцев» после остренького и жареного тянет на вполне диетическую «ретруху», из-за океана вернулся к своим баранам Познер, воскресил из небытия «До и после» Молчанов. Того гляди, переименуют вечерний блок новостей «Останкино» во «Время», а субботние «Новости плюс» в «Эстафету новостей». Новое — преданное забвенью старое...

Пять лет назад сын одного моего знакомого писателя записал на видео все заседания Первого съезда Советов, веселого и драматического, как чемпионат по футболу. «Представляете, — сказал мне тогда гордый отец, — как это будет смотреться по ночам через пять лет!»

Интересно: кто сегодня отважится — и повторит?

Баллада о знамени

Из цикла «Легенды Невского проспекта»

*Знамя есть священная херувга,
которая... которой...*

А.Куприн. Поединок

Михаил ВЕЛЛЕР

Боевых офицеров, которые дожили до конца войны — и не были потом уволены в запас, — распихали по дальним дырам; подалее от декабристского духа. А то — навидались Европы, мало ли что. И они тихо там дослуживали до пенсии, поминая военные годы.

И торчал в глуши огромного Ленинградского военного округа обычный линейный мотострелковый полк. Это назывался он уже в духе времени — мотострелковый, а на самом деле был просто пехотный.

И командовал им полковник, фронтовик и орденосец, служба которого завершалась в этом тупике. В войну-то звания шли хорошо — кто жив оставался, а в мирное время куда тех полковников девать? дослуживай... Не все умеют к теплоте местечку в штабе или тем более на военной кафедре вуза пристроиться. А этот полковник мужик был простой и бесхитростный: служака.

Жизнь в полку скучная, однообразная: гарнизонное бытие. Слава и подвиги — позади. Новобранцы, учения, отчеты, пьянки и сплетни. Рядом — деревенька, кругом — леса и болота, ни тебе погулять, ни душу отвести.

А уж в деревне житье и вовсе ничтожное. Бедное и серое.

И только дважды в год сияло событие — устраивался парад. Это был праздник. В парад полковник вкладывал всю душу, вынимая ее из подчиненных. За две недели начинали маршировать. За неделю сколачивали на деревенской площади перед сельсоветом трибуну и обивали кумачом. Изготавливали транспаранты, прилепляли на стены плакаты. Сержанты гоняли солдат, офицеры надраивали парадную форму и нацепляли награды, технику красили свежей краской, наводя обода и ступицы белым для нарядности — все приводили в большой ажур.

И в радостные утра 7 Ноября и 1 Мая вся деревня загодя толпилась за оцеплением вокруг площади. Деревенское начальство и старшие офицеры — на трибуне. Комендантский взвод, в белых перчатках, с симоновскими карабинами, вытягивал линейных. Полковой оркестр слепил медью и рубил марши. И весь полк в парадных порядках, р-равнение направо, отбивал шаг перед трибуной. Все девять рот всех трех батальонов. Открыла парад по традиции разведрота, а завершал его артдивизион и танковая рота. В конце шли даже, держа строй, санитарные машины санчасти и ротные полевые кухни — все как есть хозяйство в полном составе.

Народ гордился, пацаны орали, офицеры держали под козырек, а во главе, в центре трибуны, стоял полковник, подав вперед грудь в боевых орденах, и отечески упивался безукоризненной готовностью своего полка. Все свое армейское честолюбие, всю кровную приверженность старого профессионала своему делу являл он в этих парадах.

А впереди всей бесконечной стройной колонны — знаменосец! — плыл двухметрового роста усатый и бравый старшина, полный кавалер орденов Славы. Это уже была просто местная знаменитость, любимец публики. Пацаны гордились им, как чем-то собственным, и спорили, что, поскольку он полный ка-

валер Славы, то он главнее офицеров, и старше только полковник.

А после парада был гвоздь программы — пиво! Надо знать жизнь глухой деревушки того времени, чтобы оценить, что такое было там — пиво; да еще для солдата. Дважды в год полковник усылал машину в Ленинград и всеми правдами и неправдами изыскивал средства и возможности купить три бочки пива. Каждому по кружке. Эти бочки закатывались в ларек, пустовавший все остальное время года, и вышедший с парадной дистанции личный состав в четко отработанной последовательности (это тоже входило в ночные и дневные репетиции!) выпивал свою кружку. А население кормили из дымивших, только что прошедших парадом полевых кухонь. Колхозников, естественно, было куда меньше, чем солдат в полку, и в этот-то уж праздничный день они наедались от пуза. И, таким образом, убеждали в смысле плаката на избе-читальне: «Народ и армия едины!».

Хороший был полковник. Слуга царю, отец солдатам.

И вот, значит, проходит такой первомайский парад. Оркестр ликует и гремит. Линейные замерли — штыки в небо, флажки на них плещутся. И с широкой алой лентой через плечо шагает старшина, колотя пыль из деревенского плаца, и в руках у него Знамя полка — 327-го гвардейского ордена Богдана Хмельницкого Славгородского мотострелкового — бахрома золотом, георгиевская лента по ветру бьет, орденки в углу эмалью блещет, и буквы дугой через красное поле. А по бокам его, на полшага сзади — ассистенты при знамени, статные юные лейтенанты, серебро шашек в положении на-краул искрами вспыхивает.

И за ними — со своей песней, с лихим присвистом — разведрота марширует.

Музыка сердца! Сильна непобедимая армия, жив фронтовой дух!

И, миновав дистанцию церемониального марша и свернув за угол единственной деревенской улицы, старшина-знаменосец подходит к ларьку. Кружки уже налиты, кухонный наряд, в белых куртках и колпаках, готов к раздаче — да чтоб без проволок! полторы тыщи рыл участвуют в параде, и каждому по кружке надо в отмеренные минуты!

И старшина, как знаменосец и заслуженный фронтовик, по традиции получает первым, и не одну кружку, а две. Первую он выпивает залпом, под вторую закуривает дорогую, командирскую, по случаю торжества, папиросу «Казбек» и уже через затяжку вытягивает пивко по глоточку и со вкусом. Парад окончен.

Теперь — в гарнизон, столы уже накрыты, столовая украшена: праздничный обед. К этому обеду полковник приказывал резать кабана из подсобного хозяйства, баранов, закупить в деревне соленых огурцов и давал ротным негласное указание организовать наркомовские сто граммов всему личному составу — без рекламы, так сказать. Во славу оружия и память Победы.

Хороший был полковник. Больше таких уже нет. Полк за ним — в огонь и в воду. И у командования на прекрасном счету, в пример всем ставили. Но — не продвигали... Не то он когда-то где-то сказал не то, или по возрасту попал в неперспективные, или замполит про сто граммов стучал в политотдел дивизии... В общем, вся его жизнь была — родной полк, и как апофеоз службы — эти парады.

Значит, старшина выбрасывает окурок, ставит с сожалением

пустую кружку и протягивает руку за знаменем, которое, свернув, прислонил к ларьку сбоку...

Не стоит там что-то зная. Это он перепутал — он его с другого бока прислонил.

Смотрит он с другого бока: нету. Нету там знамени. Странно. Ставил же. Сзади, значит, поставил... Но только сзади ларька знамени тоже нету.

Старшина спрашивает лейтенантов-ассистентов:

— Ребята, у кого знамя?

Они на него смотрят непонимающе:

— Как у кого? Ты ж его из рук не выпускал.

— Да вот, — говорит, — поставил здесь...

Они вместе смотрят ларек со всех сторон — нет, у ларька знамя не стоит.

Начинают вертеть головами по сторонам. Взять никто не мог. Кругом в пулеметном темпе полк пиво пьет повзводно и поротно и вольным шагом марширует в расположение.

— А кто сегодня дежурный по посту № 1? Во балда! Не иначе разводящий распорядился сдуру знамя сразу после парада доставить на место — и отрядил караульных прямо к концу церемониального марша. Так спрашивать же надо! салаги...

Старшина с ассистентами, спрятавшими шашки в ножны, идет в штаб полка, к знаменной витрине, где на посту № 1 стоит с автоматом «на грудь» часовой.

Пуста витрина.

— Знамя где? — спрашивает старшина у часового.

Тот от удивления начинает говорить, что ему на этом почетном посту категорически запрещено:

— Как это? Так вы же знаменосец...

— Тебе его что — не приносили?

— Кто?

— Ну... внешний караул...

— Никак нет. А что — должны были?

Идут к начальнику караула:

— Знамя ты брал?

Тот смеется — оценил шутку.

— Ага, — говорит. — Пусть, думаю, повисит немного над КПП, чтоб сразу было всем видно, что они входят не куда-нибудь, а в гвардейский орденосный полк.

— Ну же ты мудака! Где оно?!

— Да вы чего?.. Я ж так, ребята... шучу... а что?

— Шутить?! ничего. Молчи... понял?!

У старшины делается все более бледноватый вид, и пышные усы постепенно обвисают книзу. Лейтенанты-ассистенты — те откровенно мандражируют. И они начинают перерывать полк: какой идиот взял знамя и где его теперь держит.

Возвращаются к ларьку. Там уже свернуто все пивное хозяйство.

— Не, — говорит ларечник, — вы что. Ничо не видел. Да ты

ж его из рук не выпускал.

— Не выпускал, — мрачно басит сержант, сделавшийся ниже ростом.

Может, в кабинет командира полка занесли? Или к начштаба?

Идут обратно в штаб. Нет — пусто. Во все окна заглянули. Только часовой у пустой витрины смотрит выжидательно, болтая.

Они проходят по всем ротам. Идут в автопарк: может, знамя у ларька упало, соскользнуло по стенке, и кто-то в толчее его поднял и положил, например, на броню, и так на танке оно в парк и уехало.

Нет: нету.

Дежурный по парку сильно удивляется вопросу и, конечно, тоже ничего не видел.

Тем временем полк окончил праздничный обед. Половина солдат валит в увольнение: сбрасываться на самогон, драться в очередь вокруг четырех деревенских девок и склонять к любви средний школьный возраст. Офицеры компаниями шествуют по домам — за столы с выпивкой и закуской. Тихо в расположении. И нет нигде знамени.

Человек, не служивший в Советской Армии первого послевоенного десятилетия, а тем паче вообще штатский, ужаса и масштаба происшедшей трагедии оценить не может. В лучшем случае он слыхал, что высший знак солдатской доблести — это трахнуть бабу под знаменем части. Сейчас, когда лейтенант в автобусе не уступает место полковнику, когда и солдат не солдат, и офицер не офицер, и присяга не присяга, и армия развалилась на части, и не то что знамена — крейсера крадут и танковые колонны продают контрабандой за границу, — сейчас старая сталинского закала армия может восприниматься только как седая легенда. Потому что колхозный парень в армию шел как за счастьем: сытная еда! теплая красивая одежда! простыни, одеяло, койка! а через три года — паспорт в руки — и свободен, езжай куда хочешь! А посреди службы — десятидневный отпуск домой! Это ж был солдат. Не то что ноне, когда призванный в воздушный десант не может раз подтянуться на турнике. А офицер был — белая каста! Диагоналевая форма, паек, оплаченная дорога в отпуск, две тысячи зарплаты у взводного — офицер был богатый и уважаемый человек и ездил исключительно в купейном, а от майора — полагалось в мягком вагоне.

И отсутствие Знамени части — это кошунственнее, чем попасть в плен. Это граничит с изменой Родине. Это трибунал и вечный несмыслимый позор. Это... это невообразимо, невозможно! За знамя можно умереть, спасти его ценой своей жизни, вынести простреленным на собственном теле, встать на колено и поцеловать; в самом крайнем случае его можно склонить над телом павшего героя. Но лишиться его принципиально невозможно ни в коем случае. Провалился белый свет! — но знамя должно быть сохранным.

Хочу быть Веллером

«Сделай или сдохни» — любимый девиз героев Михаила Веллера. Его проза известна энергичным лаконизмом, сочностью диалогов и лихими сюжетными закрутками. Веллера интересует действие. Каждый его рассказ — тугая пружина. Протагонист вечно ставит себе неразрешимые задачи и добивается своего с той же изобретательностью, с какой Веллер все это описывает. Сам автор поставил себе задачу в глухом 1982 году издать книгу рас-

сказов «Хочу быть дворником» — и издал. Книга бомбой взорвалась в «Эсти раамат», в Таллине, куда Веллер ради этого переехал жить. С тех пор он издал около дюжины книг. «Я хочу писать лучшую малую прозу на русском языке», — признается его лирический герой в автобиографическом романе «Ножик Сережи Довлатова». Сказано — сделано.

Роман Веллера «Приключения майора Звягина» стал бестселлером прошлого го-

да. Автор тем временем написал книгу «Легенды Невского проспекта» — собрание баек, обладающих всеми достоинствами жанра плюс веллеровский неповторимый стиль. Сорокапятилетний Веллер находится в отличной форме, что сказывается и на форме его новых рассказов. Он делит свое время между лекциями за границей, наездами в Петербург и Москву и сидением за письменным столом в Таллине, где он доблестно отработывает звание лучшего прозаика ближнего русского зарубежья.

Д.Б.

И вот кругом весеннее солнце и пролетарский веселый праздник, а знамени нет. Законы чести рекомендуют выход единственный — застрелиться. Потому что второй выход, по законам чести, — это сначала с тебя перед строем сорвут погоны, а уже после этого ты можешь, опять же, застрелиться.

Но старшина — все-таки не офицер, и вообще он чудом уцелел, пройдя насквозь такую войну, и стреляться он не хочет. Тем более что у него семья и дети. И вообще, знамя еще не пропало, оно явно ведь где-то здесь есть, должно найтись.

Лейтенанты-ассистенты, которые по статуту церемонии призваны охранять со своими шашками вышеуказанное знамя, стреляться также не хотят. Они его в руках не держали, у них его не отбирали, чего ж им стреляться. Им еще жить да жить...

Они втроем еще раз и еще перерывают полк со всем его хозяйством вдоль и поперек — и нигде знамени нет. Его нет в Ленинской комнате, нет у полкового художника, нет в оркестре среди их тромбонов и геликонов, и нет даже на свинарнике в подсобном хозяйстве. На кухне нет, на стрельбище нет, и в санчасти тоже его нет.

А все уже обращают внимание, что они рыщут где ни попадая тройцей, и вид у них прибабахнутый. И на вопросы они не отвечают. А что тут ответишь? Что святыня части как-то вот ненароком потерялась?

Вечером один лейтенант говорит:

— Ну что... Надо докладывать.

Старшина — с мертвой безжизненностью:

— Кому?..

— Кому... По команде... дежурному по полку.

Старшина садится на завалинку, закрывает глаза и говорит:

— Докладывать будет старший по званию.

Лейтенанты хором говорят:

— Вот уж хрен тебе. Я дежурному докладывать не буду. Знамя поручено знаменосцу, вот ты и докладывай.

Старшина говорит:

— Я дежурному докладывать не буду. По уставу докладывает старший.

— По уставу тебя расстрелять перед строем за утерю знамени!

— Верно, — соглашается старшина. — Я буду стоять перед тем строем посередине, а вы по бокам.

В конце концов они втроем идут в дежурку, и там лейтенанты все-таки выхватывают старшину вперед:

— Ты фронтовик, кавалер Славы, не офицер, тебе простят... а нам — все: конец, суд офицерской чести — и в любом случае пинка под зад из армии, даже если оно найдется.

И старшина докладывает:

— Товарищ гвардии капитан... так и так... в общем... плохо все...

— Что такое? — весело спрашивает усатый гвардии капитан, принявший стакан по случаю праздника. — А по-моему — неплохо!

— ЧП...

— Ну, какое еще такое ЧП? Чего это у тебя, старшина, рожа такая невеселая, будто ты Знамя полка потерял?

Старшина белеет от такой проницательности и бормочет через силу:

— Так точно...

— Что — так точно?

— Ну... что вы сказали...

— Что я сказал? — удивляется капитан.

— Это... нету...

— Чего нету-то?

— Исчезло...

— Что исчезло?! Да доложи толком!

— Знамя...

— Какое знамя? — глупо переспрашивает дежурный.

— Какое у нас... полка.

— Чего-о?!

У капитана усы дыбом, глаза квадратные, фуражка на затылок скачет.

— Тьфу! — говорит. — Вы сколько выпили, чтобы так шу-

ПЕТР СТУПЕНКО

тить? Ну — они-то молодые, но ты — фронтовик, служака: разве этим шутят?

— Да я, — говорит старшина, — понимаю. Я не шучу.

— Что значит?!

Дежурному делается худо, и он отказывается осознать происшедшее. Он долго и мучительно привыкает, что это и вправду произошло, потому что этого не может быть, потому что этого не может быть никогда. И вот ему — как? за что? средь бела дня! — на его дежурстве!! такое ЧП. Это просто наихудшее, что вообще может быть. А с кого первая башка долой — с дежурного. Он отвечает за порядок в полку. О Господи!

Чего делать-то? А чего делать... надо докладывать командиру полка. Вот радость ему на празднике. Кондратий бы не хватил.

Дежурный принимает решение: объявляет.

— В общем так. Я докладывать командиру не буду. Не могу я такое докладывать! Сейчас семнадцать сорок. Смена дежурства в двадцать один ноль-ноль. Чтобы до этого времени знамя нашли. Бери всех свободных от караула — и ищите где хотите! суки!!! гады!!!

Срочно создается поисковая комиссия во главе с помдежмстарлеем и лихорадочно переворачивает полк. Ищут суки-гады — никакого результата.

В двадцать один ноль-ноль капитан сдает дежурство другому комроты и докладывает — рубит голосом самоубийцы:

— За время моего дежурства в полку случилось чрезвычайное происшествие... исчезло Знамя части. Дежурство сдал!

— Дежурство принял! — отвечает новый дежурный. — Ха-ха-ха! И давно исчезло-то? Что, в деревню за самогоном пошло?

На лице прежнего дежурного вспыхивает неизъяснимое злорадство: принял! принял дежурство! не может он принять дежурство, если Знамя пропало! не должен! он тревогу трубить должен, поднимать всех! А он принял! это — полгоры с плеч свалилось!..

Он снимает с рукава повязку, передает ее заступившему дежурному; тот садится на его стул за стол в дежурке, и бывший дежурный говорит:

— Да вот эти... фашисты!.. потеряли Знамя после парада.

А новый дежурный, тепленький после праздничного обеда с водочкой, благодушно откликается:

— Ха-ха-ха!

— Докладывай! — приказывает бывший дежурный старшине. И тот повторяет свой душераздирающий доклад.

Новый дежурный синее, трезвеет, хренеет:

— В-в-вы чо... охренели?.. славяне!.. братцы... товарищи офицеры! Я, — говорит, — дежурство не принимаю!

— Ты его уже принял. Так что давай — действуй. ЧП у тебя!

— У меня ЧП?! У тебя ЧП!!!

Короче: я, говорит, командиру докладывать не буду. Искать!!! Всем!!! Везде!!! В восемь утра построение — вот вам время до восьми.

И всю ночь уже человек двадцать шатаются с фонарями по гарнизону, как спятившие кладоискатели, и роют где ни попадя: даже матрасы в казармах вороша, и в ЗИПах смотрят... фиг: нету.

Утром является кинуть орлиный взор на свое образцовое хозяйство праздничный командир; и перекошенный капитан рапортует:

— Товарищ гвардии полковник! За время моего дежурства в полку чрезвычайных происшествий не случилось!

— Вольно.

— Но за время дежурства капитана Куманина случилось.

— Что — случилось?

— Чрезвычайное происшествие! Пропало Знамя части...

Полковник с сомнением озирается на белый свет, проковыривает мизинцем ухо и принохивается:

— А? Ты сколько выпил, гвардии капитан?

— Так точно. В смысле никак нет. Вот. Пропало полковое знамя.

Когда вытаскивают большую рыбу, ее глушат колотушкой по голове. Значит, командир покачивается, глаза у него делаются

отсутствующие, а на бровях повисает холодный пот. Ему снится страшный сон.

— Как... — шепчет он.

Вперед выпихивают несчастного старшину, который на ногах уже сутки, и старшина в десятый раз излагает, как он прислонил Знамя, как пил пиво, как бросил окурки и как Знамени на месте не оказалось.

Под командира подставляют стул, подносят воды, водки, закурить и обмахивают его фуражками. И доводят до сведения о принятых мерах. Все возможное предприняли, не щадя себя...

И зловещая тень Особого отдела уже ложится на золотые погони товарищей офицеров.

— Так, — говорит командир. — Так. Я в дивизию докладывать не буду. Что я доложу?! Я с этим знаменем до Одера!!! под пулями!!! Вы — что?! Старшина... ах, старшина... как же, ты что...

— Искать!!! — приказывает. — Всему личному составу — искать!!! Обед отменяется!!! Увольнения отменяются!!! Всех офицеров — в полк!!! не найдете — своей рукой расстреляю! на плацу!

И весь полк снует, как ошпаренный муравейник, — свое знамя ищет. Траву граблями прочесывает. Землю просеивает! Танкисты моторные отделения открывают, артиллеристы в стволы заглядывают!

Нету знамени.

А это значит — нету больше полка.

Потому что не существует воинской части, если нет у нее знамени. Нет больше такого номера, нет больше такой армейской единицы. Вроде полк есть — а на самом деле его уже нет. Фантом.

Три дня командир сидит дома и пьет. И после каждой стопки, днем и ночью, звонит дежурному: как? Нету...

Докладывает в дивизию: так и так... Пропало знамя.

Там не верят. Смеются. Потом приходят в ярость. Комдив говорит:

— Я в армию докладывать не буду. Вот тебе двадцать четыре часа! — иначе под трибунал.

Ищут. Командир пьет. Дежурные тоже пьют, но ищут. И лейтенанты-ассистенты пьют — прощаются с офицерскими погонями и армейской карьерой. Только старшина не пьет — он сверхсрочник, у него зарплата маленькая: ему уже не на что...

Комдив докладывает в армию, и диалог повторяется. Еще сутки пьют и ищут. И даже постепенно привыкают к этому состоянию. Это как если разбомбили тебя в пух и прах: сначала — кошмар, а потом — хоть и вправду ведь кошмар, но жить-то как-то надо... служба продолжается!..

Армия докладывает в округ. И все это уже начинает приобретать характер некоей военно-спортивной игры «пропало знамя». Все уже тихо ненавидят это неумовленное знамя и жадуют какого-то определения своей дальнейшей судьбы! И часовой исправно меняется на посту № 1, как памятник идиотизму.

Ну что: надо извещать Министерство обороны. И тогда — инспекция, комиссия, дознание: полк подлежит расформированию...

И вся эта история по времени как раз подпадает под хрущевское сокращение миллион двести. И под этот грандиозный хапарай расформирование происходит даже без особого треска. Тут Жукова недавно сняли и в отставку поперли, крейсера и бомбардировщики порезали, — хрен ли какой-то полк.

Лишний шум в армии всегда был никому не нужен. Командира, учитывая прошлые заслуги, тихо уволили на пенсию. И всех офицеров постарше уволили. Молодых раскидали по другим частям. С капитанов-дежурных сняли по одной звездочке и отправили командовать взводами. С лейтенантов-ассистентов тоже сняли по звездочке и зачихали в самые дыры, но ведь — «дальше Кушки не пошлют, меньше взвода не дадут...». Технику увели, строения передали колхозу. А старшину-знаменосца тоже уволили, никак более не репрессировав. Фронтовик, немолод, кавалер орденов Солдатской Славы всех трех степеней... жалко старшину, да и не до него... пусть живет!

И старшина стал жить... Ехать ему было некуда. Все его малое имущество и жена с детишками были при нем, а больше у

него ничего нигде на свете не было. И он остался в деревне.

Его с радостью приняли в колхоз: мужиков не хватает, а тут здоровый, всем известный и уважаемый, военный, хозяйственный; выделили сразу старшине жилье, поставили сразу бригадиром, завел он огород, кабанчика, кур, — налачился к гражданской жизни...

Через год, на день Победы, 9 Мая, пришли к нему пионеры. Приглашают на праздник в школу, как фронтовика, орденосца, заслуженного человека.

У старшины, конечно, поднимается праздничное все-таки настроение. Жена достает из сундука его парадную форму, утюжит, подшивает свежий подворотничок, он надевает ордена и медали, выпивает стакан, разглаживает усы, и его с помпой ведут в школу.

Там председатель совета пионерской дружины отдает ему торжественный рапорт. На шею ему повязывают пионерский галстук — принимают в почетные пионеры. И он рассказывает ребятишкам, как воевал, как был ранен, и как трудно и героически было на войне, и как его боевые друзья клали свои молодые жизни за счастье вот этих самых детей.

Ему долго хлопают и потом ведут по школе на экскурсию. Показывают классы, учительскую, живой уголок с вороной и ёжиком. А в заключение ведут в комнату школьного музея боевой славы, чтобы он расписался в Книге почетных посетителей.

И, растроганный этим приемом и доверчивыми взглядами и щебетом ребятишек, старшина входит в этот школьный их музей боевой славы, и там, среди витрин с ржавыми винтовочными стволами и стендов с фотографиями из газет, меж пионерских горнов и барабанов, он видит знамя их полка.

Оно стоит на специальной подставке, выкрашенной красной краской, развернуто и прикреплено гвоздиками к стене, чтобы хорошо было видно.

И над ним большими, узорно вырезанными из цветной бумаги буквами, по плавной дуге, идет вразумительная поясняющая надпись:

ЗНАМЯ 327-го ГВАРДЕЙСКОГО
СЛАВГОРОДСКОГО ОРДЕНА БОГДАНА
ХМЕЛЬНИЦКОГО МОТОСТРЕЛКОВОГО ПОЛКА
подарено
пионерской дружине № 27 имени Павлика Морозова
командованием части

...Это его пионеры сперли. Для музея. Сказали учителям, что подарили. Учителя очень радовались.

...История умалчивает, что сказал старшина пионерам, когда пришел в себя, и что он с ними сделал. Также неизвестно, как он добрался до дома. Но по дороге он из конца в конец улицы погонял деревенских мужиков, намотав ремень с бляхой на кулак и сотрясая округу жутчайшим старшинским матом. Силен гулять, с восторженным уважением решили мужики.

Через час кабанчик был продан, а жена, в ужасе глотая слезы, побежала за самогоном. Курей старшина извел на закуску. И сказал жене, что ноги его в этой деревне не будет. Он вообще ненавидит деревню, ненавидит сельское хозяйство, а уж это просто искоренит долга. И завтра утром едет искать работу в Ленинград. Иначе он за себя не отвечает. Пионерскую дружину он передумит, школу сожжет, а учителей повесит на деревьях вдоль школьной аллеи.

Вот так в Ленинградском Нахимовском училище появился двухметровый, усатый и бравый старшина, который еще двадцать лет на парадах в Москве ходил со знаменем училища перед строем нахимовцев, с широкой алой лентой через плечо, меж двух ассистентов с обнаженными шашками, и по телевизору его знала в лицо вся страна.

Господин Музыкант

Уважаемые господа музыканты!

Производственно-коммерческая
компания «Господин музыкант»
приглашает Вас
в свою музыкальную лавку,
где можно приобрести и заказать
различные музыкальные инструменты
и аксессуары: скрипки, виолончели,
альты, гитары, контрабасы,
народные инструменты, баяны,
аккордеоны, духовые инструменты,
струны, фурнитуру
для музыкальных инструментов.
С организациями и частными лицами
заключаем контракты на поставку
пианино и роялей фирм «Petrof»
и «Steinway» и духовых инструментов
«Amati».

Мы будем рады видеть Вас
по адресу:
ул. Герцена, дом 14/2
(на 1-м этаже Международного союза
музыкальных деятелей),
с 11 до 18 часов без перерыва,
ежедневно, кроме воскресенья.

На Ваши вопросы ответят
по телефону 201-67-39.

ТАРАКАН-ФИС

ЛЮДМИЛА ПЕТРУШЕВСКАЯ

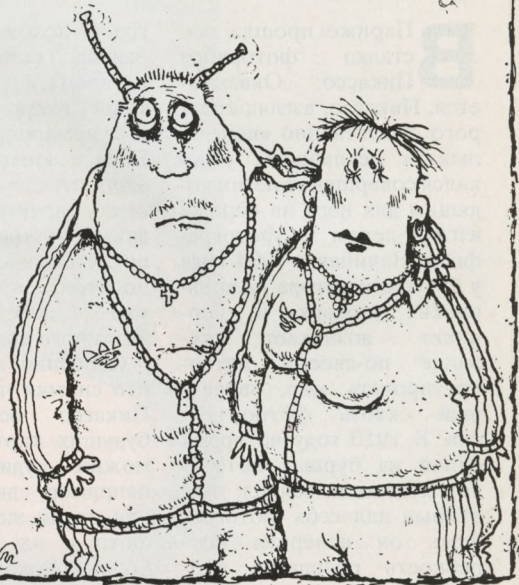
Сын таракана Максимки, таракан Максимка-юниор, юноша, не знающий бритвы, вдруг опомнился, осмотрелся вокруг себя и решил жить по-другому, не так как мамка с тятей, папа вообще роняет из рук посуду, а мать неспособна веником взмахнуть, только курит да по телефону травит, накручивая усы на горячую вилку.

Баста с этим, вдруг по-итальянски подумал Максимка-юниор и ушел из дома жить к подруге, дочери жука-солдата Андреича, которая хотя бы мазала ногти ярко-красным лаком и все остальное тоже.

Девушка оказалась умная, начитанная, могла даже различать по-английски слово «доллар», а по-немецки слово «марка», и даже понимала, как употребить множественное число, т.к. однажды уже накололась, сказав слово «марка» буквально, в единственном числе, и получив именно такой результат, вообще обнаглели все.

Всему этому она живо научила таракана Максимку-младшего, а он научил ее выражению «что ж я маленьким не сдох».

И все было бы хорошо, но подметать все равно никто не подметал, юношеские порывы не всегда совпадают с реальностью.

х.у. А. Лукьянчиков

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ИГОРЯ ИРТЕНЬЕВА

***

Я вчера за три отгула
Головой упал со стула.
Поначалу-то сперва
Подписался я за два,
Но, взглянув на эти рожи,
Нет, решил, так не пойдет,
И слупил с них подороже —
Я ж не полный идиот.

Кино

Блестят штыки, снаряды рвутся,
Аэропланов слышен гуд,
Куда-то белые несутся,
За ними красные бегут.

Повсюду реки крови льются,
Сверкают сабли там и тут,
Куда-то красные несутся,
За ними белые бегут.

А в небе жаворонок вьется,
В реке играет тучный язь,
И пьяный в луже у колодца
Лежит, уткнувшись мордой в грязь.

***

Меня зовут Иван Иванович,
Мне девяносто восемь лет,
Я не снимаю брюки на ночь
И не гашу в уборной свет.

Я по натуре мирный житель,
Но если грянет вдруг война,
Надену я защитный китель,
К груди пришпилю ордена

И в нижнем ящике буфета,
Где у меня военный склад,
Возьму «крылатую» ракету,
Ужо, проклятый супостат!

Ее от пыли отряхну,
Стабилизатор подогну.
Взложу на тетиву тугую,
Послушный лук согну в дугу,
А там пошлю на удалую,
И горе нашему врагу!

Кубизм родился из фотографий

В Париже прошла выставка фоторабот Пикассо. Оказывается, Пикассо, взгляд которого существенно «переделывал» реальность, увлекался совершенно не подходящим для него на первый взгляд делом — фотографией. Начиная с 1904 года у будущего автора «Авиньонских девушек» и «Герники» возникает желание по-своему интерпретировать мир, увиденный сквозь фотообъектив. В 1910 году во время одной из бурных вечеринок художник заявил, что, открыв для себя фотографию, он исчерпал потребность познавать что-либо еще и ему теперь остается лишь уйти из жизни. Но кризис был преодолен. А поскольку Пикассо всегда оставался Пикассо, его неповторимый гений не мог не проявиться и в фотоработах. Именно они спустя 80 лет после своего создания были показаны в Национальном музее Пикассо в Париже и стали настоящим открытием для публики.

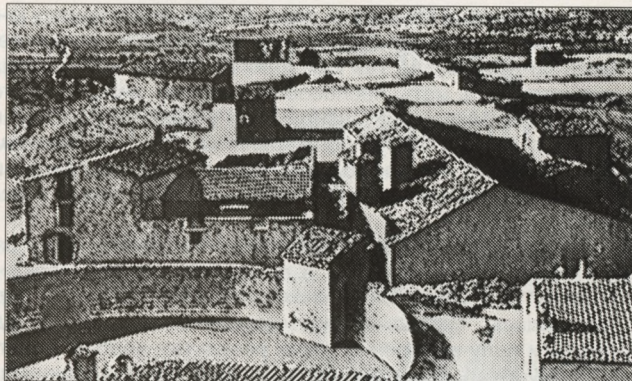
Одни из самых странных и любопытных снимков — автопортреты, в связи с которыми сам мэтр вспоминал хрестоматийную строчку Йейтса: «Искал я, источая зренье, // Свой лик до мирсотворенья». На фотографиях, которые делали другие — а он был одним из самых «снимаемых» художников своего времени, — Пикассо всегда насмешливо-ироничен. А на своих собственных он, напротив, кажется встревоженным, печальным и задумчивым, иногда даже грустным. Перед другими он играл. Перед собой оставлял притворство и становился серьезным. От неискренности спасало чувство юмора. Поэтому, например, серия автопортретов 1915—1916

годов похожа на своеобразный сеанс стриптиза, во время которого элегантный денди превращается в ярмарочного борца. Есть в этом и известный элемент провокации, столь характерный для дадаизма того времени, присутствовавший и в полотнах художника, но уже доведенный до истинного совершенства.

Особенно интересно то, что снимки часто служили Пикассо эскизами для будущих картин. Об этом можно судить, сравнив, например, два изображения одной женщины — на фото и на картине. Это Ольга Кохова, балерина труппы Сергея Дягилева, которую художник встретил в Риме, рисуя декорации к одному из балетов. (Кстати, через год после знакомства он женился на ней, и она стала матерью старшего из его сыновей — Поля.)

О том же свидетельствует и еще один факт. В 1909 году на отдыхе в маленькой каталонской деревне Хорта де Эбро Пикассо как будто озарил: он увидел небольшой поселок в виде своеобразной кубической композиции и, восхищенный, сразу зафиксировал открытие на пленке. Ему оставалось перенести на холст плоские тени и геометрические фигуры. Так родился кубизм. «Когда все восстало против надуманности этих пейзажей, мне было забавно показывать их фотографии. Сразу становилось ясно, что картины — почти буквальное изображение реальности», — вспоминала друг художника Гертруда Стейн, первой оценившая эстетическое значение фотографии в творчестве Пикассо.

Дарья ЩЕГОЛЬСКАЯ
По материалам
зарубежной прессы

Дом на холме (деревушка Хорта де Эбро)

Из серии автопортретов

Наличные деньги могут остаться лишь на полотнах старых мастеров да в нашей памяти

Ведь теперь у нас есть банковские карточки STB-card

Адрес: Москва, 113095, ул. Пятницкая, 72.
Телефоны: (095) 236-81-80, 236-80-57. Факс: 236-83-20.
Телекс: 411913 SBANK SU. Телегайн: 114250 СМОЛЯК

Учредитель

«Гермес-Финанс»

Уважаемые вкладчики!

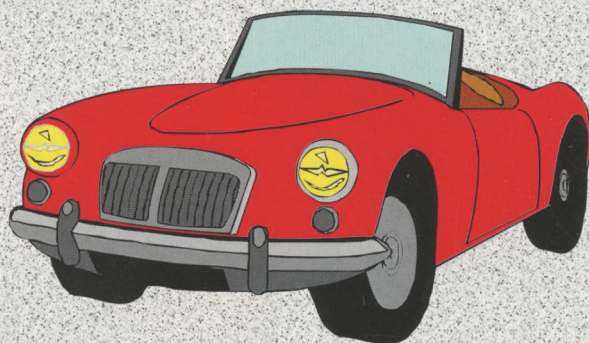
С 16 мая

«1-я Финансово-Строительная компания»
проводит рекламную акцию

«Машина —
каждую неделю»

Каждый день один из вкладчиков
«1-й Финансово-Строительной компании»
унесет домой один из шести призов:

1. МАГНИТОФОН
2. ВИДЕОПЛЕЙЕР
3. ВИДЕОМАГНИТОФОН
4. МИКРОВОЛНОВУЮ ПЕЧЬ
5. ТЕЛЕВИЗОР
6. АВТОМОБИЛЬ !!!

Условия просты:

- В течении рабочего дня из числа вкладчиков компьютер наугад определяет восемь человек (один человек в час);
- В этот же день в 17.30 методом компьютерной жеребьевки из них выбирается один;
- Выбранный вкладчик уносит один из шести призов или же — уезжает на АВТОМОБИЛЕ !

Адреса:

Москва, 1-я Миусская ул., 24/22. Тел.: 250-2312, 978-3485.

Москва, ст. м. «Кузнецкий мост», ул. Рождественка, д. 7/12 Тел.: 923-2287

Москва, Тверская ул., 28/2. Тел.: 357-5120, 374-8787, 350-2592, 531-1109,

209-2077.